

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ В ПРАВЕ:
«ВОЛШЕБНОЕ СТЕКЛО»
КОДИФИКАТОРА
(к 250-летию со дня рождения
Михаила Михайловича Сперанского)

Труды международной научно-практической конференции

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 2023

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

ISBN 978-5-288-06344-2

Редакционная коллегия:

Малышева Наталия Ивановна — канд. юрид. наук,
доц. кафедры теории и истории государства и права СПбГУ;
Суязов Вячеслав Валерьевич — канд. юрид. наук,
доц. кафедры теории и истории государства и права СПбГУ;
Тимошина Елена Владимировна — д-р юрид. наук, проф. кафедры
теории и истории государства и права СПбГУ;
Юдина Марина Игоревна — канд. юрид. наук,
доц. кафедры теории и истории государства и права СПбГУ

Ответственный редактор

Луковская Джаневра Игоревна — д-р юрид. наук,
проф. кафедры теории и истории государства и права СПбГУ,
заслуженный деятель науки Российской Федерации

(2 Мб) Систематизация в праве: «Волшебное стекло» кодификатора (к 250-летию со дня рождения Михаила Михайловича Сперанского): Труды международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 14 октября 2022 г. / под общ. ред. Д. И. Луковской.

14 октября 2022 года на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета состоялась международная научно-практическая конференция «Систематизация в праве: «Волшебное стекло» кодификатора», посвященная 250-летию со дня рождения Михаила Михайловича Сперанского. Целостность и многоаспектность освещения законоведческой деятельности Сперанского позволили актуализировать ряд его политико-правовых идей в свете проблем современной юриспруденции, подняв вопросы доктринальных оснований правовой политики и государственного нормотворчества, систематизации нормативных правовых актов, осуществления правосудия, развития национального юридического образования. В издании собраны статьи, представленные по теме конференции.

Подписано к использованию 02.06.2023

Издательство СПбГУ. 199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, д. 11.

Тел./факс +7(812) 328-44-22

E-mail: publishing@spbu.ru publishing.spbu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Луковская Джаневра Игоревна, Тимошина Елена Владимировна</i> (Россия, Санкт-Петербург) М. М. Сперанский и Петербургская школа философии права	5
<i>Архипов Владислав Владимирович, Карамышев Олег Михайлович</i> (Россия, Санкт-Петербург) Создатели первого Полного собрания и Свода законов Российской Империи	13
<i>Павлов Вадим Иванович (Беларусь, Минск)</i> Русская правовая мысль между консерватизмом и либерализмом (к 250-летию со дня рождения М. М. Сперанского).....	28
<i>Ящук Татьяна Федоровна (Россия, Омск)</i> От Свода законов Российской империи к Своду законов СССР (отечественная историко-правовая традиция сводообразования).....	43
<i>Соколова Алла Анатольевна (Беларусь, Минск)</i> Проблемы модернизации законотворческой деятельности в эпоху современных технологий	49
<i>Меньшикова Галина Александровна, Евстратчик Светлана Васильевна</i> (Россия, Санкт-Петербург) Досье нормативного правового акта: необходимость и возможность в условиях современной цифровизации	62
<i>Горюшина Юлиана Вадимовна (Россия, Тамбов)</i> М. М. Сперанский о задачах (функциях) законотворческой деятельности в Российской империи (введение в проблематику).....	78
<i>Шатковская Татьяна Владимировна (Россия, Ростов-на-Дону)</i> Вклад М. М. Сперанского в технологию кодификации российского права.....	86
<i>Трикоз Елена Николаевна (Россия, Москва)</i> Позитивистские идеи Дж. Бентама в проектах уголовно-правовой кодификации эпохи М. М. Сперанского	95
<i>Жданов Павел Сергеевич (Россия, Нижний Новгород)</i> Идейно-мировоззренческие основания реформаторской деятельности М. М. Сперанского	111
<i>Приходько Михаил Анатольевич (Россия, Москва)</i> М. М. Сперанский и попытка завершения правового оформления министерской системы управления в 1811 г.	121

<i>Александров Алексей Анатольевич (Россия, Москва)</i>	
Уголовное дело Л. Н. Струйского 1816–1819 годов в контексте развития М. М. Сперанским доктрины судебной власти и практики осуществления правосудия	127
<i>Милинчук Дарья Сергеевна (Россия, Москва)</i>	
«Расчистка» законодательства: объективная необходимость и реальная действительность	142
<i>Ревнов Борис Александрович (Россия, Санкт-Петербург)</i>	
Вопросы систематизации правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации	152
<i>Окунева Марина Олеговна (Россия, Москва)</i>	
Участие Академии наук СССР в систематизации законодательства в конце 50-х — 70-е гг.	166
<i>Самородов Владимир Юрьевич (Россия, Тамбов)</i>	
О культуре правотворчества по воззрениям М. М. Сперанского (к постановке вопроса)	178
<i>Гусарова Светлана Витальевна (Россия, Москва)</i>	
М. М. Сперанский как основатель идеи русского конституционализма (к юбилею выдающегося российского реформатора)	184
<i>Щерова Наталья Сергеевна (Россия, Нижний Новгород)</i>	
Деятельность М. М. Сперанского и ее восприятие дореволюционной юридической журналистикой	195
<i>Лонская Светлана Владимировна (Россия, Калининград)</i>	
Концепция правосудия М. М. Сперанского	202
<i>Юдина Марина Игоревна (Россия, Санкт-Петербург)</i>	
М. М. Сперанский о верховенстве «правильного» Закона	209
<i>Varga Csaba / Варга Чаба (Венгрия, Будапешт)</i>	
Law, logic and structuration in legal systematics / Право, логика и природа правовой систематики	226
<i>Nikolić Aleksa / Николич Алекса (Сербия, Белград)</i>	
Constitutional Identity of Russian Federation / Конституционная идентичность Российской Федерации	240
<i>Марковић Ђорђе Драгослав / Маркович Георгий Драгослав (Сербия, Белград)</i>	
Judicial appointments in Russia and Serbia through the prism of the standards of the Council of Europe and the Venice commission / Выборы судей в России и в Сербии в зеркале стандартов Совета Европы и Венецианской комиссии	250

Луковская Джаневра Игоревна

*д-р юрид. наук, проф. Санкт-Петербургского государственного университета,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
Россия, Санкт-Петербург*

Тимошина Елена Владимировна

*д-р юрид. наук, проф. Санкт-Петербургского государственного университета,
Россия, Санкт-Петербург*

М. М. СПЕРАНСКИЙ И ПЕТЕРБУРГСКАЯ ШКОЛА ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Аннотация: В статье рассматривается вклад М. М. Сперанского в формирование и развитие российской юридической школы и, в частности, Петербургской школы философии права. Показывается, какие организационные усилия были предприняты М. М. Сперанским для создания школы, включая его участие в разработке положения о порядке получения степени доктора прав в Санкт-Петербургском императорском университете. Говоря о внутренней истории научной школы, начало которой было положено трудами М. М. Сперанского, авторы обращают внимание на ряд значимых идей ученого, получивших преемственное развитие в рамках Петербургской школы философии права, включая и работы ее современных представителей. К числу таких идей относятся представления о государстве как специфическом виде организованной правом социальной группы, правовом характере публичной власти как ее существенном и необходимом признаке, о коррелятивной связи правомочий и правовых обязанностей и др.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, Петербургская школа философии права, научная школа, право и власть, правовой плюрализм, легитимность права, субъективное право.

Не будет преувеличением утверждение о том, что Михаил Михайлович Сперанский (1772–1839) является основателем российской юридической школы. В связи с юбилейной датой хотелось бы вспомнить, чем обязана М. М. Сперанскому Петербургская юридическая школа и Петербургская школа философии права в частности.

Научная школа имеет, условно говоря, внешнюю историю — историю тех организационных усилий, которыми создавалась школа. Но есть также и внутренняя история научной школы как особой интеллектуальной среды — как история идей. Эти две истории Петербургской школы философии права, начало которой было положено трудами М. М. Сперанского, нам и хотелось бы кратко представить.

История создания так называемой юридической школы М. М. Сперанского хорошо известна и была в подробностях описана еще в конце XIX в.¹ В процессе кодификационных работ была осоз-

¹ См., напр.: *Баршев Я. И.* Историческая записка о содействии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии развитию

нана необходимость подготовки специалистов с фундаментальным юридическим образованием. В январе 1828 г. М. М. Сперанский обращается к Николаю I с запиской «О кандидатах законовещения», в которой он изложил собственную программу развития юридического образования в России, сформулировал ее основные принципы и предложил способ ее реализации. Замысел Сперанского был одобрен Николаем I, и уже через несколько дней был объявлен именным указ министру народного просвещения «Об образовании при Санкт-Петербургском университете кандидатов правоведения». Их практическое обучение должно было проходить при Втором отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии, которое осуществляло кодификационные работы. Остановимся кратко на личном участии М. М. Сперанского в осуществлении этого проекта подготовки кандидатов правоведения.

Во-первых, одна из главных заслуг М. М. Сперанского — умение выбирать людей, которые были бы способны осуществить его замысел, т. е. смогли бы ежедневно обучаться с 6 утра и до 8 часов вечера — таково было расписание занятий кандидатов правоведения. Как известно, первыми студентами стали выпускники духовных учебных заведений, которые, как и выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии М. М. Сперанский, получили в их стенах классическое образование, предполагавшее знание древних языков. Правильность выбора Сперанского подтвердили последующие научные и административные успехи воспитанников его школы: Константин Алексеевич Неволин, Петр Давыдович Калмыков, Яков Иванович Баршев, Александр Иванович Кранихфельд, которые не только были профессорами юридического факультета Санкт-Петербургского университета, но и занимали должность декана юридического факультета, а Петр Григорьевич Редкин — даже был его ректором.

Во-вторых, М. М. Сперанского интересовало прежде всего содержание тех знаний, которые кандидаты правоведения получают в результате их весьма короткого, но интенсивного обучения. Именно поэтому он собственноручно написал для слушателей несколько курсов лекций — трактатов по различным областям юриспруденции. В их числе — опубликованные в журнале «Правоведение» «Основания российского права» и еще ожидающий своей публикации

юридических наук в России. СПб., 1876. С. 3–31; Майков П. Сперанский и студенты законовещения // Русский вестник. 1899. № 262. С. 239–256.

интереснейший по содержанию «Трактат о гражданском праве», который даже не упоминается в описаниях архива М. М. Сперанского.

В-третьих, Сперанский отстаивал идею соединения практического и фундаментального теоретического юридического образования. Для обеспечения теоретической части предусматривалась постоянная работа с зарубежной литературой — под надзором М. А. Балугьянского чтение лучших юридических книг с их конспектированием². Для обеспечения практической части обучения М. М. Сперанский лично ежедневно планировал работу студентов законовведения во Втором отделении, с тем чтобы они оказывали непосредственную помощь при подготовке кодификации и вместе с тем чтобы эти занятия имели бы обучающий эффект. Кроме того, студенты должны были заниматься обобщением судебной сенатской практики.

В-четвертых, Сперанский был убежден в том, что юридическое образование должно быть избавлено от провинциализма — будущие профессора права должны знать европейское право и его историю, быть европейски образованными учеными. М. М. Сперанский лично договаривается с главой исторической школы права Ф. К. фон Савиньи о продолжении обучения студентов в Берлинском университете под его научным руководством; определяет дисциплины, которые обязаны прослушать кандидаты правоведения; сам неоднократно приезжает в Берлин, чтобы переговорить с Ф. К. фон Савиньи о ходе их занятий. О встречах с М. М. Сперанским берлинский профессор писал М. А. Балугьянскому (в письме от 1 ноября 1830 г.): «Я имел счастье познакомиться со Сперанским; немногие часы, проведенные мною с ним вместе, останутся для меня навсегда незабвенными. Поистине это редкая радость — увидеть государственного Мужа, на закате столь влиятельной и богатой событиями жизни сохранившего еще бодрость и свежесть духа разума. Как бы охотно воспользовался я еще раз поучительную беседу этого прекрасного человека. Передайте ему, до какой степени пламенного почитателя он во мне имеет»³.

² См. об этом, напр.: *Кодан С. В.* Страницы истории: Школа профессоров российского права М. М. Сперанского // Государство и право. 2003. № 9. С. 88–95.

³ Цит. по: *Авенариус М.* Савиньи и его русские ученики. Передача научного юридического знания в первой половине XIX в. // Древнее право. 2005. № 15. С. 114.

Наконец, *в-пятых*, прежде всего благодаря усилиям М. М. Сперанского был создан прецедент получения степени доктора прав в Петербургском университете. При этом само положение о порядке получения докторской степени также было составлено при непосредственном участии Сперанского. Оно включало в себя программу, которая насчитывала 600 вопросов по различным областям юриспруденции — теория и философия права, история правовых идей и история права, римское право, и только 159 вопросов были посвящены действующему российскому праву.

Всего было три набора и три выпуска школы. После завершения обучения в Берлине в 1832–1834 гг. студенты правоведения сдали экзамен, защитили диссертации и после 1835 г. были распределены в университеты Империи. Санкт-Петербургский университет также пополнился новыми профессорами-юристами.

Говоря о внутренней истории научной школы, начало которой было положено трудами М. М. Сперанского, обратим внимание на ряд значимых идей ученого, получивших преемственное развитие в рамках Петербургской школы философии права, включая и работы ее современных представителей⁴.

Во-первых, право рассматривается Сперанским прежде всего как явление, обусловленное этической природой человека и природой общества, а следовательно, генезис права связан в первую очередь с образованием и эволюцией «общественных союзов» (М. М. Сперанский), социальных групп (Л. И. Петражицкий, П. А. Сорокин и др.).

Так, объясняя историческое происхождение государства, М. М. Сперанский выделяет три вида исторически предшествовавших ему общественных союзов: семья, родовое общество и гражданское общество. Каждое из этих догосударственных обществ, как и само государство, рассматривается Сперанским прежде всего как правовой союз, т. е. как организованную правом социальную общность. Уже в первом общественном союзе — семье — ученый обнаруживает, с одной стороны, «равенство и взаимство», т. е. частноправовые отношения, с другой стороны — не «силу и рабство», но «власть и повиновение», т. е. публично-правовые отношения⁵. Соответственно, в каждом из выделяемых им видов обществ есть

⁴ См., напр.: Поляков А. В., Тимошина Е. В. Общая теория права: учебник. СПб., 2017.

⁵ Сперанский М. М. Руководство к познанию законов / отв. ред. И. Д. Осипов. СПб., 2002. С. 192.

публичная власть. Таким образом, государство рассматривается Сперанским как вид правового союза, формирующийся на определенном этапе культурного развития, а государственная власть — как вид публичной власти. Отсюда следует также, что согласно теоретической позиции М. М. Сперанского, перефразируя известное высказывание позитивиста Г. Ф. Шершеневича⁶, право предшествует государству исторически и логически, т. е. право является необходимой теоретической предпосылкой объяснения государства. В этом можно увидеть и намек на идеи правового плюрализма, которые были характерны для всех представителей школы в ее прошлом и настоящем — Л. И. Петражицкого, П. А. Сорокина, Г. Д. Гурвича, А. В. Полякова.

Принципиальное положение теории права Л. И. Петражицкого также состояло в том, что государство является следствием культурной эволюции права. В своих работах Л. И. Петражицкий доказывает, что именно правомочие, понимаемое им как специфическое эмоционально-интеллектуальное переживание, есть главный источник государственной организации общества. Свойственная праву организующая функция через корреляцию прав и обязанностей создает взаимную координацию поведения в социальной группе и ее иерархическую структуру. Соответственно государство рассматривается как специфический вид организованной правом социальной группы⁷.

Во-вторых, если впоследствии позитивист Г. Ф. Шершеневич писал о том, что власть есть сила, а не право⁸, то М. М. Сперанский и представители Петербургской школы философии права исходили из ровно противоположного утверждения — власть есть право, а не сила. Существенной характеристикой публичной власти является ее правовой легитимный характер. Понятие легитимности публичной

⁶ «Государство предшествует праву исторически и логически» (цит. по: Шершеневич Г. Ф. Общая теория права // Шершеневич Г. Ф. Избранное. В 6 т. Т. 4 / сост.: П. В. Крашенинников. М., 2016. С. 271).

⁷ См. об этом, напр.: *Петражицкий Л. И.*: 1) Очерки философии права // Петражицкий Л. И. Теория и политика права / науч. ред. Е. В. Тимошина. СПб., 2010. С. 260–269; 2) Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 165–181; *Сорокин П. А.* Организованная группа (институт) и правовые нормы // Петербургская школа философии права: К 150-летию со дня рождения Льва Петражицкого / под общ. ред. А. В. Полякова, Е. В. Тимошиной. СПб., 2018. С. 600–627.

⁸ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. С. 213.

власти передается Сперанским при помощи специфического термина — «первообразное право», которым обладает субъект публичной власти в каждом из четырех видов общественных союзов, включая государство. Это первообразное право происходит от признания в субъекте публичной власти нравственного авторитета и представляет собой право определять поведение других. Первообразному праву публичной власти соответствует первообразная обязанность подвластных — признание публичной власти и обязанность подчинения ей⁹. Публичная власть, таким образом, конструируется как правовое отношение.

Эта позиция М. М. Сперанского поддерживалась, пожалуй, всеми представителями Петербургской школы философии права. Так, Л. И. Петражицкий в своих размышлениях о понятии государственной власти подчеркивает ее социально-служебный характер. Государственная власть, с точки зрения ученого, — это не «воля», могущая делать что угодно, опираясь на силу»¹⁰, это особый вид права — право социально-служебной власти, которое *приписывается* подвластными субъекту публичной власти. Служебный характер государственной власти выражается в том, что она есть власть служебная «прежде всего и преимущественно по отношению к правам граждан и праву вообще»¹¹.

В-третьих, право рассматривалось М. М. Сперанским, как и впоследствии представителями Петербургской школы философии права, прежде всего как субъективное право, коррелятивно связанное с правовой обязанностью. Мыслитель подчеркивает, что употребление слова «право» в значении закона «российскому языку не свойственно», поскольку «слово *право* происходит от слова *править*; правят *по закону* лица, но закон сам по себе не правит»¹². Он понимает под правом прежде всего субъективное право, определяя его как «власть требовать того, чем нам обязаны другие».¹³ При

⁹ Сперанский М. М. Обязанность и право // ОР РНБ. Ф. 731. Ед. хр. 1229. Л. 2–3.

¹⁰ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. С. 181.

¹¹ Там же.

¹² Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. С. 194.

¹³ Сперанский М. М. Четыре беседы с наследником престола / публ. Д. И. Луковской, С. С. Гречишкина // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1997. № 4. С. 72.

этом Сперанский полагает, что «право как власть может принадлежать только лицу, разумом и волей одаренному, как и обязанность может быть возложена только на лицо».¹⁴ Преемственное развитие представлений о субъективном праве и его первичности по отношению к правовой обязанности можно проследить вплоть до идей Л. С. Явича, вслед за Л. И. Петражицким рассматривавшего субъективное право как основание психологического принуждения¹⁵, и А. В. Полякова, отстаивающего в рамках коммуникативной теории права «эйдетическое первородство» правомочия¹⁶.

Список литературы:

1. *Авенариус М.* Савиньи и его русские ученики. Передача научного юридического знания в первой половине XIX в. // Древнее право. 2005. № 15.
2. *Баршев Я. И.* Историческая записка о содействии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии развитию юридических наук в России. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1876.
3. *Кодан С. В.* Страницы истории: Школа профессоров российского права М. М. Сперанского // Государство и право. 2003. № 9.
4. *Майков П.* Сперанский и студенты законовещения // Русский вестник. 1899. № 262.
5. *Петражицкий Л. И.* Очерки философии права // Петражицкий Л. И. Теория и политика права / науч. ред. Е. В. Тимошина. СПб.: Юридическая книга, 2010.
6. *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000.
7. *Поляков А. В.* Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: Курс лекций. СПб.: Изд. дом С.-Петербурга. гос. ун-та, 2004.
8. *Поляков А. В., Тимошина Е. В.* Общая теория права: учебник. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2017.
9. *Сорокин П. А.* Организованная группа (институт) и правовые нормы

¹⁴ *Сперанский М. М.* О Законах // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1881. Т. 30. С. 354.

¹⁵ *Явич Л. С.*: 1) Общая теория права. Л., 1976. С. 81–82; 2) Сущность права. Л., 1985. С. 156.

¹⁶ *Поляков А. В.* Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: Курс лекций. СПб., 2004. С. 282.

// Петербургская школа философии права: К 150-летию со дня рождения Льва Петражицкого / под общ. ред. А. В. Полякова, Е. В. Тимошиной. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018.

10. *Сперанский М. М.* О Законах // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 30. СПб., 1881.
11. *Сперанский М. М.* Руководство к познанию законов / отв. ред. И. Д. Осипов. СПб.: Наука, 2002.
12. *Сперанский М. М.* Четыре беседы с наследником престола / публ. Д. И. Луковской, С. С. Гречишкина // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1997. № 4.
13. *Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права // Шершеневич Г. Ф. Избранное. В 6 т. Т. 4 / сост.: П. В. Крашенинников. М.: Статут, 2016.
14. *Явич Л. С.* Общая теория права. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976.
15. *Явич Л. С.* Сущность права. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985.

Архипов Владислав Владимирович

*д-р юрид. наук, проф. Санкт-Петербургского государственного университета,
Россия, Санкт-Петербург*

Карамышев Олег Михайлович

*канд. юрид. наук, доц. Санкт-Петербургского государственного университета,
Россия, Санкт-Петербург*

СОЗДАТЕЛИ ПЕРВОГО ПОЛНОГО СОБРАНИЯ И СВОДА ЗАКОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация: В докладе рассматривается вопрос об участии М. А. Балугьянского, а также иных лиц, работавших в составе Комиссии составления законов Государственного совета, а затем под личным контролем Императора Николая I и общим руководством М. М. Сперанского во Втором отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии, в создании и издании законодательных сборников — Полного собрания и Свода законов Российской Империи.

Ключевые слова: Николай Первый, М. М. Сперанский, М. А. Балугьянский, Комиссия составления законов, Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, систематизация законодательства, Полное собрание законов Российской Империи, Свод законов Российской Империи.

Значение для развития отечественного права систематизации законодательства, в целом завершённой в период правления Императора Николая Павловича в начале 1830-х годов и выразившейся в изданиях Полного собрания и Свода законов Российской Империи, трудно переоценить. До этого момента сам имперский законодатель имел довольно-таки смутные представления о действовавших в стране законах. Следствием чего являлось и отсутствие необходимого единообразия в правоприменительной практике.

Необходимость проведения новой после издания Уложения 1649 года систематизации законодательства ощущалась в России, по крайней мере с начала XVIII столетия. Уже Петр Великий и все его преемники на российском императорском престоле, за исключением разве что Императора Петра Федоровича, издавали указы и создавали органы, ориентированные на проведение такой систематизации¹. Наиболее активно этот вопрос ставился в период правления

¹ См., напр.: Именной указ от 18 февраля 1700 г. «О заседании в Государевых Палатах Боярам для учинения свода Уложения, и всех указов после того состоявшихся» // ПСЗ-1. Т. IV. № 1765; Именной указ от 1 июня 1726 г. «О слушании новосочиняемого Уложения в Сенате» // Там же. Т. VII. № 4895; Сенатский указ от 14 июня 1728 г. «О пополнении прежнего Уложения и о высылке для того в Москву из офицеров и из дворян способных людей из каж-

Императрицы Екатерины II, что было связано с деятельностью широко известной Уложенной комиссии. Однако все попытки систематизировать огромный и все нарастающий объем российского законодательства вплоть до правления Николая I к желаемому результату так и не привели.

С дореволюционных времен в нашей историографии все лавры по созданию Полного собрания и Свода законов Российской Империи традиционно приписываются Михаилу Михайловичу Сперанскому. Участие иных лиц в этом процессе если и отмечают, то как бы проходя, мимоходом, что в значительной мере справедливо в отношении самого Михаила Михайловича, но довольно-таки несправедливо в отношении многих других выдающихся отечественных государственных деятелей, принимавших непосредственное участие в этой работе.

Прежде всего, нельзя не отметить заслуги самого государя Императора. Николай Павлович, еще будучи великим князем, получил, помимо прочего, и вполне полноценное для России того времени юридическое образование, изучая вместе с младшим братом, великим князем Михаилом, юридические науки с 1813 по 1817 г. (фактически полный университетский курс), преподаваемые им профессорами Михаилом Андреевичем Балугьянским (право естественное,

дой губернии по 5 человек, кроме Лифляндии, Эстляндии и Сибири» // Там же. Т. VIII. № 5287; Именной указ «О немедленном окончании начатого Уложения и об определении к сочинению оного добрых и знающих людей из шляхетства, духовенства и купечества и о поднесении каждой конченной главы к Высочайшему утверждению» // Там же. № 5567; Сенатский указ от 24 августа 1754 г. «О сочинении по судебным местам проектов Уложения, по плану прилагаемому, и о предоставлении таковых же проектов из коллегий с их мнениями и планами на рассмотрение Сената» // Там же. Т. XIV. № 10283; Именной указ от 14 декабря 1766 г. «Об учреждении в Москве комиссии для сочинения проекта нового Уложения, и о выборе в оную депутатов» // Там же. Т. XVII. № 12801; Именной указ от 16 декабря 1796 г. «О собрании в Уложенной комиссии и во всех архивах изданных донныне узаконений и о составлении из оных трех книг законов Российской империи: уголовных, гражданских и казенных дел» // Там же. Т. XXIV. № 17652; Именной указ от 16 декабря 1796 г. «О рассматривании в Сенате вносимых от генерал-прокурора оканчиваемых в Уложенной комиссии узаконений и об определении чиновников для составления книг сих законов» // Там же. № 17654; Именной указ от 5 июня 1801 г. «О управлении Комиссией составления законов графу Завадовскому. С приложением Высочайшего рескрипта, данного на его имя» // Там же. Т. XXVI. № 19904; и др.

публичное и народное) и Василием Григорьевичем Кукольником (право римское и российское гражданское)².

Следует подчеркнуть, что в основу реализованной систематизации законодательства Императором Николаем I был положен его собственный план, предполагавший «вместо сочинения новых законов... собрать сперва вполне и привести в порядок те, которые уже существуют», а само дело систематизации «по его важности» было взято им в непосредственное руководство и поставлено под его личный жесткий контроль³. С этой целью Император не только упразднил прежнюю Комиссию составления законов, учредив вместо нее в составе Собственной Его Императорского Величества (СЕИВ) канцелярии особое Второе отделение, но и потребовал еженедельно представлять ему отчеты о деятельности ее сотрудников, которые регулярно просматривал⁴.

Как известно, план систематизации законодательства, первоначально предлагаемый М. М. Сперанским, был больше ориентирован на создание новых уложений («отраслевых кодексов»). Возможно, он представляется более перспективным и многообещающим. Однако при оценке этих планов необходимо учитывать следующие обстоятельства. Например, проекты гражданского уложения, впервые вынесенного на обсуждение Государственного совета еще в самом начале деятельности этого учреждения, периодически рассматривались на протяжении всего XIX столетия, но до 1917 года, т. е. до конца имперского периода, так и не были приняты. А уголовное Уложение, проект которого опять-таки поступил в Государственный совет в начале XIX века, обрело силу закона (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.) лишь к середине столетия. Таким образом, оказывается, что план Императора Николая I по систематизации законодательства, пусть и достаточно прозаичный, в итоге оказался куда более эффективным и реалистичным.

Ключевой фигурой в истории систематизации российского имперского права стал также уже упомянутый Михаил Андреевич Балуцкий. Русин (карпаторосс) по происхождению, который о себе

² См.: ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 975; РГИА. Ф. 759. Оп. 6. Д. 1182.

³ Корф М. А., барон. Жизнь графа Сперанского. Т. 2. СПб., 1861. С. 300.

⁴ См. об этом: Мемории о трудах чиновников 2-го отделения СЕИВ канцелярии, занимающихся сводами — РГИА. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 86. См. также: Корф М. А. Указ соч. С. 315.

указывал, что происходит «из благородны венгерских уроженцев»⁵, Михаил Андреевич на родине носил фамилию Балотянский, в России же стал прозываться Балугьянский. В России первой половины XIX века это был довольно уникальный специалист, не только получивший систематическое европейское юридическое образование сначала в Королевской академии в Кокшау (ныне г. Кошице в Словакии), а затем на юридическом факультете Венского университета, но и преподававший право в течение почти полутора десятков лет в Великоварадской академии в Венгрии. Придворный гоф-хирург Иван Орлай, по инициативе которого М. А. Балугьянский был приглашен на русскую службу, в своей записке от 5 марта 1803 года писал о нем так: «г. Балотянский окончив в разных академиях науки учился напоследок законоискусству в Венском университете, где в продолжении четырехлетнего курса так успел, что не только первейшим в том почитался, но еще и в одобрение успехов его, несмотря на исповедуемый им грекокафолический закон, который в Австрийских областях препятствует отличению талантов, произведен в профессору политических наук, кои 14 уже лет и преподает он с великою похвалою в Великоварадской академии. Место сие получил он не по протекции, которая всегда была и будет преградю неслучайной способности, но по ученому конкурсу, отдавшему справедливость дарованиям г. Балотянского, коим и сам известный в Европе законоискусник г. Соннефелс удивлялся», и далее: «Г-н Балотянский. В Велико-Варадинской академии в Венгрии публичный ординарный профессор права естественного, публичного и народного универсального и политики. Родом карпато-россианин. Курс философии кончил в Кошицкой академии в Венгрии, а юриспруденции в Университете венском. Сей муж везде был первым, везде непобедимый в науках»⁶.

Будучи приглашенным в Петербург в 1803 году сроком на три года для преподавания в Педагогическом институте, Михаил Андреевич оставался на русской службе вплоть до своей кончины в 1847 году.

К М. А. Балугьянскому в Санкт-Петербургском государственном университете и на его юридическом факультете ныне особое отношение. Он был первым деканом юридического факультета

⁵ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1844 г. Д. 3. Л. I, 1.

⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 30. Л. 1 об., 5.

в Петербурге, а также первым ректором Санкт-Петербургского императорского университета. М. А. Балугьянский стал деканом философско-юридического факультета при Главном педагогическом институте 8 марта 1817 года, при переименовании этого института в университет 26 марта 1819 года был вновь избран деканом, затем 4 октября того же года вступил в отправление должности ректора Университета⁷. Позднее, в 1874 году, в Санкт-Петербургском университете по юридическому факультету были учреждены стипендии имени Балугьянского⁸.

М. А. Балугьянский, кроме своих занятий в Педагогическом институте, а затем в Университете, который покинул в 1824 году, имел и множество других назначений. С 1810 года он занимался делами по Канцелярии министра финансов, присутствовал в Комитете лифляндских дел о крестьянах, с 1817 года был директором Комиссии погашения долгов.

Еще 20 июня 1804 года он был определен редактором по части государственного хозяйства и финансов в Комиссию составления законов, а 4 марта 1809 года был назначен начальником ее 4-го отделения (публичного права и государственной экономии). При преобразовании Комиссии в 1816 году определен при ней чиновником по особым поручениям, а 21 апреля 1822 года назначен членом Совета Комиссии составления законов⁹.

Вслед за этим ежегодными предписаниями главноуправляющего Комиссией составления законов светлейшего князя Петра Васильевича Лопухина М. А. Балугьянскому были поручены «все вообще занятия на Комиссию законов возложенные»¹⁰, т. е. фактическое руководство и координация ее деятельности. Барон (с 1872 г. — граф) Модест Андреевич Корф, однокашник А. С. Пушкина по Царскосельскому лицу и один из первых и основных биографов М. М. Сперанского, бывший в числе чиновников Комиссии составления законов, а затем и Второго отделения СЕИВ канцелярии, впоследствии также

⁷ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. 1844 г. Д. 3. Л. 1–12; Ф. 1251. Оп. 1–1. Д. 212. Л. 1–12.

Новый декан философско-юридического отделения Петр Дмитриевич Лодий был определен к этой должности лишь в декабре 1819 года. — ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 82.

⁸ См.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 7416.

⁹ Корф М. А. Указ соч. С. 301.

¹⁰ РГИА. Ф. 1260. О. 1. Д. 167. Л. 1–1 об.

писал о том, что Комиссия в то время управлялась Советом, в котором с 1822 года председательствовал профессор Балугьянский¹¹.

В июле 1825 года М. А. Балугьянский представил князю П. В. Лопухину отчет о деятельности Комиссии за 1822–1825 годы, в котором указывалось, что, помимо обработки дел по поручению Государственного совета и работы над проектами уложений (гражданского, торгового, устава гражданского судопроизводства и др.), Комиссия также занималась и составлением хронологических сводов и реестров существующих законов¹². По этому поводу Балугьянский писал: «Для достижения той цели, чтоб своды сии могли быть окончены в самом скором времени признано нужным составить наперед хронологические реэстры всем узаконениям от издания Уложения Царя Алексея Михайловича до нынешних времен. Потом сделаны реэстры по каждому предмету отдельно, как-то: по праву государственному, гражданскому, торговому, уголовному, по судопроизводству и пр. Сей общий реэстр составлен в 1823-м году, а в минувшем 1824-м году произведена ему поверка с реэстрами в архиве Правительствующего Сената находящимися. По поверке всех сих составленных реэстров открылось, что число указов от издания Уложения 1649 года до сего 1825 года в продолжение без мала двух столетий состоявшихся простирается до 30 т[ысяч] указов, из сего числа до 6 т[ысяч] указов принадлежат к законодательствам гражданскому, уголовному, торговому и судопроизводству. По сим составленным в Комиссии Законов реэстрам с удобностию могут быть собраны полные своды законов о каждом праве, поместив в оные одно только существо каждого с показанием времени издания и с присовокуплением реэстров хронологических и азбучных»¹³.

Не исключено, что идея составления хронологических реестров была личной инициативой М. А. Балугьянского, поскольку все тот же барон М. А. Корф, характеризуя отношения М. М. Сперанского с Комиссией составления законов, указывает: «Если занятия собственно по уложениям лежали в последние годы царствования Александра исключительно на Сперанском, то во всем остальном он не имел никакого соприкосновения к комиссии и только... по временам управлял ею за отлучками Лопухина»¹⁴.

¹¹ Корф М. А. Указ соч. С. 301.

¹² РГИА. Ф. 1260. О. 1. Д. 167. Л. 1–2 об.

¹³ РГИА. Ф. 1260. О. 1. Д. 167. Л. 8 об. — 10.

¹⁴ Корф М. А. Указ соч. С. 301.

В отчете М. А. Балугьянского обращает на себя внимание количество законодательных актов, выявленных с 1649 года в Комиссии составления законов и включенных ею в общий хронологический реестр — около 30 000¹⁵. Примерно то же самое количество актов (30 600 + 145 литерных, дополнительно помещенных в конце 40-го тома) вошло и в состав первого Полного собрания законов Российской Империи, которое начало печататься уже в 1828 году.

Из протоколов первых собраний Второго отделения СЕИВ канцелярии явствует, что его ведущие сотрудники, так называемые старшие чиновники, были ориентированы, главным образом, на разработку уже свода законов, широко используя при этом хронологические реестры, подготовленные в прежней Комиссии составления законов¹⁶.

Таким образом, если не основной, то значительный задел (розыск и фиксация актов, их учет и систематическое расположение в хронологическом порядке) по подготовке будущего Полного собрания законов был реализован еще в период правления Императора Александра I сотрудниками Комиссии составления законов. В этом свете деятельность данной Комиссии, по крайней мере в последние годы ее существования (1822–1825), представляется не столь уж и безрезультативной, как ее принято обычно характеризовать.

При создании в 1826 году Второго отделения СЕИВ канцелярии М. М. Сперанский, как известно, не получил в нем никакой официальной должности, но фактически выполнял функции главноуправляющего этим Отделением. Такой пост и был со временем официально учрежден, но лишь в 1839 году, уже после смерти графа М. М. Сперанского. Формально же в 1826 году руководство Вторым отделением было поручено М. А. Балугьянскому, назначенному начальником этого Отделения; данную должность он занимал более 20 лет, вплоть до своей кончины.

Для публикации подготавливаемых законодательных сборников в 1827 году при Втором отделении СЕИВ канцелярии были учреждены Комитет и типография, главным начальником которых 6 октября 1827 года был назначен опять-таки М. А. Балугьян-

¹⁵ В донесении от 12.05.1826 о трудах чиновников архива Второго отделения СЕИВ канцелярии Балугьянский сообщал: «надворный советник Хавский окончил нумерацию указов с 1649 по 31.12.1825, каковых оказалось 22054». РГИА. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 86а. Л. 11–11 об.

¹⁶ РГИА. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 86а. Л. 2–3 об.

ский¹⁷. В связи с чем его впоследствии иногда представляли не только как одного из основных создателей, но и как издателя Полного собрания и Свода законов¹⁸.

По свидетельству старшей дочери Михаила Андреевича Балугьянского, баронессы Марии Михайловны Медем, оставившей мемуары о своем отце, в 1877 году один из сенаторов признался ей, что когда-то в беседе с Императором Николаем Павловичем «старался убедить Государя устранить от дел отца, ввиду того что он уже стар и будто бы неспособен вести дела с прежнею энергиею. На это Государь отвечал: “Позвольте, граф, мне и Михаилу Андреевичу остаться на наших местах до нашей кончины!”»¹⁹.

Примечательно, что, помимо всех прочих наград, 16 июля 1837 года Михаилу Андреевичу Балугьянскому был пожалован Императором диплом на российское дворянское достоинство с гербом, в котором во второй части полупересеченно-рассеченного щита изображена в лазоревом поле серебряная открытая книга, сопровождаемая в оконечности римской цифрой XV. Данная геральдическая эмблема символизировала его труды и заслуги по созданию 15-томного Свода законов Российской Империи²⁰.

Об отношении М. М. Сперанского к М. А. Балугьянскому барон М. А. Корф писал следующее: «Сперанский любил и уважал Балугьянского как добрейшее и благороднейшее существо в мире и берег его как человека близкого к Государю; сверх того он дорожил им и как источником познаний действительно энциклопедических, из которого можно было черпать сколько угодно, не боясь оскудения»²¹.

Баронесса М. М. Медем отношения между ее отцом и М. М. Сперанским характеризовала так: «Заслуги такого замечательного человека, как Сперанский, по законодательству никогда не имели бы

¹⁷ РГИА. Ф. 1251. Оп. 1–1. Д. 212. Л. 3–4, 12; Ф. 1349. Оп. 4. 1844 г. Д. 3. Л. 1–12.

¹⁸ См.: Прибавления к газете «Псковские губернские ведомости» от 28.08.1840.

¹⁹ *Медем М. М., баронесса. Мои воспоминания об отце Михаиле Андреевиче Балугьянском* // Русский архив. 1885. № 11. С. 427.

²⁰ *Борисов И. В. Дворянские гербы России: опыт учета и описания XI–XXI частей «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской Империи»*. М., 2011. С. 38 (№ 115).

²¹ *Корф М. А. Указ соч. С. 313.*

столь громадного значения или вернее успеха без деятельного участия Михаила Андреевича. Хотя этот последний и был подчинен ему по службе, как младший, но тем не менее он всегда был его сотрудником. Михаил Михайлович не мыслим без Михаила Андреевича... По законодательным работам они оба шли постоянно вместе; Сперанский имел выгоду русского языка, чего был совершенно лишен Михаил Андреевич, бумаги которого вчерне писались или по-латыни, или по-французски, а только впоследствии он освоился с чуждым ему языком. Они были в непрерывных сношениях и вели часто переписку и разговоры по-латыни... Сперанский, как известно, не имел систематического подготовительного образования и только в позднейшее время уже сам старался пополнить пробелы, в чем он конечно и преуспел до известной степени; отец же имел постепенную, методическую и строго научную подготовку. Но все эти противоположности несколько не мешали обоим жить в мире и трудиться сообща»²².

Безусловно, огромный вклад в дело систематизации имперского законодательства внесли и многие другие сотрудники Комиссии составления законов, а затем и Второго отделения СЕИВ канцелярии и прежде всего его старшие чиновники, ответственные за определенные направления («отрасли права») при составлении Свода законов.

По предварительным данным в Комиссии составления законов в 1822–1825 годах числилось не менее 40, а во Втором отделении СЕИВ канцелярии в 1826–1833 годах — не менее 55 чиновников (см. Приложение). Персональный вклад каждого из них в создание первого Полного собрания и Свода законов Российской Империи еще ждет своего исследователя.

²² *Медем М. М.* Указ соч. С. 430–432.

Приложение

Список чиновников, числящихся в составе Комиссии составления законов (КСЗ) за период с 1822 по 1825 г. и в составе Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии (2-го ОСЕИВК) за период с 1826 по 1833 г.²³:

АДЕЛУНГ Федор Павлович, чиновник по особым поручениям КСЗ 1822–1825

АЛЕКСАНДРОВ Иван Федорович, корректор типографии 2-го ОСЕИВК 1829–1833

АНАСТАСЕВИЧ Василий Григорьевич, в должности редактора КСЗ 1822–1824

АННЕНКОВ Гаврила Александрович, чиновник по особым поручениям КСЗ 1822–1825

АРСЕНЬЕВ Константин Иванович, редактор КСЗ 1825, старший чиновник 2-го ОСЕИВК 1826–1832

БАЛЛЕ Иван Петрович, младший помощник 1830, прикомандированный 2-го ОСЕИВК 1831–1833

БАЛУГЪЯНСКИЙ Михаил Андреевич, член Совета КСЗ 1822–1825, начальник 2-го ОСЕИВК 1826–1833, главный начальник при Комитете и типографии 2-го ОСЕИВК 1828–1833

БОГОЛЮБОВ Семен Гаврилович, секретарь КСЗ 1822–1825

БЫКОВ Андриан Васильевич, письмоводитель типографии 2-го ОСЕИВК 1829–1833

БЫКОВ Василий Михайлович, директор типографии 2-го ОСЕИВК 1828–1831

ВЕЛЬЯМИНОВ-ЗЕРНОВ Владимир Федорович, старший чиновник 2-го ОСЕИВК 1830

ВИРСТ Федор Крестьянович, чиновник по особым поручениям КСЗ 1822–1825

ВИТТЕНГЕЙМ Отто Григорьевич, чиновник по особым поручениям КСЗ 1824–1825

ВЛАДИМИРСКИЙ Александр Григорьевич, корректор типографии 2-го ОСЕИВК 1829–1833

²³ Список составлен по сведениям из изданий: Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской Империи на лето от Рождества Христова 1823. Ч. 1. С. 77–78 (по спискам от 21.11.1822); 1824. Ч. 1. С. 78–79; 1825. Ч. 1. С. 83–84; 1827. Ч. 1. С. 21–22.; 1828. Ч. 1. С. 23–24; 1829. Ч. 1. С. 24–26; Прибавление к 1 и 2 части Месяцеслова с росписью чиновных особ, изданного на 1826 год С. 7–8; Месяцеслов и общий штат Российской Империи на 1830. Ч. 1. С. 18–20; на 1831. Ч. 1. С. 18–21; на 1832. Ч. 1. С. 20–22; на 1833. Ч. 1. С. 23–24.

ВОСТОКОВ Александр Христофорович, переводчик КСЗ 1822–1824
ВРАНГЕЛЬ Егор Васильевич, барон, чиновник по особым поручениям
КСЗ 1822–1825
ВРАНГЕЛЬ Юлий Васильевич, барон, редакторский помощник
1822–1824
ВРОНЧЕНКО Федор Павлович, чиновник по особым поручениям
КСЗ 1822–1825
ГАВРИЛОВ Владимир Логинович, прикомандированный 2-го ОСЕ-
ИВК 1830
ГАГЕНМЕЙСТЕР Юлий Андреевич, прикомандированный 2-го ОСЕ-
ИВК 1831–1833
ГЕНИНГ Карл Богданович, помощник библиотекаря 1824, библиоте-
карь КСЗ 1825, чиновник при архиве и библиотеке 2-го ОСЕИВК 1826–1833
ГИММЕЛЬШТИРН фон Рейнгольд Самсон, прикомандированный
2-го ОСЕИВК 1831
ГОФМАН Андрей Логинович, член Комитета 2-го ОСЕИВК 1828–1833
ГРАНДИДЬЕ Иосиф Антонович, аббат, библиотекарь КСЗ 1822–1824
ГРАФФА Иван Иванович, фактор типографии 2-го ОСЕИВК 1829–1833
ДАНИЛОВИЧ Игнатий Николаевич, прикомандированный 2-го ОСЕ-
ИВК 1831–1833
ДАШКОВ Дмитрий Васильевич, член Совета КСЗ 1824–1825
ДОЛГОРУКИЙ Юрий Алексеевич, князь, старший чиновник 2-го
ОСЕИВК 1829–1833
ДЮПОН Александр Осипович, переводчик КСЗ 1822–1825
ЕСИПОВ Александр Яковлевич, секретарь КСЗ 1822–1825
ЗАМЯТНИН Дмитрий Николаевич, старший помощник 2-го ОСЕ-
ИВК 1826–1833
ЗИНОВЬЕВ, коллежский советник, чиновник по особым поручениям
КСЗ на 1825
ИВАНОВ Иван Иванович, архивариус КСЗ 1822–1825
ИГРЕНЕВ Николай Васильевич, прикомандированный 2-го ОСЕИВК
1830–1832
ИКСКУЛЬ Александр Карл, барон, прикомандированный 2-го ОСЕ-
ИВК 1830–1831
ИЛЛИЧЕВСКИЙ Платон Демьянови, старший помощник 2-го ОСЕ-
ИВК 1826–1833
ИЛЬИНСКИЙ Николай Степанович, чиновник по особым поручени-
ям КСЗ 1822–1825
КАПГЕР Иван Крестьянович, старший помощник 2-го ОСЕИВК
1826–1833
КЕЛЕР Максим Егорович, старший помощник 2-го ОСЕИВК 1826–1833

КЛИМОВ Борис Никифорович, смотритель дома типографии 2-го ОСЕИВК 1828–1829

КЛОКОВ Валериан Емельянович, редактор КСЗ 1825, старший чиновник 2-го ОСЕИВК 1826–1833

КОПТЕВ Николай Николаевич, редактор КСЗ 1825

КОРФ Модест Андреевич, барон, редакторский помощник 1822–1824, чиновник по особым поручениям КСЗ 1825, старший чиновник 2-го ОСЕИВК 1826–1833

КОТЛОВ Петр Захарьевич, корректор 2-го ОСЕИВК 1829–1833

КРУГ Андрей Федорович, редакторский помощник 1822–1824, редактор КСЗ 1825, чиновник при архиве и библиотеке 2-го ОСЕИВК 1826–1833

КУНИЦЫН Александр Петрович, старший чиновник 2-го ОСЕИВК 1826–1833

КУТУЗОВ Николай Иванович, младший помощник 2-го ОСЕИВК 1828–1833

ЛОПУХИН Петр Васильевич, светлейший князь, главноуправляющий КСЗ 1822–1825

ЛУКЪЯНОВИЧ Яковлев Михаил, директор типографии 2-го ОСЕИВК 1833

МАЙЕР Александр Леонтьевич, чиновник при архиве и библиотеке 2-го ОСЕИВК 1826–1833

МАЛЕВСКИЙ Франциск Самсонович, прикомандированный 2-го ОСЕИВК 1831–1833

МАРТЫНОВ Александр Иванович, старший помощник 2-го ОСЕИВК 1826–1831

МАСЛОВСКИЙ Измаил Николаевич, смотритель дома 2-го ОСЕИВК 1828–1833

МЕРЦ Федор Федорович, младший помощник 2-го ОСЕИВК 1826–1833

МИЛЛЕР Александр Христианович, прикомандированный 2-го ОСЕИВК 1831

МИТУСОВ Григорий Петрович, чиновник по особым поручениям КСЗ 1822–1825

МОРОЗ Данила Матвеевич, член Совета КСЗ 1822–1824

НОРОЛЬСКИЙ Александр Павлович, прикомандированный 2-го ОСЕИВК 1830–1833

ПЛИСОВ Моисей Гордеевич, старший чиновник 2-го ОСЕИВК 1829–1833

ПОМИАН-ПЕЗАРОВИУС Павел Павлович, чиновник по особым поручениям КСЗ 1822–1825

РЕПИНСКИЙ Козьма Григорьевич, младший помощник 2-го ОСЕИВК 1828–1833

СЕЛЕЗНЕВ Андрей Иванович, корректор типографии 2-го ОСЕИВК 1831–1833

СИНЕЛЬНИКОВ Филипп Мартынович, чиновник по особым поручениям КСЗ 1822–1825

СОММА Александр Константинович, правящий должность экзекутора КСЗ 1822–1825, экзекутор 2-го ОСЕИВК 1828–1833

СТАРЦОВ Николай Мелентьевич, младший помощник 2-го ОСЕИВК 1826–1833

СТРОЕВ Владимир Михайлович, прикомандированный 2-го ОСЕИВК 1831–1833

СУВОРОВ Николай Андреевич, смотритель дома типографии 2-го ОСЕИВК 1831–1833

ТЕРЕНТЬЕВ Петр Герасимович, младший помощник 2-го ОСЕИВК 1826–1833

ТЕУБЕЛЬ Иван Андреевич, журналист 1824, переводчик КСЗ 1825, младший помощник 2-го ОСЕИВК 1826–1833

ТИМКОВСКИЙ Иван Осипович, председатель Комитета 2-го ОСЕИВК 1828–1833

ТУРГЕНЕВ Александр Иванович, член Совета КСЗ 1822–1824 (на 1825 в отпуске)

ФЕСЛЕР Игнатий-Аврелий, чиновник по особым поручениям КСЗ 1822–1825

ФОМИН Василий Иванович, помощник архивариуса КСЗ 1822–1825

ХАВСКИЙ Петр Васильевич, редактор КСЗ 1822–1825, чиновник при архиве и библиотеке 2-го ОСЕИВК 1826–1829

ЦЕЙЕР Франц Иванович, чиновник по особым поручениям КСЗ 1822–1825, старший чиновник 2-го ОСЕИВК 1826–1829

ЦЕЙМЕРН фон Максим Карлович, редактор КСЗ 1825, старший помощник 2-го ОСЕИВК 1826–1830

ЦИММЕРМАН Густав Иванович, чиновник по особым поручениям КСЗ 1822–1825

ЦИММЕРМАН Карл Иванович, редактор КСЗ 1822–1825, старший чиновник 2-го ОСЕИВК 1826

ШЕМИОТ Станислав Викентьевич, член Комитета 2-го ОСЕИВК 1828–1833

ЭРИСТОВ Дмитрий Алексеевич, князь, в должности редакторского помощника 1822–1824, редактор КСЗ 1825, старший помощник 2-го ОСЕИВК 1826–1833

ЯКОВЛЕВ Александр Павлович, казначей и бухгалтер типографии 2-го ОСЕИВК 1829–1833

ЯКОВЛЕВ Михаил Лукьянович, прикомандированный 1830–1831, чиновник при архиве и библиотеке 2-го ОСЕИВК 1832

Список источников:

1. *Российский государственный исторический архив (РГИА):*
Ф. 733 (Департамент народного просвещения). Оп. 86. Д. 30 «Записка гоф-хирурга И. С. Орлая о карпато-русских профессорах — П. Д. Лодии, В. Г. Кукольнике, Петрашевиче, Балотянском (Балугьянском), Владимирове и др. и о желательности привлечь их в Россию. 5 марта 1803 г.».
Ф. 759 (Собственная ЕИВ канцелярия по учреждениям Имп. Марии). Оп. 6. Д. 1182 «О представлении императрице Марии Федоровне профессоров Кукольника В. Г. и Балугьянского М. А.».
Ф. 1251 (Бумаги М. М. Сперанского). Оп. 1-1:
Д. 86-а «Мемории о трудах чиновников 2-го отделения СЕИВ канцелярии за 1826 год».
Д. 212 «Формулярный список о службе статс-секретаря, сенатора, тайного советника, начальника II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, М. Балугьянского. 1846 г.».
Ф. 1260 (Комиссия составления законов при Государственном совете). Оп. 1. Д. 167 «Отчет М. А. Балугьянского о деятельности Комиссии составления законов при Государственном совете».
Ф. 1349 (Формулярные списки чинов гражданского ведомства). Оп. 4. 1844 г. Д. 3 «Формулярный список о службе статс-секретаря, сенатора, тайного советника, начальника II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, М. Балугьянского. 10.11.1844».
2. *Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб):*
Ф. 14 (Императорский Петроградский университет. Петроград. 1819–1918). Оп. 1:
Д. 82 «Об избрании в деканы философско-юридического факультета профессора Лодия».
Д. 7416 «Об учреждении стипендий по юридическому факультету Санкт-Петербургского университета статс-секретаря Балугьянского».
Ф. 139 (Канцелярия попечителя Петроградского учебного округа. Петроград. 1803–1918). Оп. 1. Д. 975 «Донесение конференции Педагогического института о назначении профессоров Кукольника и Болугьянского, по воле государыни императрицы, обучать великих князей римскому, естественному и прочим правам».
3. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. СПб., 1830 (ПСЗ-1). Т. IV, VII, VIII, XIV, XVII, XXIV, XXVI.

4. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1823. Ч. 1; 1824. Ч. 1; 1825. Ч. 1; 1827. Ч. 1; 1828. Ч. 1; 1829. Ч. 1. [СПб., 1823–1825, 1827–1829].
5. Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1830. Ч. 1; на 1831. Ч. 1; на 1832. Ч. 1 на 1833. Ч. 1. [СПб., 1830–1833].
6. Прибавление к 1 и 2 части Месяцеслова с росписью чиновных особ, изданного на 1826 год. СПб., 1827.
7. *Борисов И. В.* Дворянские гербы России: опыт учета и описания XI–XXI частей «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской Империи». М., 2011.
8. *Корф М. А., барон.* Жизнь графа Сперанского. Т. 2. СПб., 1861.
9. *Медем М. М., баронесса.* Мои воспоминания об отце Михаиле Андреевиче Балугьянском // Русский архив. 1885. № 11.
10. Прибавления к газете «Псковские губернские ведомости» от 28.08.1840.

Павлов Вадим Иванович

*канд. юрид. наук, докторант Академии Министерства внутренних дел
Республики Беларусь, Беларусь, Минск*

РУССКАЯ ПРАВОВАЯ МЫСЛЬ МЕЖДУ КОНСЕРВАТИЗМОМ И ЛИБЕРАЛИЗМОМ (к 250-летию со дня рождения М. М. Сперанского)

Аннотация: в статье рассматриваются политико-правовые воззрения М. М. Сперанского в контексте присущего русской правовой традиции дуализма консервативной и либеральной правовой мысли. Отмечается, что в творчестве и реформаторской деятельности М. М. Сперанского отразились характерные черты указанного дуализма: с одной стороны, попытка учета мыслителем специфики цивилизационно-культурного организма России, в своих истоках связанного с византийской цивилизацией и прежде всего с ее идейно-политическим основанием в виде православной веры и культуры; с другой — приверженность западноевропейской правовой методологии.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, либерализм, консерватизм, право, реформы, новоевропейская правовая методология.

С первой четверти XIX в., когда первые слушатели — выпускники духовных школ — были направлены в западноевропейские университеты для получения образования и в дальнейшем для формирования национальной правовой школы на основе полученного опыта, когда началась масштабная институционализация науки и образования и в России появились университеты в статусе светских учебных заведений (Университетский устав 1804 г.), в российской юриспруденции, а шире — в социогуманитарной мысли, начала складываться только ей свойственная особенность. Она заключается в постоянно присущем не только российской, но и всей восточнославянской социогуманитарной мысли проблеме определения между Западом и Востоком, между либеральными и консервативными идеалами общественного развития, между секулярно обусловленным и религиозно обусловленным гуманитарным мышлением. Два пути развития русской правовой, социально-политической мысли в первые программно обозначились в известной полемике между западниками и славянофилами в 30–40-е гг. XIX в. С определенными оговорками можно утверждать, что эта особенность политико-правовой мысли сохраняется и сегодня.

Указанная цивилизационно-культурная конфликтность, бинарность, если ее так можно именовать, не характерна для западной правовой культуры. Разумеется, и там формировались самые разные направления мысли. Однако в западном правовом дискур-

се неизменно присутствует магистральная линия, которую можно отождествить с новоевропейской правовой методологией. Речь в данном случае идет не только о естественно-правовых идеях XVII–XVIII вв. и о политико-правовых концепциях, разработанных на их основе, но и об уникальном культурно-историческом процессе становления западной цивилизации, включающем в себя особенности западного христианства (римо-католицизма), экономики, политики, освоении территорий (колониальная политика) и т.д. Все эти факторы повлияли на цивилизационно-культурную самодостовенность, социальные и правовые идеалы Запада, которые после эпохи модерна приобрели вполне определенные черты. С эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени западная культура постепенно становится лидером в экономике (зарождающийся капитализм), в науках, достаточно рано начавших там отделяться от религии, в новых типах мышления, связанных с рационализмом и эмпиризмом. Французская энциклопедия (1751–1780) положила начало доступу к совершенно новому способу познания и осмысления мира на базе просветительских идей, на основе нового понятийно-категориального и концептуально-смыслового аппарата¹. Не будет поэтому преувеличением сказать, что концептуальный язык юриспруденции — это новоевропейский политико-правовой язык, господство которого в западной правовой культуре является вполне органичным и исключает колебания в магистральном направлении развития правовой и всей цивилизационно-культурной традиции.

К началу освоения западного концептуального багажа и основанных на нем технологических достижений была направлена реформаторская деятельность Петра I, преследующая вполне прагматические соображения повышения эффективности государственно-

¹ М. М. Сперанский в адресованных императору «Размышлениях о государственном устройстве Империи» (1802) в форме саркастического диалога от лица противников преобразований отмечает: «Россия долго стояла покойно в настоящем ее положении. Все были счастливы, то есть те, кои имели большие доходы, проживали их в удовольствии, бедные работали, богатые пользовались трудами рук их и за то ими управляли. Все было в порядке и в приятной взаимности. Всякая перемена раздвигает мысли народные, по крайней мере на несколько линий, а размышление всегда народу вредно. Известно, что французская революция произошла от книг» (цит. по: *Сперанский М. М.* Руководство к познанию законов. СПб.: Наука, 2002. С. 252). Приведенный пассаж указывает на безусловную положительную оценку мыслителем Французской революции и идей Просвещения.

го управления, реформу армии и судопроизводства, развитие наук и ремесел и т. д. Реформы начала XVIII в., вследствие которых Россия была «записана в ученики к Европе», несмотря на их социально-экономическую прагматичность, послужили, как впервые указали на это еще «ранние» славянофилы, началом формирования той самой дихотомии в русской правовой мысли между вестернизацией и славянством. С Петровской эпохи начинается ломка устоев Московской Руси, прежде всего в области культуры и ценностно-мировоззренческих оснований жизнедеятельности общества. В правовой мысли России со второй половины XIX в., если оценивать разработку различных правовых концепций, значительным перевесом обладали именно либерально ориентированные школы. В партийно-политическом плане они достигли своего выражения в деятельности партии кадетов в составе всех четырех Государственных дум Российской империи. Но и в советском правоведении, жестко связанном идеями государственного легизма, и в первое десятилетие после распада Советского Союза, несмотря практически на полное поглощение национальной правовой школы идеями юснатурализма, и на современном этапе ключевой вопрос о выборе пути развития права, государственности в указанной бинарной идейной оппозиции оставался и остается прежним.

Значение деятельности графа Михаила Михайловича Сперанского для формирования облика дореволюционной России в контексте рассматриваемого либерально-консервативного узла развития правовой традиции переоценить сложно. Правы те исследователи, которые рассматривают М. М. Сперанского в качестве первого русского либерала, справедливо проводя линию исторической преемственности от него к Б. Н. Чичерину и полагая последнего идейным преемником графа по целому ряду политико-правовых вопросов². Здесь же в свою очередь нельзя не указать и на известное идейное противостояние двух гигантов русской мысли второй половины XIX в. — Б. Н. Чичерина и В. С. Соловьева, справедливо считающихся представителями западничества и славянофильства соответственно³. В то же время указывается и на консерватизм политико-

² Матюхин А. В. М. М. Сперанский: у истоков российского либерализма // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. № 1. С. 61.

³ Гурвич Г. Д. Два величайших русских философа права: Борис Чичерин и Владимир Соловьев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. № 4. С. 138–164.

правовых воззрений Сперанского, не только в «поздний» («последопальный») период его деятельности⁴, но в целом на его умеренно либеральную и ярко выраженную консервативную позицию, проявляющуюся на протяжении всего творческого пути «светила русской бюрократии»⁵. Впрочем, идейная связь Б. Н. Чичерина и М. М. Сперанского логично предreshает вопрос об отношении правовых воззрений М. М. Сперанского к концепции В. С. Соловьева: они оказываются в противоположных лагерях русской мысли.

Прочтение основных работ М. М. Сперанского, в особенности теоретических исследований и писем, указывает на два важных обстоятельства: во-первых, на безусловную методологическую зависимость ученого от новоевропейской, просветительской правовой методологии; во-вторых, на очень тонкое знание графом особенностей русского правового быта, на обладание им профессиональной чувствительностью в плане характера и способов перенесения новоевропейских правовых идей на русскую правовую почву. Вопрос же о самой целесообразности перенесения этих идей на русскую почву М. М. Сперанским практически не ставился, не подвергался сомнению. «Я не знаю, — говорит реформатор, — какие предположения имели российские государи от времен Петра I на счастье России, но их всегдашнее старание было дать сему царству все внешние виды монархического правления и удержать в своих руках все неограниченное самовластие. Думали ли они в самом деле, что права и грамоты, на бумаге данные, составляют истинный образ правления; или находили нужным ознакомить сперва людей с именами, чтоб впоследствии позволить самое действие; или признавали в душе своей то справедливым, чего не решились на деле исполнить; или, наконец, не имея постоянного плана, действовали они по минутным вдохновениям; как бы то ни было, но ни в каком государстве политические слова не противоречат столько вещам, как в России»⁶.

⁴ Тимошина Е. В. Рукописное наследие М. М. Сперанского как источник исследования его правового мировоззрения / Е. В. Тимошина // Известия вузов. Правоведение. 2001. № 3. С. 221.

⁵ Томсинов В. А. «Судьба определила всем обществам человеческим менять только пороки»: М. М. Сперанский о технологии проведения государственных преобразований (в пяти статьях) // Законодательство. 2016. № 8. С. 88–94; № 9. С. 88–94; № 10. С. 88–94; № 11. С. 86–94. № 12. С. 78–85.

⁶ Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. С. 239–240.

Разумеется, и об этом исследователями творчества М. М. Сперанского уже не раз говорилось: граф был прежде всего государственным деятелем и политиком, а не профессором университета и кабинетным ученым. Его гений был гением практического плана и применен в практической области, прежде всего в подготовке основополагающих правовых актов империи в сфере проведения государственных реформ во многих областях жизни страны. Поэтому знакомство с правовыми концепциями того же Ш.-Л. Монтескье изначально носило для реформатора не концептуально-теоретический, а практико-ориентированный характер. В. В. Зеньковский, описывая практико-ориентированный характер мысли М. М. Сперанского, отмечал, что у него отсутствовало целостное цивилизационно-культурное мировоззрение и поэтому «ум его, склонный к математике, лучше всего проявлялся в юридическом мышлении»⁷. Неправда устройства жизни в России, как она представлялась мыслителю, в вопросах формы государственного правления, образования, социальной структуры общества, судопроизводства, государственной службы предопределяла необходимость быстрого проведения реформ и быстрой подготовки соответствующих проектов правовых актов. Практически все исследователи и современники М. М. Сперанского обращают внимание на его правотворческий талант и искусство юридического слога. Однако в таком стиле работы на второй план отходили вопросы, связанные с несоответствием тех или иных предложений тому, что сегодня именуется государственно-правовой традицией, сложившейся системе правовой культуры, господствующих социокультурных ценностей и т. д. Нужно, правда, отметить, что в тот период времени указанные вопросы как таковые не ставились в правовой мысли: еще с эпохи Екатерины Великой⁸ французские энциклопедисты и в целом правовая культура Западной Европы рассматривались в России в качестве практически эталонных образцов, даже несмотря на последствия Французской ре-

⁷ Зеньковский В. В. История русской философии: В 2 т. Т. 1. Ч. 1. Л.: Эго, 1991. С. 124.

⁸ Характеризуя историю работы Уложенной комиссии, М. М. Сперанский писал: «Государыня Екатерина Вторая, пленясь понятиями философов, в то время в великой славе и во всей свежести бывших, вообразила народ российский довольно совершенным, чтоб допустить его к великому делу законодательства, — хотела заставить черemis и остяков размышлять и умствовать» (цит. по: Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. С. 216).

волюции и Отечественную войну 1812 г.⁹ Как отмечают историки, за увлечение французским правовым опытом, за симпатии Наполеона к талантливому чиновнику Александра I не без взаимности самого графа, последнего именовали «профранцузом»¹⁰. Известное идейное противостояние с Н. М. Карамзиным и вовсе стало одной из причин отстранения М. М. Сперанского от государственных дел.

Вместе с тем многим государственным чиновникам было ясно, что Россия нуждается в реформах, и готовые образцы как будто уже имеются в тех государствах и правопорядках, которые прошли этап перехода от абсолютизма к конституционному государству. Заметим, что М. М. Сперанский рассматривает русское самодержавие в одной плоскости с европейскими абсолютными монархиями, переходящими к республиканской (или конституционной), то есть к «правовой» форме правления и по аналогии переносит эволюционный процесс западноевропейских стран на Россию¹¹. Он не ограничивает «абсолютистский произвол» от «монархического самодержавия» (М. М. Сперанский называет его и «самовластием»), которое, по мысли Л. А. Тихомирова, основывается на наличии в монархии высшего нравственного идеала, выступающего источником легитимации власти¹².

Для сравнения рецепции западных идей в российскую жизнь в начале XVIII в. можно указать на схожий процесс заимствования западного опыта в России столетием ранее, когда греками — братьями Иоанникием и Софронием Лихудами — по проекту Симеона Полоцкого произошло учреждение первого высшего учебного заведения — Славяно-греко-латинской академии в 1687 г. в Москве. После увольнения братьев Лихудов в 1694 г., которые обеспечивали традиционный восточно-христианский курс развития образования, в академии начала прививаться модель «киевской учености» с ее западным подражанием и господством схоластики. Поскольку в указанный период иных путей развития не было, особенно в ситуации отсутствия Византии как материнской цивилизационно-культур-

⁹ *Егорова М. В., Коршунова Н. В.* Екатерина II и французские просветители: взгляд из-за рубежа // *Общество: философия, история, культура.* 2021. № 11 (91). С. 41–46.

¹⁰ *Вернадский Г. В.* Русская история. М.: Аграф, 1997. С. 202.

¹¹ *Сперанский М. М.* Руководство к познанию законов. С. 344–345.

¹² *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность / Л. А. Тихомиров. СПб.: АО «Комплект», 1992. С. 205–206.

ной традиции, заимствование латинского опыта было неизбежным. В. В. Асмус, характеризуя формирование системы православных духовных школ в западнорусских землях в первой половине XVII в. митрополитом Петром Могиллой, которая впоследствии и была перенесена на московскую почву, применительно к России начала XVIII столетия отмечает, что «оружейные фабрики культуры были в тот трудный момент только на Западе, и чтобы победить врага, надо было взять в руки это оружие и перенять у врага фабричное дело»¹³. Выходец из Киево-Могилянской академии Стефан Яворский, будучи протектором Славяно-греко-латинской академии и осуществлявший латинизацию дела братьев Лихудов, тем не менее с помощью схоластики критиковал учение Фомы Аквинского и опровергал католические догматы, не признаваемые православной церковью¹⁴. Л. А. Тихомиров, анализируя эту же эпоху, также отмечал, что «заимствование являлось вполне неизбежным, его под-сказывал самый простой здравый смысл и практичность», однако вследствие этого русское национальное сознание «...отрешилось от всего “своего”» и было вынуждено попасть в зависимость от «европейского умственного ига»¹⁵. Георгий Флоровский называл заимствование западного опыта в образовании и в целом на тот момент в формировании культуры «латинской псевдоморфозой Православия», поскольку «...латинизации подвергается не только обряд и язык, но и богословие, и мировоззрение, и сама религиозная психология. Латинизируется сама душа народа ...внутренняя свобода и независимость были потеряны, и было утрачено и само мерило для самопроверки... Восточные связи были перерваны. Утверждается чуждая и искусственная, неорганическая традиция, и она как бы перегораживает творческие пути...»¹⁶. И тем не менее, если логика культурно-исторического процесса предопределяет необходимость заимствования чужого опыта для того, чтобы развиваться дальше, то этот опыт так или иначе объективно предопределяет процесс за-

¹³ Асмус В. К оценке богословия святителя Петра Могилы, митрополита Киевского // Богословский сборник. 2002. Вып. 10. С. 229.

¹⁴ Ивлев В. Ю. Границы влияния Московской и Киевской культурно-фило-софских традиций в допетровскую и Петровскую эпохи / В. Ю. Ивлев, М. Л. Ивлева // Известия МГТУ. 2014. № 2 (20). С. 97.

¹⁵ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. С. 289–292.

¹⁶ Флоровский Г. В. Пути русского богословия / отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 71–72.

имствования исходя из потребности общества и государства существовать и адаптироваться в новой исторической ситуации.

Методологическая зависимость М. М. Сперанского от новоевропейской просветительской правовой методологии проявляется в самых общих основаниях его мысли. Однако нельзя сказать, что мыслитель является простым подражателем — он прекрасно знаком с особенностями русского государственно-правового быта, в частности с судьбой государственно-правовых преобразований в России. В адресованных императору «Размышлениях о государственном устройстве Империи» (1802) в виде близкого к поэтическому памфлету реформатор, оценивая эпоху западно-ориентированных государственных преобразований в XVIII в., отмечает возможность имитации реформ в России: «воссядет на престол дух сильный и предприимчивый, один из сих духов, что небо посылает на землю для преобращения судьбы царств, он пожелает народ грубый и упрямый одним махом передвинуть и поставить на той точке совершенства, к коей смежные государства веками доходили, — и царство сие покроется всем блеском заимственного просвещения. Успехи войны и наружное сходство внутреннего устройства заставят возмечтать народ, что он все сделал, нарядившись в чужое платье и переменяв внешний свой вид. С сего времени подражание войдет в свойство народа, и природная гордость северных обитателей обратится в тщеславие и напыщенную уверенность. Все займутся украшением поверхностей и, введя иностранные названия в образ правления, будут думать, что переменяли самое существо его, — позлатят цепи свои и нарекут себя свободными ... Откроются академии, явятся Бернулли и Ридингеры, прославятся в Европе деяния мудрых, а народ чтение грамоты будет считать еще между смертными грехами. ... престол достанется властолюбивым министрам, кои под именем восседающей на нем слабости дозволят себе в европейском государстве самые азиатские жестокости и самовластие»¹⁷.

«Размышления...» пронизаны четкой позицией необходимости для обустройства России законной, основанной на законе монархии, как впоследствии это будет следовать из «Введения к Уложению государственных законов (План всеобщего государственного образования)» (1809) — монархии с разделением властей, т. е. парламентской монархии, рассматриваемой М. М. Сперанским в качестве

¹⁷ Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. С. 249–250.

исторического периода республиканского политического состояния государства¹⁸. «Общий предмет преобразования состоит в том, — отмечает реформатор, — чтобы правление, доселе самодержавное, постановить и учредить на непременимом [т. е. на неизменном, безусловно применяемом — *В. П.*] законе»¹⁹. Именно поэтому в «Размышлениях...» и в «Плане всеобщего государственного образования» относительно состояния российского государства постоянно акцентируются два положения: а) о «политическом и гражданском рабстве народа», а значит, и самом государстве; б) о деспотичности монархического самовластия. Утверждается универсальный, линейный характер развития всех средневековых феодальных монархий, неизбежно приходящих к «достижению политической свободы»: «Англия первая открыла сей новый круг вещей; за нею последовали другие государства: Швейцария, Голландия, Швеция, Венгрия, Соединенные Американские области и, наконец, Франция. ...Сколько бедствий, сколько крови можно бы было сберечь, если бы правители держав, точнее наблюдая движение общественного духа, сообразовались ему в началах политических систем и не народ приспособляли к правлению, но правление к состоянию народа. Тот же самый ряд происшествий представляет нам история нашего отечества»²⁰. Обращаясь к приведенному выше мнению Л. А. Тихомирова о сути монархической идеи, заключающейся в основании такого правления на высшем нравственном идеале, которым для России выступала православная вера, в свете приведенных цитат М. М. Сперанского становится очевидным невозможность допущения им самого подобного хода мысли. «Чтоб быть деспотом справедливым, — отмечает мыслитель, — надобно быть почти Богом»²¹. А. В. Матюхин отмечает, что «находясь под влиянием западноевропейской философии Просвещения, М. М. Сперанский был убежден, что общечеловеческий прогресс имеет характер целенаправленного и одностороннего движения к постепенной либерализации социально-политической жизни, а стадия гражданского общества знаменует собой важнейший этап эволюционного развития любого государства. Впервые в российской общественной мысли Сперанский предстает своео-

¹⁸ Там же. С. 344.

¹⁹ Там же. С. 350.

²⁰ Там же. С. 344.

²¹ Там же. С. 255.

бразным эсхатологическим теоретиком либерального прогресса как движения к идеалу нового «Божьего Царства»²².

Последние слова достаточно точно, на наш взгляд, характеризуют саму методологическую направленность мысли русского реформатора: либеральная идея прогресса политической и гражданской жизни без Бога имеет эсхатологические черты, такие же в своих конечных целях, как и коммунистическая идея. В условиях самодержавия, православного монархического государства формулирование таких идей ассоциируется и в исторической литературе нередко связывается с масонством²³, которое в данном контексте следует рассматривать просто как секуляризацию и переход от религиозного к рациональному знанию на основе «единой вселенской религии»²⁴. В. В. Кучурин полагает, что «Сперанский предлагал в качестве государственной идеологии христианизированный вариант масонской вселенской религии, в которой “согласны между собой все без исключения люди”. По сути, это был проект огосударствления масонства. Однако в сложившихся условиях реализовать его не удалось»²⁵.

Исследователи не раз отмечали противоречивый характер либеральной концепции реформы государственной власти М. М. Сперанского в России. Совмещение принципа разделения властей, механизм инициирования законов, способ формирования правительства и другие аспекты новоевропейского конституционализма, которые реформатор пытался адаптировать к российской государственно-правовой действительности, не могли не вступать в противоречие с монархическим самодержавием не только в России, а в принципе. Е. В. Тимошина справедливо указала на противоречия

²² Матюхин А. В. М. М. Сперанский: у истоков российского либерализма. С. 59.

²³ Обзор источников см.: Дмитриев А. В. Государственно-правовые идеи русских масонов конца XVIII — первой четверти XIX века: вопросы источниковедения и историографии // Genesis: исторические исследования. 2017. № 8. С. 65–86. См. также: Кучурин В. В. Из истории политической борьбы в начале XIX в.: нереализованный проект масонской реформы М. М. Сперанского // Петербургский исторический журнал. 2016. № 3 (11). С. 6–18; Юшковский В. Д. Участие Г. С. Батенькова в ложах «Вольных каменщиков» и его понимание масонских идеалов // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 288. С. 118–123.

²⁴ Кучурин В. В. Из истории политической борьбы в начале XIX в.: нереализованный проект масонской реформы М. М. Сперанского. С. 6.

²⁵ Там же. С. 17.

в конституционном проекте М. М. Сперанского в части полномочий державной власти в ее отношении к Государственной думе, на признаки дуалистической монархии в части отклонения Думой «вредного» закона, предложенного императором²⁶. Представляется, что реформатор искренне чаял преобразования и усовершенствования государственно-правового организма России, верно улавливал их необходимость, однако эти стремления он оформлял в известную политико-правовую методологию. Нередко конституционные проекты М. М. Сперанского начала XIX в. связывают с их реализацией в реформах Александра II, с учреждением первой Государственной думы в начале XX столетия, однако историческую линию можно продолжить и далее, вспоминая итоги либеральных преобразований в Февральской революции и последовавшим за ней Октябрьским переворотом, противоречия становления российского парламентаризма в первой половине 1990-х гг., а также и современные тенденции развития российского конституционализма в отношении аналогичной западноевропейской традиции²⁷.

Непротиворечивый путь сочетания принципов монархической власти и идеи «правления закона» в рамках христианской империи был обоснован в византийской политико-правовой литературе. Разумеется, в византийской правовой мысли отсутствовала идея разделения властей в ее новоевропейском понимании, равно как и не было в ней и деистического, а тем более атеистического мировоззрения, идеи светского, секулярного характера государственно-правовых институтов. Тем не менее у целого ряда мыслителей — Агапита (VI в.), Петра Патрикия (VI в.), Кекавмена (XI в.) и др. имелись представления о законном правлении василевса, об основных законах, касающихся царской власти, о распределении функций власти и принципах государственной бюрократии²⁸. Конечно, Россия в XIX веке как страна с европейской самоидентичностью, как уже

²⁶ Тимошина Е. В. История правовых и политических учений России (первая половина XIX в.): учебное пособие для обучающихся по образовательной программе бакалавриата по направлению подготовки «Юриспруденция». СПб.: Лема, 2014. С. 7–8.

²⁷ Зорькин В. Д. Право в условиях глобальных перемен. М.: Норма, 2013.

²⁸ Вальденберг В. Е. История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства / Вальденберг В. Е.; науч. конс.: Медведев И. П.; подгот. изд.: Земскова В. И. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008.

отмечалось выше, подчинялась общекультурным и историческим тенденциям развития в Европе и стояла перед выбором нового этапа пути развития, связанного с трансформацией православного самодержавия, традиционного экономического уклада, культуры. В этой связи обращение российской правовой мысли к византийскому наследию было затруднительным, а то и едва возможным, и требовало множества методологических ограничений и калибровок. В этой связи проекты М. М. Сперанского, основанные на просветительских идеях по западноевропейскому образцу с учетом российской государственно-правовой действительности, обладали высоким прогностическим потенциалом. Но, как и любой мыслитель, а тем более государственный деятель и реформатор, Михаил Михайлович не все мог предвидеть и учесть, и еще при жизни он испытал критику своих идей: его критиковали не только правоведы, но и писатели, историки. Так, Ф. М. Достоевский отмечал, что «жизни гражданской он много внутренне, жизненно не понимает, потому что в жизни этой ни он, ни гнездо его не участвовали, оттого и жизнь гражданскую вообще понимает криво, лишь умственно, а главное отвлеченно. Сперанскому ничего не стоило проектировать создание у нас сословий, по примеру английского, лордов и буржуазию и проч. С уничтожением помещиков семинарист мигом у нас воцарился и наделал много вреда отвлеченным пониманием и толкованием вещей и текущего»²⁹. Известный литературный критик и прозаик Г. И. Чулков так характеризовал М. М. Сперанского: «Латинский ум Бонапарта поразил душу этого законника, помешанного на строгой системе правовых норм, все собою предопределяющих... У Сперанского в то время было твердое убеждение, что люди всецело зависят от государственного и социального порядка. Надо, мол, дать стране надлежащее гражданское и государственное устройство и скверные люди станут хорошими»³⁰. Впрочем, как отмечают биографы, «судьбы русских реформаторов обычно более трагедийны, нежели столь славно завершившаяся жизнь “его сиятельства”»³¹.

²⁹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 томах. Том 24. Л., 1982. С. 241.

³⁰ Чулков Г. И. Императоры России: психологические портреты. М.: Слово, 2005. С. 132.

³¹ Луковская Д. И., Гречишкин С. С., Морозов В. И. Михаил Михайлович Сперанский (материалы к биографии). М.; Аугсбург: Im-Werden-Verlag, 2001. URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_g/speran03.php (дата обращения: 13.10.2022).

В завершении статьи, возвращаясь к главной ее теме о консерватизме и либерализме в русской правовой мысли в свете взглядов М. М. Сперанского, выделим, на наш взгляд, главное.

1. Дуализм русской правовой мысли обусловлен, с одной стороны, спецификой цивилизационно-культурного организма России, в своих истоках связанного с византийской цивилизацией и прежде всего с ее идейно-политическим основанием в виде православной веры и культуры. С другой стороны — с господством западноевропейского, рационалистически фундированного правового дискурса и в целом с лидерством в области знания начиная с эпохи Нового времени. Россия в данном отношении, с конца XVII — начала XVIII вв., вступила на путь вестернизации, при этом оставаясь культурой с православной идентичностью, в том числе посредством идейно-исторического преемства в качестве «Третьего Рима». В этой связи либеральные правовые концепции в рамках монархического правового дискурса, которые претендовали на включенность в государственные преобразования, всегда сталкивались с противоречием как внутреннего, доктринального, свойства, так и практико-политического.

2. Вопрос о религиозных основаниях политико-правовой концепции, о месте религиозной нравственности является принципиальным для правовой мысли России. Это положение учитывалось и в проектах М. М. Сперанского, в которых исследователи иногда усматривают характеристики консервативной традиции русской мысли. Консерватизм Сперанского, если под ним понимать связанность государственно-правовых построений с традиционными православными устоями, с христианской нравственностью, содержал в себе противоречие: несовместимость новоевропейских методологических концепций с традиционным русским консерватизмом, прежде всего в части концептуальной идеи о преимуществе парламентаризма перед самодержавием. Кроме того, рационализм новоевропейской правовой методологии основывался на идеях деизма и атеизма, вступая в принципиальное противоречие с православной легитимацией монархической власти в России.

3. В современных условиях отечественная правовая мысль нуждается в активном осмыслении концептуального языка и парадигм, которые используются в качестве общепринятых, доставшихся из западного правового дискурса. Также имеется потребность во внимании к новому языку, который мог бы указать на связь с го-

сударственно-правовой идентичностью. Изучение государственно-правового наследия М.М.Сперанского как первого либерального реформатора в этой связи представляется важным как первая попытка синтеза либерализма и консерватизма на почве русской правовой традиции.

Список литературы:

1. *Асмус В.* К оценке богословия святителя Петра Могилы, митрополита Киевского // Богословский сборник. 2002. Вып. 10.
2. *Вальденберг В.Е.* История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства / Вальденберг В.Е.; науч. конс.: Медведев И.П.; подгот. изд.: Земскова В.И. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 536 с.
3. *Вернадский Г.В.* Русская история. М.: Аграф, 1997. 542 с.
4. *Гурвич Г.Д.* Два величайших русских философа права: Борис Чичерин и Владимир Соловьев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. № 4.
5. *Дмитриев А.В.* Государственно-правовые идеи русских масонов конца XVIII — первой четверти XIX века: вопросы источниковедения и историографии // Genesis: исторические исследования. 2017. № 8.
6. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30 томах. Том 24. Л., 1982. 516 с.
7. *Егорова М.В., Коршунова Н.В.* Екатерина II и французские просветители: взгляд из-за рубежа // Общество: философия, история, культура. 2021. № 11 (91).
8. *Зеньковский В.В.* История русской философии. В 2 т. Т. 1. Ч. 1. Л.: Эго, 1991. 222 с.
9. *Зорькин В.Д.* Право в условиях глобальных перемен. М.: Норма, 2013. 496 с.
10. *Ивлев В.Ю., Ивлева М.Л.* Границы влияния Московской и Киевской культурно-философских традиций в допетровскую и Петровскую эпохи // Известия МГТУ. 2014. № 2 (20).
11. *Кучурин В.В.* Из истории политической борьбы в начале XIX в.: не реализованный проект масонской реформы М.М.Сперанского // Петербургский исторический журнал. 2016. № 3 (11).
12. *Луковская Д.И., Гречишкин С.С., Морозов В.И.* Михаил Михайлович Сперанский (материалы к биографии). М.; Аугсбург: Im-Werden-Verlag, 2001. 118 с. [Электронный ресурс] URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_g/speran03.php (дата обращения: 13.10.2022).

13. *Матюхин А. В.* М. М. Сперанский: у истоков российского либерализма // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. № 1. С. 54–69.
14. *Сперанский М. М.* Руководство к познанию законов. СПб.: Наука, 2002. 680 с.
15. *Тимошина Е. В.* История правовых и политических учений России (первая половина XIX в.): учеб. пособие для обучающихся по образовательной программе бакалавриата по направлению подготовки «Юриспруденция». СПб.: Лема, 2014. 70 с.
16. *Тимошина Е. В.* Рукописное наследие М. М. Сперанского как источник исследования его правового мировоззрения // Известия вузов. Правоведение. 2001. № 3. С. 220–224.
17. *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. СПб.: АО «Комплект», 1992. 674 с.
18. *Томсинов В. А.* «Судьба определила всем обществам человеческим менять только пороки»: М. М. Сперанский о технологии проведения государственных преобразований (в пяти статьях) // Законодательство. 2016. № 8-12.
19. *Флоровский Г. В.* Пути русского богословия / отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 848 с.
20. *Чулков Г. И.* Императоры России: психологические портреты. М.: Слово, 2005. 379 с.
21. *Юшковский В. Д.* Участие Г. С. Батенькова в ложах «Вольных каменщиков» и его понимание масонских идеалов // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 288.

Ящук Татьяна Федоровна

д-р. юрид. наук, проф., заведующая кафедрой теории и истории государства и прав Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, член Высшей квалификационной коллегии судей РФ, Россия, Омск

ОТ СВОДА ЗАКОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ К СВОДУ ЗАКОНОВ СССР (отечественная историко-правовая традиция сводообразования)

Аннотация: Систематизация законодательства в России осуществлялась в разных формах. Одной из форм является сводообразование. В результате создаются особые акты систематизации — своды законов. В России первый Свод законов составлен в XIX в. Он заложил принципы, которые использовались при подготовке сводов в советский период. Свод законов русской революции пытались составить в 1918 г. Свод законов СССР готовился в конце 1920 г. Только в конце советского периода приняты Свод законов СССР и Свод законов РСФСР.

Ключевые слова: история права, советское право, систематизация законодательства, история законодательства, свод законов.

История российского законодательства отразила очевидную тенденцию в его систематизации, выразившуюся в стремлении к созданию крупных актов, которые интегрировали бы сохранившийся актуальный правовой материал и новые нормы. Наиболее ярким примером актов такого рода считается Соборное уложение 1649 г., которое называется кодексом феодального права. Интересы самодержавной власти к систематизации законодательства демонстрируют инициативы Петра I и Екатерины II, которые по ряду причин не получили завершения. Свод законов Российской империи (СЗ РИ) был создан в рамках комплексной систематизации российского законодательства, которая включала в себя и хронологическую инкорпорацию, завершившуюся составлением Полного собрания законов Российской империи (ПСЗ РИ), и кодификацию, примером которой может служить Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Таким образом, сводообразование определенного периода не являлось единственной формой систематизации, а осуществлялось в тесной взаимосвязи с подготовкой ПСЗ РИ (базируясь на собранном и хронологически распределенном материале) и, выявляя лакуны в правовом регулировании, задавало параметры из заполнения, в том числе и в формате кодификации. Такой прием комплексной систематизации, где Своду законов отводилось ключевое место, использовался и в советский период.

Появление СЗ РИ показало новую форму систематизации законодательства. В юридической литературе ее обычно называют предметной инкорпорацией, хотя присутствует мнение о целесообразности выделения особой, отличной от других формы систематизации, которую предлагают обозначать термином «сводообразование»¹.

Полученный в результате такой деятельности Свод законов назывался актом систематизации законодательства, представляющим «сложную форму упорядочения официально действующего законодательства с использованием приемов тематической отраслевой инкорпорации с внутриотраслевой консолидацией узаконений, объединенных в нем в единый текст без изменения нормативного содержания ранее изданных узаконений»².

Юридическая сила СЗ РИ официально не была установлена. В дальнейшем неопределенным, формально не закрепленным остался статус сводов законов советского периода.

Первая попытка систематизировать советское законодательство в виде Свода законов была предпринята непосредственно в процессе его формирования. Инициатором выступил наркомат юстиции, а именно действовавший в его составе отдел кодификации, который в январе 1918 г. объявил о подготовке «полного Свода законов русской революции»³. Считалось возможным заимствовать внешнюю форму Свода, наполнив ее новым содержанием. Проекты схемы Свода, сохранившиеся в архивных фондах, а также проект, опубликованный в газете Временного рабочего и крестьянского правительства, свидетельствуют о намерении составителей воспроизвести отраслевую структуру Свода⁴.

Из этих же принципов исходили составители Свода законов СССР, который готовился в конце 1920-х гг. Его разработке предшествовало составление Систематического собрания действующих

¹ Кодан С. В. Акты систематизации законодательства: юридическая природа и место в системе источников российского права // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2008. Вып. 4. С. 398.

² Кодан С. В. Свод законов Российской империи. Место и роль в развитии юридической техники и систематизации законодательства в России в XIX — начале XX в. // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 189.

³ ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 1. Д. 4. Л. 82.

⁴ Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. 1917. № 42. 28 декабря (10 января).

законов СССР, которое воспроизводило действующие законы, распределив их по крупным предметным областям: государственный строй, хозяйственный строй и финансы, что соответствовало структуре первой советской Конституции РСФСР 1918 г.

Подготовленный проект Свода законов не был принят. В начале 1930-х гг. ко времени завершения работы над ним изменилась политическая ситуация, систематизация законодательства, отражавшего реалии нэпа, не подходила к новым политическим условиям. Помимо политических причин, отмечаются и формально-юридические недостатки самого Свода, препятствовавшие его утверждению.

Впервые в советский период процесс сводообразования успешно завершился в 1970–1980-е гг. Созданию Свода законов СССР и Свода законов РСФСР предшествовала глубокая теоретическая и методическая проработка проблем систематизации законодательства и правотворчества. Впервые выявлялся и анализировался практический опыт подготовки сводов законов в Российской империи, деятельность по составлению Свода законов в конце 1920-х гг., изучалась зарубежная практика.

Обеспечивалась официальная поддержка: принято Постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР от 2 сентября 1976 г. «О подготовке и издании Свода законов СССР»⁵ и Постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР от 23 марта 1978 «Вопросы Свода законов СССР»⁶. В реалиях советского времени — это был акт высшей юридической силы.

Схожим порядком регламентировалась подготовка Свода законов РСФСР. За короткий период было издано три постановления Президиума Верховного Совета и Совета Министров РСФСР: «О подготовке и издании Свода законов РСФСР» (3 ноября 1976 г.); «Вопросы Свода законов РСФСР» (13 февраля 1979 г.) и «Вопросы

⁵ Постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР от 2 сентября 1976 г. № 716 «О подготовке и издании Свода законов СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 37. Ст. 515.

⁶ Постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совмина СССР от 23 марта 1978 № 229 «Вопросы Свода законов СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1978. № 15. Ст. 239. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=515#06382539764054113> (дата обращения: 12.12.2019).

обновления Свода законов РСФСР» (5 августа 1987 г.). Поскольку российский партийный орган отсутствовал, то его нет в перечне законодателей.

В отличие от предыдущих попыток составления сводов законов были созданы благоприятные организационные, административные, кадровые и финансовые условия.

Как и ранее, большое значение придавали схеме Свода законов, справедливо полагая, что она задает долгосрочную структурную сетку, в которой будут размещаться вновь принимаемые акты и с учетом которой будет планироваться правотворческая деятельность.

Свод законов СССР был издан в 1980–1985 гг. Общий объем Свода составлял 11 томов: 10 томов включали законодательный материал, последний том имел справочный характер.

В конце 1986 г. завершилась работа над Сводом законов РСФСР. Он включал 1089 законодательных актов и постановлений правительства, из них более трети ранее широко не обнародовались. Оба Свода законов (и союзный, и республиканский) печатались большим тиражом, рассылались в организации, поступали в библиотеки, продавались в книжных магазинах. С изданием Сводов в целом удалось преодолеть проблему множественности актов по одному и тому же вопросу, восполнить наиболее очевидные пробелы в законодательстве, принять необходимые кодексы и иные акты.

Предполагалось регулярное обновление сводов. Так, Свод законов СССР планировали обновить в 1986 г. по состоянию на 1 января 1986 г., в 1987–1988 гг. производить обновление не реже одного раза в полугодие, а в последующие годы — один раз в квартал⁷. Эти планы не реализовались по причинам, связанными с политическими и государственными реформами.

По аналогичным причинам не осуществлялось обновление Свода законов РСФСР, хотя его планировали проводить не реже одного раза в полтора года⁸.

⁷ Постановление Президиума Верховного Совета СССР и Совета министров СССР от 9 января 1986 года «Вопросы обновления Свода законов СССР». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=40052#007602697903057876> (дата обращения: 01.12.2019).

⁸ Постановление Президиума Верховного Совета и Совета Министров РСФСР от 5 августа 1987 г. «Вопросы обновления Свода законов РСФСР» // СП РСФСР. 1987. № 13. Ст. 101.

Заметим, что и в Российской империи изначально заявляемые намерения периодически переиздавать Свод, чтобы поддерживать его актуальность, также не соблюдались.

Вопрос о юридической силе Сводов законов оставался в дискуссионном поле. Доминировала позиция, что они имеют характер источника официального переопубликования нормативных актов. То есть на них можно было ссылаться государственным органам и гражданам при решении дел, в текстах заявлений, жалоб и др.⁹ Однако степень официальности сводов не была уточнена. Справедливо отмечалось, что на придание им юридической силы «пороху не хватило»¹⁰.

Исторический опыт создания и применения Сводов законов, казалось бы, внушает мало оптимизма. Однако наличие этого опыта крайне важно для понимания необходимости систематизации законодательства в современных условиях, когда имеются совершенно иные технологические условия для представления всего массива действующего законодательства в полном, доступном, удобном формате.

Список литературы:

1. Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. 1917. № 42. 28 декабря (10 января).
2. ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф.А-353. Оп. 1. Д. 4. Л. 82.
3. *Казьмин И. Ф., Мицкевич А. В., Рахманина Т. Н.* Кодификация и систематизация законодательства на современном этапе // Советское законодательство: пути перестройки / отв. ред. А. В. Мицкевич, А. С. Пиголкин. М.: Юридическая литература, 1989.
4. *Кодан С. В.* Акты систематизации законодательства: юридическая природа и место в системе источников российского права // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2008. Вып. 4.

⁹ *Пиголкин А. С., Чернобель Г. Т.* Основные принципы формирования Свода законов СССР // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды ВНИИСЗ. М.: ВНИИСЗ, 1978. Вып. 12. С. 33.

¹⁰ *Казьмин И. Ф., Мицкевич А. В., Рахманина Т. Н.* Кодификация и систематизация законодательства на современном этапе // Советское законодательство: пути перестройки / отв. ред. А. В. Мицкевич, А. С. Пиголкин. М.: Юридическая литература, 1989. С. 133.

5. *Кодан С. В.* Свод законов Российской империи. Место и роль в развитии юридической техники и систематизации законодательства в России в XIX — начале XX в. // *Юридическая техника.* 2007. № 1.
6. *Пиголкин А. С., Чернобель Г. Т.* Основные принципы формирования Свода законов СССР // *Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды ВНИИСЗ. М. ВНИИСЗ, 1978. Вып. 12.*
7. Постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР от 2 сентября 1976 г. № 716 «О подготовке и издании Свода законов СССР» // *Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 37. Ст. 515.*
8. Постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совмина СССР от 23 марта 1978 № 229 «Вопросы Свода законов СССР» // *Ведомости Верховного Совета СССР. 1978. № 15. Ст. 239.* URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=515#06382539764054113> (дата обращения: 10.10.2022).
9. Постановление Президиума Верховного Совета СССР и Совета министров СССР от 9 января 1986 года «Вопросы обновления Свода законов СССР». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=40052#007602697903057876> (дата обращения: 10.10.2022).
10. Постановление Президиума Верховного Совета и Совета Министров РСФСР от 5 августа 1987 г. «Вопросы обновления Свода законов РСФСР» // *СП РСФСР. 1987. № 13. Ст. 101.*

Соколова Алла Анатольевна

канд. юрид. наук, доц. кафедры «Экономика и право»

Белорусского национального технического университета, Беларусь, Минск

профессор-эмеритус Европейского гуманитарного университета, Литва, Вильнюс

ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЭПОХУ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация: Социальная картина общества XXI века характеризуется, с одной стороны, развитием цифровых технологий и систем искусственного интеллекта, осуществляющих гуманитарную «интервенцию» в различные сферы его бытия; с другой стороны, многосторонним кризисом, затронувшим экологию, экономику, международные отношения, национальную безопасность, системы здравоохранения, образования, систему ценностей, а также юриспруденцию как весьма значимую часть человеческого бытия. Право, правовые инструменты реагируют на вызовы современных технологий, стимулируя положительные его эффекты и нивелируя негативные, однако и они подлежат теоретическому осмыслению и реконструкции с тем, чтобы не противодействовать новейшим технологиям, а «сотрудничать» с ними, в частности модернизации, на мой взгляд, подлежит теория и практика законоотворчества. Какие новые акценты и подходы могут реконструировать положительные, апробированные временем ее положения, от каких компонентов следует отказаться, на каких теоретико-методологических основаниях должен строиться процесс модернизации законоотворческой деятельности в эпоху развития современных технологий? В представленной статье предложено авторское размышление о теоретико-методологической модели модернизации процесса законоотворческой деятельности в условиях современных технологий.

Ключевые слова: универсальная, социальная, техническая модернизация законоотворчества; современные технологии; техно-социо-экономика-экологическая система; междисциплинарная модель познания; технико-правовые отношения; технико-правовая экспертиза; мультипликация субъектов правотворчества; легиматика.

На протяжении трех последних столетий вопрос о качестве законов, законоотворчества в целом был предметом исследования многих ученых, к числу которых относится выдающийся государственный деятель, реформатор **Михаил Михайлович Сперанский**. Его вклад в развитие российского законодательства первой трети XIX века, в частности его систематизацию и кодификацию, грандиозен¹. Особенностью реформаторской государственно-правовой деятельности М. М. Сперанского является применение, по словам В. А. Томсинова, **технологии** проведения государственных реформ, которая состояла в определении методики проведения преобразований,

¹ См. подробно: Томсинов В. А.: 1) Светило российской бюрократии. Исторический портрет М. М. Сперанского. 5-е изд., обн. и доп. М., 2013; 2) М. М. Сперанский о технологии проведения государственных преобразований. URL: http://tomsinov.com/Great_Reforms/tomsinov_v.a-m.m-speranskij_o_tekhnologii_proveden.pdf (дата обращения: 12.09.2022).

прогнозировании их последствий, учете состояния российского общества, характера его государственности, и в целом имела преимущественно прикладной характер. Многие из разработанных им планов нововведений оказались успешно реализованными, и в целом можно утверждать, что это был план **модернизации** государственно-правовой системы Российской империи. Используя идеи и размышления М. М. Сперанского, попытаемся представить модель модернизации законотворческой деятельности.

Под **модернизацией** (от греч. *moderne* — «новейший») законотворчества будем понимать усовершенствование, обновление процесса разработки законопроектов в соответствии с требованиями ускоряющейся технологической и социальной трансформации современного общества. Условно можно выделить три вида модернизации.

Универсальная модернизация законотворчества заключается в соблюдении принципов *свободы и безопасности личности как высшей ценности современного общества*, которые должны стать индикаторами правового содержания законов, вектором правовой политики государства. Как разработать и внедрить основанную на этой провозглашенной конституциями демократических государств ценности технику разработки законопроектов в условиях новейших цифровых технологий?

Социальная эффективность законотворчества состоит в эффективном правовом регулировании, построенном на уважительном отношении к нормам права, положительном их восприятии и соблюдении. Эффективность может быть достигнута через **социальную модернизацию**, т. е. через одобрение, признание, принятие норм права членами общества.

Техническая модернизация законотворчества предполагает использование арсенала современных информационных технологий, потенциала искусственного интеллекта в ситуации их проникновения в правовую жизнь современного общества. Будущее законопроектной деятельности, на мой взгляд, тесно связано с использованием этих технологий.

Методологическими основаниями *универсальной* модернизации законотворчества является новая познавательная модель — **междисциплинарность нового порядка**, необходимая для осмысления соотношения природного, социального и технического мира, признания их целостного и интерактивного характера. Информа-

онные технологии и социальный мир предстают объектами исследования «пограничных» наук — гуманитарных и технических, задача которых — формирование оптимального формата «диалога» между технологией и обществом. Праву в этом процессе должно уделяться особое внимание: именно правовые инструменты призваны урегулировать неординарные отношения, возникающие в пространстве социального взаимодействия технологии, этики, морали, политики, права. Уникальные явления, выступающие результатами новейших технологий, прежде чем станут предметом правового урегулирования требуют глубокого осмысления и оценки с позиции не только социальных и гуманитарных наук — философии, этики, политологии, экономики, социологии, юриспруденции, но и с позиции технических наук. Общество и будущие технологические системы приобретают, в терминах Дирка Хелбинга, профессора социологии Швейцарского федерального технологического института, характер социально интерактивной, **«техно-социо-экономико-экологической»** системы, исследование которой требует поиска новых методов². Праву как регулятивному инструменту социальной жизни отводится решающая роль: предотвращать и разрешать конфликты, замирать социальную среду, нивелировать или минимизировать риски, порождаемые современными технологиями, осуществлять надлежащий и своевременный механизм правового регламентирования и контроля. Картина современной жизни характеризуется внедрением технологий искусственного интеллекта (ИИ) в различные сферы социальной жизни. С позиции правовой регламентации их воздействия на социальный облик человечества требуется проведение тщательного сканирования, применения интегрального мышления, синтезированного на основе взаимопроникновения гуманитарных, социальных и технических наук. В этих целях необходимо модернизировать систему подготовки «законотворцев» (норморайтеров — в терминах профессора В. И. Баранова³). Мировоззрение специалистов-норморайтеров должно формироваться на осознании интерактивности социальных и технологических систем, комплекс-

² Helbing D. The FuturICT Knowledge Accelerator to Explore and Manage our Future. 2011. URL: <http://www.complex-systems.meduniwien.ac.at/events/FuturICTAustria201106/WhatFuturICTWillDo4Media.pdf> (дата обращения: 12.09.2022).

³ Баранов В. М. Норморайтер как профессия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6 (119).

ной картины их видения для того, чтобы при принятии законопроектных решений свести к минимуму неконтролируемые системные изменения, конфликты и прочие вызовы современности.

Таким образом, *универсальная модернизация* законотворческого урегулирования отношений между социальным миром и миром современных технологий состоит в обеспечении прав человека, его личной безопасности и автономности. Природа этих отношений, на мой взгляд, приобретает *техничко-правовой* характер, обусловленный интегрированностью применения технических норм и норм социальных — этических, моральных, правовых. Правовыми гарантиями их правовой безупречности являются своевременное правовое регламентирование всех этапов создания ИИ-продукта: проектирования, разработки, введения в эксплуатацию и использования, и предварительное комплексное экспертное исследование по оценке прогнозируемых последствий использования ИИ-технологий (*техничко-правовая экспертиза*⁴).

Социальная модернизация проявляется в расширении *публично пространства* для принятия решений, в рамках которого участие в разработке законопроектов принимают не только официальные государственные структуры, но и акторы общественного сектора. *Аргумент* в коллективно принятом решении побеждает интерес-компромисс как результат согласованного прозрачного процесса сопоставления интересов всех заинтересованных социальных групп. Интерес-компромисс, положенный в основу законодательного решения, будет служить гарантией его поддержания общественным мнением и добровольного исполнения. Общество заинтересовано в установлении замиренной среды, в которой новые правовые порядки не будут нарушать конституционные права и свободы граждан. В условиях кризисных ситуаций потребность в *социально согласованном* законодательстве значительно возрастает и вызывает необходимость в ускорении процесса модернизации.

Следовательно, одно из основных условий достижения эффективности и качества законотворчества состоит в социальной модернизации, а именно в соучастии акторов публичной сферы в законотворческом процессе.

⁴ См. подробно: Соколова А. А. Техничко-правовая экспертиза в эпоху современных технологий // Ежегодник. Юридическая техника. «Юридические инновации: доктрина, практика, техника». 2022. № 16. С. 359–364.

Рассмотрим основные направления социальной модернизации:

- признание множественности источников формирования права;
- частичное «разгосударствление», мультипликация субъектов правотворчества;
- совместное с акторами гражданского общества законотворчество;
- создание публичного пространства для разработки законопроектов с участием акторов гражданского общества.

Картина современного юридического мира характеризуется существованием и признанием в качестве общеобязательных различных источников неформального права — негосударственного, неофициального (иными словами, *социального*). К нему можно отнести международное, региональное право, выработанное международными организациями, компаниями, торговыми и промышленными корпорациями, академическими институтами, экспертными учреждениями и пр. Справедливо и убедительно мнение известного российского ученого А. В. Полякова: «...существование права зависит не от государства как внешней принудительной инстанции, а от наличия таких социальных институтов, которые способны поддерживать унифицированные образцы поведения, представляющие собой определенные правила. Таким социальным институтом может являться государство (чаще всего и является), но могут существовать и над- и меж-, и внутригосударственные институты, создаваемые как всем гражданским обществом, так и его отдельными структурами (корпорациями, конфессиональными организациями, политическими, профессиональными, этническими группами)»⁵.

В качестве примера источника формирования социального права приведу экспертную деятельность Института инженеров электротехники и электроники (IEEE, Institute of Electrical and Electronics Engineers), крупнейшей в мире технической профессиональной организации, занимающейся, помимо разработки новых технологий, созданием *общеобязательных стандартов* для систем ИИ, призванных обеспечить общественную безопасность, здоровье, благополучие мирового сообщества, продвижение к более устойчивому

⁵ Поляков А. В. Верховенство права, глобализация и проблемы модернизации философии и теории права // Правоведение». 2013. № 4 (309). С. 25.

будущему. Системы ИИ должны быть «настроены» на соблюдение правовых норм, этических и моральных ценностей⁶. Общеобязательность их соблюдения обеспечивается авторитетом экспертных сообществ.

Основное направление модернизации законотворческого процесса, на мой взгляд, заключается в *частичном «разгосударствлении»* законопроектной деятельности, *мультипликации субъектов* правотворческих полномочий. Теоретико-методологической основой данного направления могут служить *социологическая концепция формирования права*⁷, *теории правового плюрализма* (Е. Эрлих, Л. Петражицкий, Ж. Гурвич), *концепт о множестве негосударственных центров*, генерирующих нормы поведения (творческие союзы, профсоюзы, политические партии, религиозные организации, общественные объединения). Полагаю, что социальное партнерство государства и общества в процессе формирования права в фокусе современной технической революции (именно так ряд авторов определяют современную эпоху⁸) объективно необходимо. «Разгосударствление» законопроектной деятельности, мультипликация субъектов правотворчества направлены не на замену государственного права негосударственным, а на взаимопроникновение правового и неправового механизмов нормативного регулирования, взаимодействие всех «творческих» сил общества в создании непротиворечивого, социально согласованного законодательства.

Совместное с акторами гражданского общества законотворчество. В истории правотворческой деятельности советского государства просматриваются поразительные картины *участия общественных организаций* в создании нормативных актов, одной из наиболее распространенных форм которого являлось *совместное правотворчество* общественных организаций и органов государства по вопросам, представляющим взаимный интерес (например, ежегодно принимаемые постановления ЦК КПСС, Совета министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ о Всесоюзном социалистическом

⁶ См.: Даллакян К. Обзор стандартов робоэтики от IEEE. 2018. URL: https://humanai.ru/blog/nauka/obzor_principov_roboetiki_ieee (дата обращения: 12.09.2022).

⁷ См.: Соколова А. А. Социальные аспекты правообразования. Минск: ЕГУ, 2003.

⁸ См., к примеру: Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016.

соревновании). Безусловно, совместное правотворчество не создает иллюзий о степени демократичности такого правотворческого процесса, включенности граждан и их общественных объединений в управление государством и обществом. Очевидны превалирование роли руководящих органов общественно-политических организаций (ЦК КПСС, ЦК ВЛКСМ), пропагандистский характер многих совместных нормативно-правовых актов, содержащих больше декларативных норм, нежели правовых механизмов регулирования проблемных ситуаций. Однако провозглашая себя демократически, постсоветские государства отказались от такой практики.

На мой взгляд, использование института совместного законотворчества в разрешении проблем техно-социо-экономико-экологической системы важно и перспективно: участие различных акторов, обладающих гуманитарными, техническими знаниями и компетенциями, позволит квалифицированно и всесторонне «отсканировать» проблемную ситуацию и смоделировать проект правового решения, отвечающий ожиданиям всех заинтересованных групп⁹.

Создание публичного пространства для разработки законопроектов с участием акторов гражданского общества. Решению проблемы модернизации законотворчества может способствовать переход к инновационному способу краудсорсинга (англ. *crowdsourcing, crowd* — «толпа» и *sourcing* — «использование ресурсов»), используемого в странах Европы, США. Суть инновации состоит в использовании коллективного интеллекта интернет-сообществ для разработки проектов правовых решений в пространстве Интернет. Особенность ее заключается в том, что активная часть общественности принимает участие в самом процессе создания текста, а не только в обсуждении предлагаемых официальными структурами проектов.

Представленные выше формы соучастия акторов публичной сферы в законотворческом процессе составляют суть социальной модернизации, которая, на мой взгляд, может изменить вектор законодательной политики и придать новый импульс законотворческой деятельности, направить ее на создание согласованного с обществом и им признаваемого законодательства. Освоение этого проекта, безусловно, представляет собой долгий путь трансформации

⁹ См.: Соколова А. А. Новые смыслы правовой политики: современные вызовы и перспективы // *Studia Politologiczne. Instytut Nauk Politycznych Uniwersytetu Warszawskiego*. Warszawa, 2019. Vol. 52. С. 11–25.

идеологии в вопросе отношения к роли государства — от доминирующей и самодостаточной, к организующей и содействующей развитию гражданского общества.

Законотворческие органы современных государств заинтересованы в повышении качества законопроектов. С этой целью они совместно с академическими институтами, международными организациями организуют различные конференции, семинары. Об этом могут свидетельствовать, например, факты активной научно-практической деятельности по повышению качества законодательства Международной организации законодательства (IAL, International Association for Legislation).

Для иллюстрации представляю программу семинаров, конференций, проводимых IAL совместно с академическими институтами в 2022 году.

- Семинар по разработке законопроектов на португальском языке. Институт юридических и политических наук, Лиссабонский университет, 7–18 января 2022 г.
- Законодательная разработка. *Tecniche di redazione degli atti normativi* (итальянский), Юридическая школа LUISS, февраль–июль 2022 г.
- Усовершенствованный законодательный процесс, Институт государственных дел (GAI) Джорджтаунского университета, март, июнь 2022 г.
- Разработка законопроектов, Кейптаунский университет, май 2022 г.
- Семинары Мюртена по разработке законопроектов [Murtner Gesetzgebungsseminare] (немецкий), Институт федерализма, Университет Фрибурга, май 2022 г.
- Семинар по разработке законопроектов, Институт международного права (ILI), июнь 2022 г.
- Передовая разработка законопроектов, Институт международного права (ILI), октябрь 2022 г.
- Международная конференции «Многоуровневая разработка законопроектов и оценка воздействия законодательства», ICJP — Институт юридических и политических наук (Юридическая школа Лиссабонского университета), CEDIS — Центр исследований права и общества (Юридическая школа

NOVA) и IAL — Международная ассоциация законодательства, июль 2022 г.

- Международная конференция IAL, Факультет политологии и международных отношений Университета Палермо, октябрь 2022 г., Палермо¹⁰.

Представляет интерес перечень вопросов, представленных для обсуждения: Как улучшить качество разработки закона? Как обучать юристов? Как сделать закон доступным для всех? Как оценить влияние закона и его применения? Кто является действующими лицами, отвечающими за эти миссии? Как учитывать обратную связь с мест? Как сделать закон более понятным для широкой общественности? Как контролировать качество закона и, в конечном счете, правовую безопасность демократии? Кто такие авторитетные акторы? Являются ли цифровые инструменты ответом на проблемные ситуации? Компьютерные средства перевода и внедрение/транспонирование многоязычных правовых актов ЕС.

Думаю, что эти вопросы, весьма актуальные для законотворческой практики постсоветских государств, должны стать предметом обсуждения российского академического сообщества.

Техническая модернизация законотворческого процесса непосредственно связана с новейшими достижениями цифровых технологий и искусственного интеллекта. *Михаил Михайлович Сперанский* был бы несказанно рад появлению арсенала цифровых технических средств, которые ускорили и упростили бы процесс проводимой им систематизации российского законодательства. В XXI веке технологии искусственного интеллекта стали применяться в юридической сфере, постепенно проникая в законотворческую. Доктор Вим Воерманс (Центр законодательных исследований, Тилбургский университет, Нидерланды) в своей статье «Разработка законопроектов с помощью компьютера в Нидерландах: LEDAsystem» описывает два подхода в использовании компьютерных инструментов для разработки законопроектов (эта область деятельности определяется им как *legimatics* — *легиматика*). В настоящее время в легиматике существуют два основных подхода к развитию правовых информационно-технологических систем (ИТ-системы): информационно-ориентированный подход и подход, основанный на системе

¹⁰ URL: <https://ial-online.org/legislative-drafting-courses-and-workshops-2022> (дата обращения: 12.09.2022).

искусственного интеллекта (ИИ-система)¹¹. При информационно-ориентированном подходе правовые и законодательные процессы решения проблем считаются *информационными* проблемами. ИТ-системы, построенные по информационно-ориентированному подходу, помогают пользователям системы обрабатывать и предоставлять достоверную информацию для решения информативных проблем, возникающих при разрешении определенных ситуаций. Информационно-ориентированные ИТ-системы удовлетворяют потребность в информации.

В подходе, основанном на искусственном интеллекте, решение правовых и законодательных проблем рассматривается как мыслительный процесс, требующий знаний.

В системах, построенных по ИИ-ориентированному подходу, предпринимаются попытки представить знания, необходимые для решения определенной юридической или законодательной проблемы, и смоделировать ее таким образом, чтобы компьютерная система могла считать/объяснить ее. Таким образом, юридические системы ИИ могут (частично) решать юридические и законодательные проблемы с помощью «машинной обработки» правовых рассуждений. Создание систем на основе ИИ требует точного понимания того, как конкретные юридические проблемы решаются и какие виды конкретных знаний используются при решении задач¹². Использование новейших компьютерных достижений в области искусственного интеллекта в законопроектной деятельности применяется в ряде стран (Бельгии, Нидерландах, Италии, Австралии). В Российской Федерации на основе системы искусственного интеллекта «развилось компьютерное моделирование юридических рассуждений, сместившееся в дальнейшем в область юридического диалога и конфликта правовых аргументов. ...Популяризация ИИ-систем для поддержки принятия решений обеспечила их мультизадачность, включающую информационный поиск, юридическую аргументацию, аналитику, прогноз и контроль»¹³. Справедливы выводы авторов цитируемой

¹¹ Voermans W. Computer-assisted legislative drafting in the Netherlands: the LEDA system. URL: <https://ial-online.org/wp-content/uploads/2019/07/Voermans-Legimatics.pdf> (дата обращения: 12.09.2022).

¹² Там же.

¹³ См.: Трофимов Е.В., Мецкер О.Г. Использование компьютерных методов и систем в изучении права, интеллектуальном анализе и моделировании правовой деятельности: систематический обзор // Труды ИСП РАН. Т. 32.

статьи о том, что методологический успех достигается усилиями исследовательских коллективов *междисциплинарного* состава, обеспечивающих грамотное целеполагание, научную коммуникацию, моделирование объектов исследования и разработку средств реализации междисциплинарных подходов.

И последнее. Какими знаниями и компетенциями должны обладать специалисты, участвующие в модернизации законопроектной деятельности? Речь идет о новых подходах к модели подготовки специалистов-норморайтеров.

- Подход «human rights approach» («подход, основанный на правах человека»).

Достаточно новый подход международной и европейской политики, предписывающий осуществлять все виды государственной деятельности, в том числе образовательную, с позиции соблюдения принципа прав человека. Задача — формирование культуры прав человека, соблюдение принципов прав человека во всех сегментах государственной деятельности. Высокий стандарт профессии норморайтера (и профессии юриста в целом) должен включать эту компетенцию — использование в нормотворческой работе, в разработке проектов нормативно-правовых актов *подхода, основанного на правах человека (human rights based approach)*.

- Междисциплинарный подход: формирование интегративного мировоззрения.

Мировоззрение специалистов — норморайтеров должно формироваться на осознании *интерактивности социальных и технологических систем, комплексной картины их видения и нормативного регулирования*.

- IT-подготовка.

Включение в образовательную программу блока учебных дисциплин по **Основам информационных технологий** с целью формирования навыков использования методов искусственного интеллекта, цифровых инструментов в законопроектной деятельности (*технологическая модернизация действий по составлению проекта*).

Вып. 3. 2020. С. 147. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-kompyuternyh-metodov-i-sistem-v-izuchenii-prava-intellektualnom-analize-i-modelirovaniy-pravovoy-deyatelnosti/viewer> (дата обращения: 12.09.2022).

Процесс модернизации законотворческой деятельности обусловлен объективными причинами и, в частности, стремительным развитием цифровых технологий и систем ИИ, которые, на мой взгляд, следует использовать в правовой сфере и, кроме того, создавать законодательные рамки безопасного для личности применения. Объединение усилий ученых различных отраслей современного знания, гуманитарного и технического, позволят совместить реалии техногенного процесса с идеями и принципами, гуманизирующих его.

Список литературы:

1. Баранов В. М. Норморайтер как профессия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6 (119).
2. Даллакян К. Обзор стандартов робоэтики от IEEE. 2018. URL: https://humanai.ru/blog/наука/obzor_principov_roboetiki_ieee (дата обращения: 12.09.2022).
3. Поляков А. В. Верховенство права, глобализация и проблемы модернизации философии и теории права // Правоведение. 2013. № 4 (309).
4. Соколова А. А. Социальные аспекты правообразования. Минск: ЕГУ. 2003.
5. Соколова А. А. Новые смыслы правовой политики: современные вызовы и перспективы // Studia Politologiczne. Instytut Nauk Politycznych Uniwersytetu Warszawskiego. Warszawa. 2019. Vol. 52.
6. Соколова А. А. Техничко-правовая экспертиза в эпоху современных технологий // Ежегодник. Юридическая техника. «Юридические инновации: доктрина, практика, техника». 2022. № 16.
7. Томсинов В. А. Светило российской бюрократии. Исторический портрет М. М. Сперанского. 5-е изд., обн. и доп. М., 2013.
8. Томсинов В. А. М. М. Сперанский о технологии проведения государственных преобразований. URL: http://tomsinov.com/Great_Reforms/tomsinov_v.a-m.m-speranskij_o_tekhnologii_proveden.pdf (дата обращения: 12.09.2022).
9. Трофимов Е. В., Мецкер О. Г. Использование компьютерных методов и систем в изучении права, интеллектуальном анализе и моделировании правовой деятельности: систематический обзор // Труды ИСП РАН. Том 32. Вып. 3. 2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-kompyuternyh-metodov-i-sistem-v-izuchenii-prava-intellektualnom-analize-i-modelirovanii-pravovoy-deyatelnosti/viewer> (дата обращения: 12.09.2022).

10. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016.
11. *Helbing D.* The FuturICT Knowledge Accelerator to Explore and Manage our Future. 2011. URL: <http://www.complex-systems.meduniwien.ac.at/events/FuturICTAustria201106/WhatFuturICTWillDo4Media.pdf> (дата обращения: 12.09.2022).
12. *Voermans W.* Computer-assisted legislative drafting in the Netherlands: the LEDA system. URL: <https://ial-online.org/wp-content/uploads/2019/07/Voermans-Legimatics.pdf> (дата обращения: 12.09.2022).

Меньшикова Галина Александровна

*канд. экон. наук, доц. кафедры социального управления и планирования
Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, Санкт-Петербург*

Евстратчик Светлана Васильевна

*канд. экон. наук, доц. кафедры экономической кибернетики Санкт-Петербургского
государственного университета, Россия, Санкт-Петербург*

ДОСЬЕ НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО АКТА: НЕОБХОДИМОСТЬ И ВОЗМОЖНОСТЬ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация: В статье обосновывается необходимость и возможность воплощения идеи о разработке нового инструмента законодательной системы — досье нормативного правового акта (НПА). Сама идея предлагалась неоднократно, включая правительственные документы и высказывания ученых, но концептуально не обосновывалась. В современных условиях вступления в стадию формирования государственного управления на основе модели «Good Governance» с учетом развития технологий цифрового общества — такая задача реальна и более чем полезна. Обобщая свой практический опыт, накопленный в ходе работы по разработке и реализации оценки регулирующего воздействия, а также в центре экспертиз СПбГУ по проведению мониторинга правоприменения, авторы предложили макет досье, взяв за его основу документы, уже разрабатываемые на практике.

Ключевые слова: досье НПА, потенциал досье как новой технологии совершенствования законодательства, макет досье.

1. Обоснование актуальности подхода

Формирование российской системы законодательства принципиально отличается от того, как это происходило в большинстве зарубежных стран. Так, в большинстве государств процесс совершенствования НПА был постепенным; законы изменялись по мере развития общества, отражая появление новых социальных условий и практик рефлексии на них, выработанных мировым или национальным сообществом. В России законодательная система формируется практически заново — нормы СССР не подходят для современного общества.

Новое российское законодательство должно пройти ряд стадий: формирование рамочных законов (1), юридическую оценку НПА на соответствие ее другим законам и системе законодательства — правовой мониторинг (ПМ) (2), накопление и обобщение результатов практик по их реализации в российской действительности (3), постепенное уточнение законов в виде поправок или принятия новых НПА (4). Для повышения качества разработки НПА в нашей стране,

как и за рубежом, применяются две технологии: оценка регулирующего воздействия (ОРВ) и оценка фактического воздействия (ОФВ). Цель первой — публичное обсуждение проектов законов с экспертами/населением с обоснованием эффективности/полезности акта или отдельных его положений; цель второй — оценка НПА с учетом его реализации на практике (уже после его принятия).

Параллельно, но уже для ускорения процесса совершенствования законодательства, в стране применяются две другие технологии: правовой мониторинг (ПМ) (сравнение российских НПА с зарубежными) и мониторинг правоприменения (МП) — изучение опыта по воплощению норм закона на практике, осуществляемого законодательными органами. К их реализации привлекаются профессиональные юристы, хотя возможны и добровольные независимые оценки, например этим занимаются в Центре экспертиз СПбГУ.

Отметим, что практика ПМ широко используется за рубежом, как ради практических целей заимствования странами лучших практик, так и международными экспертами, формирующими систему законов и норм, рекомендуемых ими как минимальный набор обязательных, т. е. соответствующих, например, требованиям демократии. Что касается МП, то термин «law enforcement» за рубежом применяется, но имеет иной смысл. Он выражает в основном контроль за действиями органов по поддержанию порядка, прежде всего полиции как института, ответственного за должное соблюдение законов юридическими и физическими лицами. Приведем типичное определение¹: «МП — это общее название деятельности органов, ответственных за поддержание общественного порядка и соблюдение закона, в частности деятельности по предотвращению, выявлению и расследованию преступлений и задержанию преступников»².

Все названные технологии относительно новы. Их использование насчитывает чуть более десяти лет. Сопоставление их проведено нами ранее³. При этом нельзя не отметить, что их внедрение не

¹ Office of Justice Programs. USA. URL: <https://www.ojp.gov/>; <https://www.bjs.gov/index.cfm?ty=tdtp&tid=7.333a> (дата обращения: 01.01.2021).

² Для чистоты доказательности приведем и английское определение: «The generic name for the activities of the agencies responsible for maintaining public order and enforcing the law, particularly the activities of prevention, detection, and investigation of crime and the apprehension of criminals».

³ *Баринов А. М., Меньшикова Г. А., Евстратчик С. В.* Мониторинг правоприменения и оценка регулирующего воздействия: новому обществу — но

проходит гладко, поскольку пока не принят закон, хоть как-то регламентирующий обязательность проведения ОРВ. Ученые, с одной стороны, признают роль названных технологий, но с другой, видя формальный подход к их реализации, а также трудности, с которыми юристы органов власти как разработчики НПА сталкиваются, отрицают целесообразность продолжения этой работы.

Похожий вывод можно сделать и в отношении МП. Как известно, основой этой работы являются планы Министерства юстиции, в которых представлен перечень законов на год, по которым государственные юридические службы (прокуратура, Следственный комитет и т. д.) должны проводить сбор информации о качестве действующих НПА, выявляемых на практике разночтениях, неясностях, двойственных формулировках и ошибках. Наш анализ этих планов показал, что число предложенных для контроля НПА сократилось с 18 (2013 год) до 5 (2020)⁴.

Участвуя в работе по внедрению названных технологий в жизнь, нельзя не отметить огромного труда юристов — разработчиков НПА. Пусть не все, но большинство актов, должны пройти сначала ОРВ, а затем и ОФВ. Мало того что это предполагает составление справки-обоснования акта, проведение процедур публичных слушаний, но еще и аналитических расчетов (по НПА признанным как обладающие сильным воздействием), оценивающих преимущество акта или отдельных его статей. Составление аналитических справок, учитывая недостаток региональных статистических баз, необходимость проведения в ряде случаев социологических исследований, загруженность юристов другой работой превращаются в формальные отписки, обесценивая суть содержания ОРВ. Аналогично складывается ситуация при выполнении юристами соответствующих служб работы по выполнению ежегодного плана по МП.

Разработка досье НПА как сбор в одном месте (на особой, но открытой для всех пользователей платформе) информации от разработчиков НПА, включая его исходный документ и региональные варианты, результаты юристов разных ведомств, проводящих МП,

вые технологии управления // Мониторинг правоприменения. 2019. № 3 (32). С. 63–69.

⁴ *Евстратчик С. В., Меньшикова Г. А., Пруель Н. А.* Мониторинг правоприменения как технология совершенствования законодательства в РФ X Международная научно-практическая конференция «Право и информация: вопросы теории и практики». СПб.: Президентская библиотека, 2021. С. 123–140.

позволили бы систематизировать информацию, создать базу для взаимодействия между разработчиками, что в целом облегчило бы их труд и ускорило бы совершенствование законодательства. Введение досье НПА станет новым шагом и создаст условия для повышения качества законотворческой деятельности в целом. Досье обеспечит возможность архивировать информацию о процессе формирования НПА, выявлении этапов его формулирования, инициаторах и итогах обсуждения устаревших и новых формулировок, итогах оценок регулирующего и фактического воздействия (ОРВ и ОФВ).

2. Признание необходимости «досье НПА» российскими учеными и практиками

Досье (от фр. *dossier*) — совокупность документов и материалов, относящихся к какому-то конкретному делу или вопросу. На необходимость создания системы досье НПА указывали аналитики из Центра Законодательства и правоприменительной практики (Центр мониторинга права) при Совете Федерации РФ⁵. Его создание рассматривалось в контексте необходимого формирования информационного банка законодательных актов как части мониторинга законодательства и правоприменительной практики уже в 2009 году.

На практике (в усеченном виде) технология «досье» уже применяется. Так, при подготовке законопроекта его разработчики представляют так называемую «паспортичку»: пояснительную записку, экспертное заключение.

К внедрению досье как новой регулятивной технологии, контролирующей качество НПА и выявляющей проблемы его правоприменения, призывали многие ученые: Веселов И. Г., Комаров С. А., Колесник И. В. и др. Приведем их высказывания как отражение взглядов на значение и структуру досье НПА.

Так Веселов И. Г.⁶ (эксперт правового управления Аппарата ГД РФ). предлагает указывать в досье фамилию разработчика про-

⁵ Доклад Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2009 года «О состоянии законодательства в Российской Федерации. Мониторинг правового обеспечения основных направлений внутренней и внешней политики». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EX-R&n=525046#01564293728112336> (дата обращения: 02.09.2022).

⁶ *Веселов И. Г., Комаров С. А.* Технологии правового мониторинга в законотворческой деятельности Государственной Думы Федерального Собрания РФ (ч. 1) // Вестник КГУ им. Некрасова. Юридические науки. 2016. Т. 22. № 3. С. 213.

екта НПА и его принадлежность к соответствующей структуре государственной службы, с тем чтобы усилить их ответственность за созданный документ, а также настаивать на четкой формулировке целей и критериев оценивания реализации НПА в преамбуле.

Колесник И. В. указывает, что «такое досье должно исходить не только из содержания НПА, но и выяснения причин, побудивших его разработку, а также содержать интерпретацию основных положений. Это должна быть постоянная работа, направленная на изучение практики его применения, реализации положений НПА в ссылочных и бланкетных нормах, в других документах нормативно правового характера»⁷. При этом нельзя согласиться с использованием термина «досье» для характеристики совокупности выпущенных НПА по теме или за период, как это иногда практикуется.

Критикуя действующую практику ПМ и предлагая направления ее совершенствования, многие авторы, не используя понятие «досье НПА», формируют аргументы в его пользу. Представим часть их в табличной форме.

Таблица. Предложения по совершенствованию системного подхода к ПМ как аргументы в пользу досье НПА

Предложения	Авторы	Требование к досье НПА
Необходима систематизация («комплексный анализ»), основу которого составляет контроль за НПА	Лукьянова В. Ю. ⁸	Досье — аналитический документ, аккумулирующий разнообразную и из разных источников информацию, что позволяет использовать его для публичного контроля, обозначая его результаты

⁷ Колесник И. В. Технологии мониторинга правоприменения // Наука. Мысль. 2016. № 3. С. 214–237. URL: wwenews.esrae.ru/26-242 (дата обращения: 02.09.2022).

⁸ Лукьянова В. Ю. Юридические технологии правового анализа // Журнал российского права. 2018. № 11. С. 26. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskie-tehnologii-pravovogo-analiza/viewer> (дата обращения: 02.09.2022).

Предложения	Авторы	Требование к досье НПА
Необходимо внедрение новой научной юридической дисциплины — нормографии как учебного курса о правилах нормотворчества и нормоприменения	Арзамасов Ю. Г. ⁹	Нормография должна стать основой формальных требований к созданию, ведению и использованию досье НПА
Необходимо принять закон об НПА	Черногор Н. Н., Залоило Н. В. ¹⁰	Обязательные требования к НПА должны стать основой досье, а требования к формированию досье — статьёй закона об НПА
Сложность процесса нормотворчества и необходимость регулирования предопределяют появление новой юридической профессии: эксперт-аналитик	Клейменов М. П. и др. ¹¹	Единые и публичные досье станут одним из направлений их деятельности, а также предметом их координации и взаимодействия между собой
Необходимо создание одного (нескольких) центров, ответственных за проведение и координацию действий в рамках ПМ	Клейменов М. П., Веселов И. Г.	Единые и публичные досье станут основой их координации и взаимодействия
Разноуровневость статуса акторов законотворческой и регулятивной деятельности	Клейменов М. и др.	Досье должно содержать не только различные рубрики, но и различные доступы к наполнению текста

⁹ Нормография: теория и технология нормотворчества: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. Ю. Г. Арзамасова. М.: Юрайт, 2019. 460 с. // ЭБС Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/433794> (дата обращения: 02.09.2022).

¹⁰ Черногор Н. Н., Залоило М. В. Правовой мониторинг: инструментальная ценность и векторы развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 3. С. 8–21.

¹¹ Клейменов М. П., Иванов Е. С., Козловская М. Г. Мониторинг правоприменения в России. Вестник Омского университета. Право. 2017. № 4 (53). С. 123–129. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/monitoring-pravoprimeneniya-v-rossii/viewer> (дата обращения: 02.09.2022).

Предложения	Авторы	Требование к досье НПА
Необходимо проводить фактическую оценку эффективности работы законодательных органов, оценивать качество отдельных НПА и эффективности деятельности МП в целом	Радченко В. И. ¹²	Досье призвано сохранять предложенные при разработке проекта альтернативы возможных вариантов НПА, аккумулировать данные об общественных слушаниях и конкретных замечаниях. Этим оно формирует основу для оценки НПА
Необходимо расширение прогностической функции ПМ	Черногор Н. Н. ¹³ , Радченко В. И. ¹⁴ , Агамиров К. В. ¹⁵	Досье, аккумулируя информацию о правоприменении НПА, имевшихся альтернативных вариантов проекта и т. д., создает основу прогнозирования
Недостаточное участие и знание о ПМ гражданского общества, особенно применительно к «узким местам законодательства»	Кузьмина Е. М. ¹⁶ , Корж П. А. ¹⁷ , Веселов И. Г.	Наличие досье облегчает процедуру участия населения в ПМ, дает возможность высказывания представителями гражданского общества

¹² Радченко В. И. Мониторинг правоприменения. Определение эффективности правового регулирования. Мониторинг правоприменения. № 2 (15) 2015. С. 21–31. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/monitoring-pravoprimereniya-opredelenie-effektivnosti-pravovogo-regulirovaniya/viewer> (дата обращения: 02.09.2022).

¹³ Агамиров К. В. Юридическое прогнозирование как фактор совершенствования российской правовой системы // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 25–36.

¹⁴ Черногор Н. Н., Залоило М. В. Правовой мониторинг: инструментальная ценность и векторы развития. С. 8–21.

¹⁵ Черногор Н. Н., Радченко В. И., Иванюк О. А., Плагина И. В., Цирин А. М., Чернобель Г. Т. Практические аспекты прогнозирования законодательства и эффективности применения прогнозируемых норм // Журнал российского права. 2008. № 8. С. 3–14.

¹⁶ Кузьмина Е. М. Мониторинг правоохранительной деятельности: вопросы теории и практики // Вестник ПАГС. Поволжский институт управления. Право. 2015. 4 (5). С. 53–58.

¹⁷ Корж П. А. Демократические основы правотворчества // Юридическая техника. Ежегодник. 2014. № 8. С. 203–208.

Предложения	Авторы	Требование к досье НПА
Несоответствие некоторых НПА нормам языковой понятности	Корж П. А.	Ввести как особый раздел досье перечень вводимых понятий и терминов

Прокомментируем более детально отдельные недостатки действующей практики, названные учеными, рассматривая их как прямые подтверждения необходимости досье НПА.

1. Предлагая усилить комплексную методологию правового анализа, Лукьянова В. Ю. пишет: «необходимо видеть разработку концепции НПА, оценку его регулирующего и фактического воздействия, мониторинг правоприменения. Все вместе это станет основой для комплексного анализа. Она выделяет три стадии: нулевую (проект), нормотворчество и нормоприменение, чем обозначает три содержательных блока досье»¹⁸.

2. По мнению Лукьяновой В. Ю., главными недостатками законодательного пространства являются «недостаточная координация действий органов государственной власти, занятых «на правотворческом конвейере», а также не всегда высокий уровень проектов НПА». В качестве аргумента она приводит данные Минюста, показывающие количественное совпадение числа вновь принимаемых НПА и поправок к действующим¹⁹. Веселов И. Г. приводит другой пример: с 2002 года в закон «об административных нарушениях» было внесено 450 поправок²⁰.

3. Кузьмина Е. М. указала на то, что практически повсеместно в публикациях присутствует признание необходимости принятия закона «О НПА»²¹. Закон принят в Казахстане, Белоруссии и 40 субъектах РФ. В России же разработан только проект закона, который находится на обсуждении в ГД.

4. Многие исследователи настаивают на поиске форм участия в процедуре МП гражданского общества (его представителей). Решения видятся им различные. Так, Корж П. А. пишет: «Подготовке

¹⁸ Лукьянова В. Ю. Юридические технологии правового анализа. С. 26.

¹⁹ Там же. С. 35.

²⁰ Веселов И. Г., Комаров С. А. Технологии правового мониторинга в законодательной деятельности Государственной Думы Федерального Собрания РФ (ч. 1). С. 213.

²¹ Кузьмина Е. М. Мониторинг правоохранительной деятельности: вопросы теории и практики. С. 53–58.

законопроекта должны предшествовать социальные (правильнее написать социологические — примечание авторов статьи) исследования, ставящие ряд вопросов: Какова сложившаяся в общественных отношениях и правоприменительной практике ситуация (1), достижение каких конкретных целей предполагается данным конкретным актом (2), каковы возможные варианты общественного регулирования данной ситуации и есть ли предпосылки для законодательного регулирования данных общественных отношений (3), будет ли новый закон исполняться и существуют ли механизмы контроля за его исполнением (4), каким будет отношение общества к нему?»²² Думается, что перечисленные вопросы усложняют понимание целей законодательного регулирования, но соответствуют современному этапу государственного управления.

5. Также Корж П. А. обращает внимание на проблемы языковой понятности НПА. Методика проведения МП, разработанная Минюстом РФ, рекомендует учитывать при процедуре оценке качества НПА на практике следующие требования: простота изложения идеи и нормативных правил (1), краткость при формулировании нормативных правил (2), категоричность при построении фраз (3), ясность устанавливаемого правила поведения (4), последовательность изложения текста (5)²³.

Приведем высказывание Глазковой М. Е. об идеальном механизме МП: «Это — отлаженное движение информации о действиях правовых норм между звеньями, участвующими в проведении мониторинговых исследований, постепенном преобразовании в ходе аналитико-оценочной деятельности и последующем использовании для корректировки нормотворчества и правоприменения, а также прогнозирования потребности в правовом регулировании»²⁴. Понятно, что при таком понимании механизма ПМ досье НПА — стержневой канал информации, русло которого соответствует интересам общества, оно постоянно углубляется и расширяется, пополняясь новыми идеями, отражающими новые реалии.

²² Корж П. А. Демократические основы правотворчества. С. 203–208.

²³ Там же. С. 203.

²⁴ Глазкова М. Е. Органы судебной власти в механизме МП и мониторинга процессуальных норм // Журнал российского права, 2012. № 9. С. 97.

3. Эффективность НПА: преимущества досье как формы сбора необходимой оценочной информации

И ранее²⁵, и теперь делаются попытки обосновать систему показателей, оценивающей систему законодательства в целом (или по отраслям права), а также отдельные НПА, но если «ранее эти попытки в большей мере носили доктринальный характер, то теперь делаются попытки обосновать наличие неких конкретных индикаторов, критериев, мер, параметров, показателей»²⁶. По мнению одного из признанных лидеров российской юридической науки — Хабриевой Т. И., именно оценка эффективности правовых норм и правоприменительной деятельности — цель правового мониторинга (наряду с выявлением коллизий, дублирования и пробелов в правовом регулировании общественных отношений, определения степени урегулированности предметов ведения, закрепленных в Конституции РФ, выявления векторов развития отраслей российского законодательства, анализа и обобщение опыта зарубежного регулирования социальных отношений для последующего использования в законотворческой деятельности в РФ)²⁷.

При этом ученые справедливо указывают на абсурдные, хотя и распространенные на практике варианты (справедливо иронизируя «над коэффициентом штамповки») оценки эффективности, например работы ГД по количеству принятых НПА в день.

Единого подхода к системе оценивания нет — ученые выделяют их как минимум три.

Первый подход исходит из посыла, что эффективной норма права будет только тогда, когда цели правового регулирования, сформулированные и записанные законодателем, как правило, в начале нормативного правового документа, полностью реализованы.

²⁵ Венгеров А. Б., Никитинский В. И., Самощенко И. С. К методике изучения эффективности правовых норм // Советское государство и право. 1971. № 9. С. 70–78.

²⁶ Лаврентьев А. Р. Измеримые показатели качества норм права: юридические аргументы // Юридическая техника. 2013. № 7. С. 151–162.

²⁷ Хабриева Т. Я. Современные юридические технологии в теории и практике правотворчества и правоприменения // Эффективность законодательства и современные юридические технологии (материалы заседания Международной школы-практикума молодых ученых-юристов. Москва, 29–31 мая 2008 г.) / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М., 2009.

Принципиально отличное мнение Веселова И.Г., Комарова С.А.²⁸, которые считают базовым критерием эффективности показатель степени удовлетворенности населения качеством конкретной юридической услуги.

Третий подход основан на сравнении фактического, результата с установленными показателями в разного рода методических рекомендациях. При этом, одни исследователи предлагают постоянно совершенствовать (и совершенствуют) показатели методики проведения МП, включая показатели оценивания, а другие, например Колесник И.В.²⁹, утверждают, что большинство составляющих технологических средств МП не могут иметь нормативной регламентации и не нуждаются в таковой. Он считает оценку эффективности МП малополезным занятием, сводя ее применение к юридически-технологическим средствам, обслуживающим различные виды юридической деятельности. На сложности в применении различных методических разработок указывали многие исследователи: Лукьянова В.Ю., Рогачева О.С.³⁰, Южаков В.Н. и др.³¹. Понятно, что изначально важно различать предметы оценивания: НПА, Кодекс законов или область законодательного регулирования, технологию МП, а также законодательную систему в целом (по стране или региону).

Вариант конкретного исследования по оцениванию эффективности правового механизма оказания социальных услуг предложили Черногор Н.Н., Пуляева Е.В., Чеснокова М.Д., Глазко-

²⁸ *Веселов И. Г., Комаров С. А.* Технологии правового мониторинга в законодательной деятельности Государственной Думы Федерального Собрания РФ (ч. 1). С. 213.

²⁹ *Колесник И. В.* Технологии мониторинга правоприменения. С. 214–237.

³⁰ *Рогачева О. С.* Эффективность норм административно-деликтного права: монография. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2011. URL: http://www.law.vsu.ru/structure/admlaw/books/rogacheva_effect_norm.pdf (дата обращения: 02.09.2022).

³¹ *Южаков В. Н., Цирин А. М., Ефремов А. А.* Методика мониторинга внедрения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в практику нормотворческой деятельности. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации» М., 2014. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2501357 (дата обращения: 02.09.2022).

ва М.Е³². Оценивая эффективность законов, регулирующих социальную сферу, они выявили отсутствие единого понятийного аппарата (например, в определении социальной и публичной услуги), множественные коллизии, т.е. несоответствие перечня (круга) гарантированных социальных обязательств по обслуживанию населением в законах РФ, субъектов Федерации и органов местной власти, нестыковку в трактовках надзорно-контрольных полномочий между различными Министерствами, реализующими оказание социальных услуг, образования, здравоохранения, социального обслуживания.

4. Предложения по структуре досье: общие рекомендации

Досье НПА должно стать частью информационной платформы «Единая законодательная система РФ», доступ к которой открыт каждому гражданину. Законы в ней должны быть распределены по видам (юридическому статусу и направлениям регулирования) и уровням пространства, на которое они распространяются: общенациональные, НПА субъектов Федерации или местного самоуправления.

Досье по каждому НПА, как представляется, должно состоять из двух полей. Первое (основное) подлежит заполнению юристами — профессионалами (аналитиками), ответственными за правотворческую и правоприменительную деятельность в рамках данного НПА. Второе поле — дополнительное. Право на его заполнение может быть предоставлено любому жителю страны, зарегистрированному в системе. Его цель — сбор предложений населения по совершенствованию законов. Сюда же можно вносить итоги проведенных публичных слушаний или инициативных правовых мониторингов.

Формирование досье на НПА, своевременность редакторских правок, а также контроль за содержанием текстов в дополнительной части должен осуществляться ответственным специалистом-аналитиком. Он же отвечает за сбор и публичное озвучивание информации о количестве посетителей сайта, отслеживает правильность заполнения поля добровольными участниками обсуждения.

Исходя из сложившейся практики законодательной аналитики, содержание основного поля может быть сгруппировано в четыре блока.

³² Черногор Н.Н., Пуляева Е.В., Чеснокова М.Д., Глазкова М.Е. Мониторинг эффективности правового механизма оказания социальных услуг // Журнал российского права. 2010. № 8. С. 66–76.

Первый — все варианты текста НПА, включая предшествующий вариант, редакции, конкретизацию его на уровне субъектов управления и в муниципалитетах.

Второй — информация, предоставленная разработчиком проекта закона, включая правки текста, которые были сделаны в ходе его обсуждения и принятия, справку о прохождении ОРВ или конкретные документы в виде обоснования НПА: справки о фактическом состоянии решения проблемы, альтернативные варианты текста проекта, результаты публичных слушаний и проведенных социологических исследований по оценке эффективности отдельных положений.

Третий блок — результаты экспертизы НПА, проведенные в ходе правового мониторинга. Он выполняется в плановом или инициативном режиме, включая выявленные лексические ошибки в тексте, коллизии по уровням применения НПА, разночтения в формулировке понятий и другие. В случае надобности эксперты-аналитики на основании представленной информации могут проводить оценку эффективности НПА, имея в виду три названные выше подходы к оцениванию.

Четвертый блок включает информацию, полученную в ходе мониторинга правоприменения. Он должен отразить итоги практики применения НПА, выявив спорные статьи, наличие жалоб юридических или физических лиц. Основа этой информации содержится в ежегодных отчетах по результатам планового мониторинга правоприменения, составленных правоохранительными органами РФ³³. Помимо добровольных комментариев в часть, предназначенную для общественного обсуждения, могут вноситься статьи СМИ, записи о телевизионных передачах или любая другая фактографическая информация. Сюда же может помещаться информация, характеризующая статистику правового поля: уровень правонарушений и его изменения, удовлетворенность населения изменениями в социальных отношениях, прошедшими после внедрения НПА.

5. Выводы

Представляется, что сам факт включения досье НПА в число эффективных механизмов правового мониторинга более чем оправ-

³³ Доклад Правительства РФ о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2019 год // Мониторинг правоприменения. 2020. № 4. С. 69–82.

дан. Оно аккумулирует всю информацию о законе: его разработчиках, целях, поставленных при его разработке, наличие альтернативных вариантов, ходе процедуры принятия, равно как и экспертизы специалистов по поводу качества законодательного оформления, а также замечаний в ходе практики его реализации, выявленных правоохранительными органами (судами).

Досье НПА может стать систематизирующим звеном при формировании Единой платформы законодательных актов страны, классифицируя законы по уровням действия и сферам применения. Оно как инструмент публичного пользования может содержать две опции: открытую для разработчиков и аналитиков, имеющих доступ к формированию сопроводительных документов, а также опцию публичного обсуждения, аккумулирующую замечания ученых и практиков.

Досье НПА усилит аналитический потенциал системы правового мониторинга, делая возможным оценку эффективности законов как с позиции целей разработчика, так и с учетом отражения в нем потребностей населения.

Список литературы:

1. Агамиров К. В. Юридическое прогнозирование как фактор совершенствования российской правовой системы // Журнал российского права. № 8. 2018.
2. Арзамасов Ю. Г. Эффективность законотворчества: постановка проблемы, основные пути решения // Вестник университета им. Кутафина О. Е. (МГЮА). 2018. № 4.
3. Баринов А. М., Меньшикова Г. А., Евстратчик С. В. Мониторинг правоприменения и оценка регулирующего воздействия: новому обществу — новые технологии управления // Мониторинг правоприменения. 2019. № 3 (32).
4. Веселов И. Г., Комаров С. А. Технологии правового мониторинга в законодательной деятельности Государственной Думы Федерального Собрания РФ (ч. 1) // Вестник КГУ им. Некрасова. Юридические науки. 2016. № 3.
5. Венгеров А. Б., Никитинский В. И., Самощенко И. С. К методике изучения эффективности правовых норм // Советское государство и право. 1971. № 9.
6. Глазкова М. Е. Органы судебной власти в механизме МП и мониторинга процессуальных норм // Журнал российского права. 2012. № 9.

7. Доклад Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2009 года «О состоянии законодательства в Российской Федерации. Мониторинг правового обеспечения основных направлений внутренней и внешней политики». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req= doc&base=EXP&n=525046#01564293728112336> (дата обращения: 02.09.2022).
8. *Евстратчик С. В., Меньшикова Г. А., Пруель Н. А.* Мониторинг правоприменения как технология совершенствования законодательства в РФ. X Международная научно-практическая конференция «Право и информация: вопросы теории и практики». СПб., Президентская библиотека, 2021.
9. *Колесник И. В.* Технологии мониторинга правоприменения // Наука. Мысль. 2016. № 3. URL: wwenews.esrae.ru/26-242 (дата обращения: 02.09.2022).
10. *Клейменов М. П., Иванов Е. С., Козловская М. Г.* Мониторинг правоприменения в России // Вестник Омского университета. Право. 2017. № 4 (53). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/monitoring-pravoprimeneniya-v-rossii/viewer> (дата обращения: 02.09.2022).
11. *Корж П. А.* Демократические основы правотворчества // Юридическая техника. Ежегодник. 2014. № 8.
12. *Кузьмина Е. М.* Мониторинг правоохранительной деятельности: вопросы теории и практики // Вестник ПАГС. Поволжский институт управления, Право. 2015. № 4 (5).
13. *Лаврентьев А. Р.* Измеримые показатели качества норм права: юридические аргументы // Юридическая техника. Ежегодник. 2013. № 1.
14. *Лукьянова В. Ю.* Юридические технологии правового анализа // Журнал российского права. 2018. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskie-tehnologii-pravovogo-analiza/viewer> (дата обращения: 02.09.2022).
15. Мониторинг правоприменения. «Отчет о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2019 год». 2020. № 4.
16. Нормография: теория и технология нормотворчества: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. Ю. Г. Арзамасова. М.: Юрайт, 2019. 460 с. // ЭБС Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/433794> (дата обращения: 02.09.2022).
17. О нормативных правовых актах в Российской Федерации (инициативный проект федерального закона). 5-е изд., перераб. и доп. / рук. авт. колл. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2019. 88 с.
18. *Радченко В. И.* Мониторинг правоприменения. Определение эффективности правового регулирования // Мониторинг правоприменения.

2015. № 2 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/monitoring-pravo-primeneniya-opredelenie-effektivnosti-pravovogo-regulirovaniya/viewer> (дата обращения: 02.09.2022).
19. *Рогачева О. С.* Эффективность норм административно-деликтного права: монография. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2011. 356 с. URL: http://www.law.vsu.ru/structure/admlaw/books/rogacheva_effect_norm.pdf (дата обращения: 02.09.2022).
 20. *Черногор Н. Н., Залоило М. В.* Правовой мониторинг: инструментальная ценность и векторы развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 3.
 21. *Черногор Н. Н., Радченко В. И., Иванюк О. А., Плагина И. В., Цирин А. М., Чернобель Г. Т.* Практические аспекты прогнозирования законодательства и эффективности применения прогнозируемых норм // Журнал российского права. 2008. № 8.
 22. *Черногор Н. Н., Пуляева Е. В., Чеснокова М. Д., Глазкова М. Е.* Мониторинг эффективности правового механизма оказания социальных услуг // Журнал российского права. 2010. № 8.
 23. *Черных И. И.* Правовое прогнозирование в сфере гражданского судопроизводства в условиях развития гражданских технологий // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103).
 24. *Хабриева Т. Я.* Современные юридические технологии в теории и практике правотворчества и правоприменения // Эффективность законодательства и современные юридические технологии (материалы заседания Международной школы-практикума молодых ученых-юристов. Москва, 29–31 мая 2008 г.) / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М., 2009.
 25. *Южаков В. Н., Цирин А. М., Ефремов А. А.* Методика мониторинга внедрения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в практику нормотворческой деятельности. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». М., 2014. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2501357 (дата обращения: 02.09.2022).
 26. Office of Justice Programs. USA. URL: <https://www.ojp.gov/>; <https://www.bjs.gov/index.cfm?ty=tdtp&tid=7.333a> (дата обращения 01.01.2021).

М. М. СПЕРАНСКИЙ О ЗАДАЧАХ (ФУНКЦИЯХ) ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (введение в проблематику)

Аннотация: Статья посвящена памяти великого русского правоведа, гения аналитической мысли М. М. Сперанского. Рассматриваются подходы ученого к основам законотворческой деятельности в Российской империи. Осуществляется опыт восприятия взглядов правоведа на предмет основных функциональных направлений (задач) законотворчества.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, история, законотворчество, функции правотворческой деятельности, задачи законодательной деятельности.

Историческое политико-правовое наследие нашей страны неразрывно связано с именем выдающего ученого М. М. Сперанского. Знаковая личность М. М. Сперанского — гения права и философии, являющегося одним из первых в России влиятельных сторонников демократии и конституционной монархии, характеризуется в романе другого гения той эпохи — гения слова Л. Н. Толстого. От лица главного героя романа «Война и мир» Л. Н. Толстой скажет о нем: «ежели что-нибудь сделано хорошего в нынешнее царствование, то все хорошее сделано им — им одним... И потомство отдаст ему справедливость»¹.

Биография, творческий и карьерный пути, труды М. М. Сперанского активно изучались и изучаются, находят отражение в достаточно широком круге литературных и научных источников. Персоналии Сперанского посвящен труд М. А. Корфа². Современный этап развития страны вполне предполагает интерес научного сообщества к национально-правовым традициям и государственным ценностям. Так, фундаментально проследил жизненный путь Михаила Михайловича в своих работах профессор В. А. Томсинов³. Идейные основы учения, анализ политико-правовых взглядов Сперанского

¹ Толстой Л. Н. Война и мир. М., 2015. С. 834.

² См.: Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. Т. 1–2. СПб., 1861.

³ Томсинов В. А. Светило российской бюрократии. Исторический портрет М. М. Сперанского. 5-е изд., обн. и доп. М., 2013.

представлен в научных трудах В. И. Морозова⁴, С. И. Сперанского⁵, Н. М. Румянцевой⁶. Законотворческая роль чиновника М. М. Сперанского отмечена С. В. Коданом⁷, Н. А. Власенко⁸.

При этом стоит отметить и обсуждаемое в научном сообществе противостояние в поиске путей развития Российской империи, а именно разницу взглядов либерала М. М. Сперанского и консерватора Н. М. Карамзина, приверженца идеи «примата традиции над законом», считавшего необходимым ограничиться минимумом законотворческой деятельности, сомневавшегося в необходимости и пользе новых законов⁹.

Анализ работ М. М. Сперанского, непосредственно затрагивающих законотворческую деятельность, позволяет обозначить следующие этапы появления его трудов, в том числе подготовленных нормативных актов: этап государственной карьеры (1795–1812), опальный период (1812–1816), возвращение на службу (1816–1839). И практически каждый из данных отрезков времени венчался выдающимися достижениями, выражавшими отношение личности

⁴ Морозов В. И. Роль М. М. Сперанского в развитии Российского государства, конец XVIII — начало XIX вв. Дис. ... д-ра истор. наук. М., 2000. URL: <https://www.dissercat.com/content/rol-m-m-speranskogo-v-razvitii-rossiiskogo-gosudarstva-konets-khviiii-nachalo-khikh-vv> (дата обращения: 20.12.2022).

⁵ Сперанский С. И. Учение М. М. Сперанского о праве и государстве. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. URL: <https://www.dissercat.com/content/uchenie-m-m-speranskogo-o-prave-i-gosudarstve> (дата обращения: 20.12.2022).

⁶ Румянцева Н. М. Просветительно-педагогическое учение М. М. Сперанского: историческое и современное значение. Дис. ... д-ра пед. наук. М., 2006. URL: <https://www.dissercat.com/content/prosvetitel'sko-pedagogicheskoe-uchenie-mm-speranskogo-istoricheskoe-i-sovremennoe-znachenie> (дата обращения: 20.12.2022).

⁷ См., напр.: Кодан С. В. Государственный совет в законотворческой деятельности Российского государства (1800–1850-е гг.) // Юридическая техника. 2014. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennyy-sovet-v-zakonotvorcheskoj-deyatelnosti-rossiyskogo-gosudarstva-1800-1850-e-gg> (дата обращения: 20.12.2022).

⁸ См.: Доктринальные основы юридической техники / под ред. Н. А. Власенко // Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М., 2010.

⁹ Кузнецов О. В., Лотарев К. А., Тараканов В. В. М. М. Сперанский и Н. М. Карамзин: два пути цивилизационного развития России или спор о рациональной системе государственного управления? // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 5. С. 86–89.

к своему государственному призванию и к своим возможностям сделать для Российского государства нечто полезное.

Несмотря на аналитический подход Сперанского, используемый им в своей деятельности по служению Отечеству, собственные произведения графа достаточно сложно классифицируются. Теоретические работы, рукописи автора зачастую не датировались, разнообразны по объему и конкретизации отдельных положений. Наиболее применимыми к выбранному направлению научного анализа являются следующие из произведений ученого: «Введение к уложению государственных законов», «Проекты и записки», «Руководство к познанию законов», «Очерки по истории кодификации».

В Проекте Уложения государственных законов Российской империи М. М. Сперанским отражено, что «державная власть, заключаемая во всем ее пространстве в особе императора, соединяет в себе силу законодательную, судную и исполнительную... В порядке законодательном никакой закон не может иметь силы, есть ли не будет он утвержден державною властью»¹⁰.

Соответственно, император является «Верховным законодателем, без коего никакой закон свершится не может»¹¹.

Относительно существа общежительных законов (устанавливающих и охраняющих общественный порядок) М. М. Сперанский отмечал, что такие законы «не дѣйствительны, когда они противны законамъ естественнымъ; они, по самому существу ихъ, не что иное должны быть, какъ приложеніе законовъ естественныхъ, приложеніе, укрѣпленное дѣйствиємъ верховной власти, внѣшними наградами и понужденіями»¹².

При конституционно-монархическом устройении государства, по мысли Сперанского, закон вверяется Государственной думе. Государственная дума составляется из депутатов от всех свободных состояний по избранию дум губернских. Законы предлагаются правительством, уважаются в Думе, утверждаются государем. К Главным принадлежностям Думы отнесено, что никакой новый закон не может быть издан без уважения Думы. Установление новых по-

¹⁰ Сперанский М. М. Проекты и записки / под ред. С. Н. Валка. М., 1961. С. 222.

¹¹ Там же. С. 232.

¹² Сперанский М. М. Руководство къ познанию законовъ. Сочинение Графа Сперанскаго. Санкт-Петербургъ. Въ Типографіи Втораго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, 1845. С. 40.

дате́й, налогов и повинностей уважаются в Думе. Закон, уважаемый в Думе, вносится на высочайшее утверждение. Закон, признанный большинством голосов неудобным, оставляется без действия¹³.

Для подробного рассмотрения проекта законов Дума избирает из членов своих частные комиссии¹⁴.

Сперанский предполагал, что эффективность законотворческой деятельности, ее направленность и приближенность к людям невозможна без участия в этой деятельности местных избранных чиновников. Законодательный порядок в губерниях предполагал образование дум волостных, дум окружных и дум губернских¹⁵.

В предметах ведения перечисленных дум законотворческие полномочия не расшифровывались. В качестве главной принадлежности определялось, что волостные думы представляют первую ступень законодательного порядка, который, возникая в волостях, постепенно восходит трехгодичными выборами депутатов и образует Государственную думу¹⁶.

Рассуждая об образовании Государственного совета, ученый полагал, что данный орган должен предполагать создание департаментов Совета, в том числе департамента Законов, к предмету действия которого относилось бы «рассмотрение законов, уставов и учреждений, от комиссий и от министров представляемых»¹⁷.

Кроме того, к Совету принадлежали Установления: Государственная канцелярия, Комиссия прошений, Комиссия составления законов. Последней отведена роль, связанная с проектами законов¹⁸.

В ходе «начертания» плана конституции, именуемым графом Сперанским «разумом коренных законов», образу составления законов, их силе и действию отведена центральная III часть, названная «Образ составления законов, их сила и действие»¹⁹.

Относительно этапов законотворческих процедур Сперанский высказывался о сложении трех начал: из предложения закона, уважения его и утверждения²⁰. Законодательный порядок определялся

¹³ См.: Сперанский М. М. Проекты и записки. С. 227.

¹⁴ См.: Там же. С. 226–227.

¹⁵ См.: Там же. С. 229–230.

¹⁶ См.: Там же. С. 230.

¹⁷ См.: Там же. С. 225.

¹⁸ См.: Там же. С. 226.

¹⁹ См.: Сперанский М. М. Проекты и записки. С. 232.

²⁰ Сперанский М. М. Избранное [сост., автор вступ. ст. и коммент. В. С. Парсамов]. М., 2010. С. 323.

им в возможности разрешить следующие вопросы: 1) как законы составляются, поясняются и дополняются; 2) в какой форме они издаются; 3) как обнародуются; 4) с какого срока признаются действующими; 5) как могут быть отменены²¹.

Причем предложение закона есть исключительная прерогатива державной власти, способной «предлагать законы с зрелостью, нежели каждый член законодательного сословия»²².

Проделанная М. М. Сперанским в период правления Николая I работа по систематизации законов была направлена на решение ряда важнейших политико-юридических задач: четко обозначить намерение верховной власти поставить деятельность государства и жизнь подданных «на твердое основание закона», повысить качество и эффективность законотворческой и правоприменительной деятельности, обеспечить официальной правовой информацией государственные структуры и подданных, способствовать развитию правосознания, юридического образования и науки в стране²³.

Сперанский, безусловно, четко видел важность приведения в порядок законодательного массива, потребность систематизации законодательства. Необходимость составления полного собрания законов Сперанским виделась в возможности разделения законов на исторические (принятые в России с 1649 по 1825 год) и существующие (действующие), «разъяснения смысла действующих законодательных актов», сохранение исторического наследия²⁴, что сразу же могло способствовать снижению уровня правового нигилизма, устранению пробелов, чрезмерного правотворчества при одновременном сохранении исторической самобытности отечественного правообразования.

Решалась еще одна возможная проблема — смещение пределов компетенционных полномочий, которое виделось Сперанским в установлении (закреплении) полномочий законодательных и ис-

²¹ См.: *Сперанский М. М.* Руководство к познанию законовъ. Сочинение Графа Сперанскаго. С. 82–83.

²² См.: Там же. С. 324.

²³ *Владиминова Г. Е., Кодан С. В.* Концептуальные подходы М. М. Сперанского к определению юридической природы Основных законов Российской империи // *Новый ракурс.* 2012. № 5. С. 11.

²⁴ См.: *Томсинов В. А.* Систематизация российского законодательства во второй половине 20-х — начале 30-х годов XIX века // *Вестник Московского университета.* Серия 11: Право. 2008. № 4. С. 45–46.

полнительных органов, определении пространства их действия, предметов ведомств, образа производства дел по выделенным направлениям: законодательных собраний; законов правительственных сил; благоустройства; законов о состояниях, полиции, исправительных и уголовных; гражданских законов.

Одновременно с этим разграничивалось пространство действия всех предлагаемых установлений: высшая (государственная) степень, простираемая на все области государства; средняя (губернская), действие которых заключалось в пределах губернии; нижняя (уездная и городская), действие которых ограничивалось пределами уезда или города, волостные (входящие в состав нижней степени)²⁵.

По вопросу влияния науки и научного знания на качество государственной деятельности в рассуждениях М. М. Сперанского указывалось, что данные «новые подвижники», образуемые ученой аристократией, после долгого скрывания в тайне ученых изысканий, выдвигаются на сцену политических дел силой обстоятельств и происшествий²⁶.

Перед законотворчеством в Российской империи стояли задачи, во многом схожие с задачами современного правообразования, от эффективного решения которых зависит качество конечного продукта — законодательной нормы.

Чем более развиты и оперативны будут функциональные направления проводимой законотворческой работы, тем крепче и системнее будет отражаться в законах историческое правовое наследие, по мере необходимости все более искусно изменяемое законодателем под современные реалии. И это во многом доказал своей деятельностью выдающийся российский нормотворец и кодификатор права М. М. Сперанский.

В заключение хотелось бы еще раз акцентировать внимание на новаторский характер предложенных теоретических идей реформатора, опирающихся на главенство закона, самодержавное, централизованное начало. С теоретической точки зрения концептуальные подходы Михаила Михайловича к решению законодательных задач вполне востребованы и сегодня. М. М. Сперанский в своих трудах

²⁵ См.: *Сперанский М. М. Руководство къ познанию законовъ. Сочинение Графа Сперанскаго. Санкт-Петербургъ. Въ Типографіи Втораго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, 1845. С. 126–131.*

²⁶ Там же. С. 107.

показал, какой должна быть законотворческая деятельность по своей природе и в своих функциональных проявлениях.

Список литературы:

1. *Владимирова Г.Е., Кодан С.В.* Концептуальные подходы М.М.Сперанского к определению юридической природы Основных законов Российской империи // Новый ракурс. 2012. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-podhody-m-m-speranskogo-k-opredeleniyu-yuridicheskoy-prirody-osnovnyh-zakonov-rossiyskoj-imperii> (дата обращения: 20.12.2022).
2. Доктринальные основы юридической техники / Под ред. Н.А.Власенко; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Юриспруденция, 2010. 365 с.
3. *Корф М.А.* Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т.1–2.
4. *Кузнецов О.В., Лотарев К.А., Тараканов В.В.* М.М.Сперанский и Н.М.Карамзин: два пути цивилизационного развития России или спор о рациональной системе государственного управления? // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т.24. № 5. С. 86–89.
5. *Морозов В.И.* Роль М.М.Сперанского в развитии Российского государства, конец XVIII — начало XIX вв. Дис. ... д-ра истор. наук. М., 2000. URL: <https://www.dissercat.com/content/rol-m-m-speranskogo-v-razviti-rossiiskogo-gosudarstva-konets-khvi-ii-nachalo-khixh-vv> (дата обращения: 20.12.2022).
6. *Румянцева Н.М.* Просветительско-педагогическое учение М.М.Сперанского: историческое и современное значение. Дис. ... д-ра пед. наук. М., 2006. URL: <https://www.dissercat.com/content/prosvetitel-sko-pedagogicheskoe-uchenie-mm-speranskogo-istoricheskoe-i-sovremennoe-znachenie> (дата обращения: 20.12.2022).
7. *Сперанский М.М.* Избранное [сост., автор вступ. ст. и коммент. В.С.Парсамов]. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. 776 с.
8. *Сперанский М.М.* Проекты и записки / под ред. С.Н.Валка. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961.
9. *Сперанский М.М.* Руководство къ познанию законовъ. Сочинение Графа Сперанскаго. Санкт-Петербургъ. Въ Типографіи Втораго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, 1845. 170 с.

10. Толстой Л. Н. Война и мир. М.: Эксмо, 2015. 928 с.
11. Томсинов В. А. Светило российской бюрократии. Исторический портрет М. М. Сперанского. 5-е изд., обн. и доп. М.: ИКД «Зеркало-М», 2013. 476 с.
12. Томсинов В. А. Систематизация российского законодательства во второй половине 20-х — начале 30-х годов XIX века // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2008. № 4.

Шатковская Татьяна Владимировна

д-р. юрид. наук, проф., заведующая кафедрой теории и истории права и государства Южно-Российского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, Ростов-на-Дону

ВКЛАД М. М. СПЕРАНСКОГО В ТЕХНОЛОГИЮ КОДИФИКАЦИИ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Аннотация: статья посвящена выявлению вклада М. М. Сперанского в разработку технологии отечественной кодификации. В статье приведены результаты изучения тех практик, приемов и способов кодификации, которые на протяжении почти полувека накапливались Сперанским и его соратниками. Автор доказывает, что обобщение этого опыта позволит определить направления будущих исследований лучших отечественных практик ведения кодификационной работы.

Ключевые слова: кодификация, М. М. Сперанский, техника кодификации, российские законы, исторический метод, Свод законов.

Имя Михаила Михайловича Сперанского известно любому образованному человеку в России. И, конечно, более масштабной фигуры кодификатора наша страна не знает. Сперанский — первый профессиональный законодатель России, который поставил эту деятельность на рационально-прагматические рельсы и тем самым запустил юридическую историю России на новый виток ее развития.

Законодательный талант Сперанского не только не избавил, а напротив, привлек к нему внимание многочисленных критиков, обрушившихся на его детище «Полное собрание законов» и «Свод законов Российской империи». В потоке многочисленных упреков в отношении главных результатов кодификации первой половины XIX в., многие из которых состоятельны и верны, исследователи забывают о ряде обстоятельств, связанных с историей данной кодификацией.

В частности, о том, какой гигантский объем работы пришлось проделать Сперанскому. Он был и разработчиком, и организатором, и идейным вдохновителем, и главным исполнителем намеченного и высочайше утвержденного Николаем I плана кодификационных работ¹. В докладных записках Сперанского приводились данные о медленном и некачественном исполнении тех заданий, которые поручались отдельным сенаторам, иным чиновникам².

¹ *Фатеев А. Н.* М. М. Сперанский (1809–1909): биографический очерк / Ар. Н. Фатеев. Харьков: Типография «Печатное дело», 1910. С. 66–69.

² *Винавер М. М.* К вопросу об источниках X тома Свода законов: (записка Сперанского). СПб.: Типография Правительствующего сената, 1897. С. 1–3.

Масштаб задачи, стоявшей перед Сперанским, а именно «создать из рассыпанной храмины русских законов стройное, систематическое законодательное здание» объяснял и его искания и допускаемые в условиях «законодательного мрака» ошибки³. Многие из них современники признавали курьезными, например когда в основных законах писарь пропустил слово «самодержавие», и сами объясняли их изнеможением Сперанского под тяжестью работы, которую ему приходилось выполнять⁴.

О недостатках свода законов много писал и сам Сперанский⁵. Их неизбежность порождали серьезные противоречия российского законодательства, требующие кардинального реформирования системы отечественного права. Историческая значимость свода законов и состояла в том, что в нем эти противоречия оказались очевидными и явными и подтолкнули последующее изучение, исправление и доработку российского права.

Важным представляется то, что великое дело первоначального упорядочения российских законов с использованием не канцелярских, а юридических технологий Сперанскому удалось. Неизбежные на этом сложном пути ошибки, несомненно, нуждаются в осмыслении, но прежде всего необходим анализ и внимательное изучение тех практик, приемов и способов кодификации, которые на протяжении почти полувека накапливались Сперанским и его соратниками.

В условиях перманентной кодификации, в которых находится современная российская юриспруденция, удивляет тот факт, что этот бесценный опыт остается неизученным правоведами. Архив Сперанского в значительной части не опубликован и не доступен для широкого использования. Критика результата кодификационной работы без учета их юридическо-технического содержания и реальных возможностей осуществления имеет низкую познавательную ценность. В связи с вышеизложенным целью данной статьи⁶ является обобщение вклада М. М. Сперанского в технологию

³ Фатеев А. Н. М. М. Сперанский (1809–1909): биографический очерк. С. 66, 67.

⁴ Там же. С. 69.

⁵ Сперанский М. М. Бумаги по ревизии свода законов [Дело]: 1828–1836. // Российский государственный исторический архив. Ф. 1251. Оп. 1, ч. 1. Д. 121. С. 100–113.

⁶ В статье использована ранее опубликованная работа автора: Шатковская Т. В. Техника кодификации М. М. Сперанского: реформа или компиляция? // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 5. С. 19–30.

отечественной кодификации, позволяющее обозначить направления будущих исследований лучших отечественных практик ведения кодификационной работы.

Законодательный талант М. М. Сперанского позволил ему реализовать и кодификацию-реформу в виде проекта Гражданского уложения, и кодификацию-компиляцию в виде Свода законов, ставшую основанием будущих законодательных реформ второй половины XIX — начала XX в.

Сперанский без сомнения был сторонником коренных реформ в России⁷. Однако он отчетливо понимал, что для реформ необходимы время, терпение, настойчивость верховной власти, профессиональные исполнители, образцовые учреждения и готовность общества к изменениям. Ничем из вышеперечисленного ни российская власть, ни общество не обладали.

Сперанский вводит ряд нововведений в отечественное законодательство, не одинаковых по своему значению, но в целом существенно изменивших понятие, технологию и форму кодификации. Так, совершенство гражданских законов он связывает с твердостью государственных установлений. Впервые определен порядок законотворчества, включающий составление, пояснение и дополнение законов, их издание и обнародование, вступление в силу и порядок отмены⁸. Он перестает употреблять местоимение «Его» при упоминании императора. Объяснение тому давалось двоякое: с одной стороны, законы пишутся не на одно царствование, а с другой стороны, император в законе рассматривается как власть, а не как человек⁹.

В его трудах получили проработку такие вопросы как соотношение права и закона; закона, устава и учреждения; единства государственной власти и разграничения властных полномочий; самодержавия и самовластия, а также цель и строение российской конституции, иерархия законов, законодательная инициатива, политические права и свободы населения и др.

Впервые правовые акты приобрели логическую последовательность и стали излагаться на четком деловом языке. Оперативность работ по опубликованию Полного собрания законов и Свода по-

⁷ Корф М. А. Восшествие на престол императора Николая I; Жизнь графа Сперанского / вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. М.: Статут, 2015. С. 244.

⁸ Сперанский М. М. Избранное / Вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. М.: Статут, 2015. С. 307.

⁹ Там же. С. 210.

влекла изменения в типографский шрифт, навсегда изменив написание маленькой буквы «т».

Сперанский своей деятельностью разрушил стереотип, бытовавший в России в начале XIX в., о том, что законотворчество — удел иностранцев. Для проведения кодификационных работ постоянно приглашались европейцы, не знавшие русского языка и не имевшие представления об основах государственного строя России. Опыт Сперанского стал первой отечественной кодификацией, базирующей на разумном применении иностранных идей и опыта. В качестве национальной основы кодификации он использует не только властные предписания, но и такие традиционные понятия как «правда», «нравственность», «совесть», «достоинство», «обычай» и др.

При непосредственном участии М. М. Сперанского впервые в России был апробирован опыт двухуровневой кодификации, который впоследствии будет использован в ходе проведения Второй кодификации советского права. Кодификация велась как на общеимперском, так и на местном уровне. Для Остзейских губерний и Западного края особыми столами II отделения с 1830 г. разрабатывались отдельные Сводные законы с участием местных экспертов, представителей дворянства и городов. Общий план и подробные наставления по проведению этих работ были сделаны Сперанским.

Он впервые реализовал научно-практический подход к использованию исторического метода в отечественном законотворчестве. В 1802 г. он писал, «каким образом будете вы составлять законы, не зная тех, кои уже существуют, вы подвергаетесь на каждом шагу ошибке. ... несколько веков действовавшие и теперь еще действующие, были отвергнуты и презрены единственно потому, что вы не удостоили о них вспомнить»¹⁰. «Уложение ... должно быть составлено так, как будто бы сие постановление уже существовало, ибо, быв частью его, оно должно быть сообразно духу целого»¹¹.

Под духом народа он понимает не умозрительное понятие, а общее мнение или «внутреннее убеждение большей части людей о каком-либо политическом или гражданском предмете происходящее, или от долговременной привычки, или от предрассудка, или от

¹⁰ Сперанский М. М. Проекты и записки / подг. к печ. А. И. Копанев, М. В. Кукушкина; под ред. С. Н. Валка. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. С. 18.

¹¹ Там же. С. 21.

постоянного действия климата, правительства и законов»¹². Общее мнение, пишет он на заре своей карьеры законодателя, «утверждая понятия общественные о пороке и добродетели, составляет одно из главных орудий закона»¹³.

Составление истории законов в рамках законотворческого процесса М. М. Сперанский считал творением необходимым, проливающим «свет на тьму, нас облегающую». Технология применения исторического метода в первой половине XIX в. может быть реконструирована на основании работ, дневников М. М. Сперанского и иных опубликованных и неопубликованных данных о работе кодификационной комиссии¹⁴.

И на первом (1802–1810 гг.) и на втором (1826–1839 гг.) этапе кодификационных работ М. М. Сперанский изучал деятельность своих предшественников. Он положил начало научному изучению деятельности кодификационных комиссий XVIII — начала XIX вв., определив периодизацию их работы, цели, состав, основные результаты, а также основные недостатки в работе законодателей. Многие из этих выводов могут быть экстраполированы в современность.

О предварительной проработке Сперанским истории кодификации свидетельствует осуществленная им классификация Сводов законов, выявленные главнейшие вопросы и затруднения при их составлении и обоснование необходимости для России свода законов как приведенных к единообразию и системе по отраслям законодательства действующих общих и местных законов. Он составил ряд аналитических исторических очерков об отдельных разновидностях законодательства, к примеру об истории законодательства по вотчинным делам, о наследстве¹⁵, об устройстве суда, уголовного права¹⁶.

В связи с тем, что французское уложение по общему признанию считалось лучшим в Европе, Сперанский считал необходимой не

¹² Там же. С. 77.

¹³ Там же. С. 82.

¹⁴ Шатковская Т. В. Техника кодификации М. М. Сперанского: реформа или компиляция? // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 5. С. 19–30.

¹⁵ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Фонд 1251. Опись 1. Ч. 1. Дело 62. Предметы, содержащиеся в Российском Государственном праве о наследовании. 1824. С. 1–125.

¹⁶ РГИА. Фонд 1251. Опись 1. Ч. 1. Дело 197. Две записки, писанные в 1840 г. С. 2–177.

только его публикацию, но и изучение истории его составления¹⁷. Впоследствии М. М. Винавер обвинит М. М. Сперанского в неискренности его деклараций и в том, что на основе исторических данных он обосновывает противоположные подходы к кодификации¹⁸. Однако с этой позицией сложно согласиться. Во-первых, Сперанский четко разграничивал Свод законов и Уложение во всех своих работах. При этом Свод им рассматривался как осуществленное юридико-техническими приемами сохранение прошлого опыта, проверенного временем и практикой. Его понимание Уложения менялось с учетом собственного законотворческого опыта и запроса верховной власти.

Осмысление исторического опыта позволило Сперанскому подходить к делу кодификации с пониманием основных тенденций развития национального законодательства, его особенностей, достоинств, недостатков. Он дал пример практического использования истории права, критически пересмотрев опыт предыдущих кодификаций, подходя к составлению Полного собрания и свода законов с осознанием невозможности дела кодификации с чистого листа или только путем заимствования иностранных образцов.

О значимости для Сперанского истории российского права свидетельствует и тот факт, что он включил ее в юридический курс, который два с половиной года преподавал будущему императору.

Представляется, что применение исторического метода следует рассматривать в качестве одного из средств легитимации права, при сохранении национального и территориального принципа действия права. Как справедливо отмечал А. Тойнби, «простой факт, что “великих держав” было больше, чем одна, свидетельствует о неспособности ни одной из них стать полностью универсальной».

Систематизация российского законодательства в своде законов не только позволила сформировать предмет для его научного изучения, но и существенно продвинуть уровень юридической техники в России. В частности, выделим следующие важные новации, внесенные Сперанским.

Во-первых, обеспечен конкретный порядок смены законов. Так, до принятия свода законов каждый новый устав заканчивался сло-

¹⁷ Винавер М. М. К вопросу об источниках X тома свода законов: (записка Сперанского). С. 14.

¹⁸ Там же. С. 16.

вами о том, что все законы, не согласные с новым уставом, отменяются. Однако в чем это согласие или несогласие выражалось, доискиваться приходилось исполнителям, у которых возникала масса вопросов о действии или отмене прежних постановлений. Поэтому принятие нового закона сопровождалось сомнениями и неизвестностью. Появление Свода законов привело к тому, что в каждом новом уставе и положении указывались статьи Свода, к которым они относятся. Кроме того, определялось шесть порядков такой отсылки (в пояснение, в дополнение, в отмену, в перемену, в ограничение, в замену статьи такой-то)¹⁹. Такой порядок, помимо прочего, обеспечивал связь нового законодательства с прежним, делая его составной частью целого.

Во-вторых, Свод законов, составленный на основе плана и определенных общих начал и положений, привел российское законодательство в систему и порядок. И его дальнейшее продолжение в направлении развития Свода придавало плановость, целостность и единство законопроектной деятельности.

В-третьих, кодификация осуществлялась на центральном и местном уровнях, параллельно с общеимперским законодательством упорядочивалось правовое регулирование национальных районов. Так, Сперанский после утверждения Устава об управлении инородцев от 22 июля 1822 г. продолжил работу по изданию Свода законов для кочевых инородцев. Для этого на местное начальство возлагалась задача собрать от почетных людей полные и подробные сведения о местных законах и обычаях, смягчить в них все дикое и жестокое, отменить несообразное с другими узаконениями и расположив в надлежащий порядок, представить Главному местному управлению на утверждение. Из подлинных сведений определяли особенности каждого племени и основания инородческого права. При этом не допускалось никаких изменений управления до перемены образа жизни и степени образования инородцев. Помимо этого, шла работа по составлению Свода западных губерний и о введении в этих губерниях и в Царстве Польском действия общих законов Империи.

В-четвертых, к работе над отдельными разделами Свода законов привлекали заинтересованных лиц. К примеру, при обсуждении

¹⁹ Сперанский М. М. Бумаги по ревизии Свода Законов [Дело]: 1828–1836. С. 36.

Устава коммерческого судопроизводства к работе комиссии Сперанский привлекал не только чиновников, но и наиболее авторитетных купцов.

Сперанский планировал и дальнейшее совершенствование свода законов. В письмах к императору он предлагал два пути. Первый путь представлял собой то, что сейчас называют «непрерывной кодификацией». В этом случае внесение изменений происходило постепенно по мере решения текущих дел правительством. Второй путь предполагал работу специальной кодификационной комиссии, рассматривающей вопросы начатые, но не оконченные и вместе с тем составляющие существо государственного управления. Этот путь и представлялся Сперанскому самым правильным. В этом направлении пошло движение кодификации и началась подготовка Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, завершившаяся после смерти М. М. Сперанского принятием первого российского уголовного кодекса.

Сперанский сам был блестящим администратором и законодателем и подготовил плеяду выдающихся российских управленцев, считавших себя его учениками. В их числе М. А. Корф, дослужившийся при Николае I до должности члена Государственного совета, а при Александре II — до главноуправляющего Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, неоднократно привлекаемый императорами к составлению высочайших манифестов, проектов реформ, обучению великих князей правоведению.

В числе учеников М. М. Сперанского выделим И. Ф. Журавлева, ставшего сенатором; Г. С. Батенькова, участника Отечественной войны 1812 г., соавтора М. М. Сперанского при составлении Устава по управлению инородцев²⁰; ближайшего сподвижника Сперанского со времен пензенского губернаторства, а затем и сенатора К. Г. Репинского.

Такие правоведы как К. А. Неволин, П. Г. Редкин, П. Д. Калмыков, Я. И. Баршев, А. И. Кранихфельд, А. В. Куницын проходили школу практической работы при участии Сперанского во втором отделении и стали специалистами в области отечественного законоведения. Юридические беседы Сперанского как наставника с Александром II не могли не повлиять на правовое мышление будущего

²⁰ Полное собрание законов Российской империи. Т. 38. № 29. С. 394–416.

императора — инициатора Великих реформ и последовательного продолжателя кодификационных работ.

Завершая осмысление вклада М. М. Сперанского в копилку российской кодификации, можно заключить, что ни одна правовая реформа невозможна без прочной правовой основы в виде систематически обработанных национальных законодательных актов, обычаев, юридических знаний и опыта. Сперанскому удалось реализовать этот первый шаг на пути отечественной кодификации и разработать план последующих преобразований. Его критическое осмысление и сегодня раскрывает новые перспективы правового развития России.

Список литературы:

1. *Винавер М. М.* К вопросу об источниках X тома Свода законов: (записка Сперанского). СПб.: Типография Правительствующего сената, 1897. 18 с.
2. Докладные записки Сперанского [Дело]: 1829–1833 гг. (Фонд Бумаги М. М. Сперанского. Оп. 1, ч. 1) // РГИА. Ф. 1251. Оп. 1, ч. 1. Д. 129. 19 л.
3. *Корф М. А.* Восшествие на престол императора Николая I; Жизнь графа Сперанского / вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. М.: Статут, 2015. 624 с.
4. РГИА. Фонд 1251. Описание 1. Ч. 1. Дело 62. Предметы, содержащиеся в Российском Государственном праве о наследовании. 1824. 126 л.
5. РГИА. Фонд 1251. Описание 1. Ч. 1. Дело 197. Две записки, писанные в 1840 г. 178 л.
6. *Сперанский М. М.* Бумаги по ревизии Свода Законов [Дело]: 1828–1836. // Российский государственный исторический архив. Ф. 1251. Оп. 1, часть 1. Д. 121. 148 л.
7. *Сперанский М. М.* Избранное / вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. М.: Статут, 2015. 368 с.
8. *Сперанский М. М.* Проекты и записки / подг. к печ. А. И. Копанев, М. В. Кукушкина; под ред. С. Н. Валка. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 245 с.
9. *Фатеев А. Н.* М. М. Сперанский (1809–1909): биографический очерк / Ар. Н. Фатеев. Харьков: Типография «Печатное дело», 1910. 80 с.
10. *Шатковская Т. В.* Техника кодификации М. М. Сперанского: реформа или компиляция? // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 5.

Трикоз Елена Николаевна

канд. юрид. наук, доц. кафедры теории права и сравнительного правоведения
Московского государственного института международных отношений МИД России,
доц. Юридического института Российского университета дружбы народов,
Россия, Москва

ПОЗИТИВИСТСКИЕ ИДЕИ ДЖ. БЕНТАМА В ПРОЕКТАХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КОДИФИКАЦИИ ЭПОХИ М. М. СПЕРАНСКОГО*

Историческая цель отраслевой кодификации уголовного права была заложена еще в попытках создания Уголовного уложения 1754 г. и в «Наказе» Екатерины II 1767 г. для сочинения проекта нового Уложения¹. Постепенно на протяжении почти столетия поставленная цель последовательно реализовывалась сначала в виде проекта Уголовного уложения 1813 г., затем в томе XV Свода законов 1833 г. и, наконец, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

Придумавший неологизмы *codification* (кодификация) и *codifier* (кодификатор), английский философ-утилитарист Джереми Бентам (1748–1832), посвятил большую часть жизни разработке позитивистской теории права, законодательной технике и попыткам применить кодификацию на практике². Это было, по его же собственным словам, «величайшим делом всей его жизни» («*the great business of my life*»)³. Для философа-утилитариста, кодекс был прежде всего инструментом утилитарной реформы, комплексно охватывающей все наболевшие сферы — от тюремной системы, судопроизводства

* Исследование выполнено в рамках научного гранта РФФИ № 20-011-00914 «Проект позитивизма сегодня: историческая траектория, проблемное поле и система юридического позитивизма в англо-американской традиции».

¹ Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового уложения 1767 года // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XVIII. № 12867, 12919, 12941, 12949.

² Бентам манифестировал свою идею кодификации уголовного права в двух своих ранних работах: *Bentham J.*: 1) *Principes du code pénal* / Trad. par É. Dumont. Paris, 1789; 2) *Traité des legislation civile et penale*. En 3 vols. Trad. par É. Dumont. Paris, 1802. См. также перевод на русский язык: *Бентам И.* Основные начала уголовного кодекса // *Избранные сочинения Иеремии Бентама*. Том I. СПб., 1867.

³ *Bentham J.* *Traité des sophismes politiques* // *Oeuvres de J. Bentham, jurisconsulte anglaise* / Éd. É. Dumont. Bruxelles, 1829. Vol. I. P. 493.

и системы доказательств до концептуальных отраслей международного, конституционного, гражданского и уголовного права. Для Бентама кодификация, реформа и принцип полезности были три неотделимые друг от друга концепции⁴. В своем подходе он частично унаследовал естественно-правовое толкование кодификации и просветительский подход к кодификационной процедуре⁵. Согласно этим представлениям, кодекс определялся через свои функциональные качества и легистские свойства, а также сугубо формальные особенности, выступая вектором желаемых реформ в сознании «номофилов» эпохи Просвещения⁶.

Напомним биографический факт из жизни Дж. Бентама, который совершая в 1785–1787 гг. свое европейское «турне», ненадолго остановился в Могилёвской губернии, рядом с местом службы своего младшего брата Самюэля Бентама. Здесь по просьбе князя Потемкина он попытался реализовать проект идеальной тюрьмы — «Паноптикон, или Учреждение по надзору» («*Panopticon or the Inspection-House*»)⁷. Бентам также подробно изучил екатерининский «Наказ» вместе с новой главой XXI об основах административно-полицейского управления и познакомился с текстом недавно принятого в России «Устава благочиния, или полицейского» 1782 г. И будучи под впечатлением от прочитанного и увиденного на местах, Бентам доработал свой трактат «Основных начал уголовного кодекса» и создал проект полицейского карательного кодекса, посредством которого, по сути, обосновал выделение новой подотрасли административно-полицейского права⁸.

⁴ Ost F. Codification et Temporalité dans la Pensée de J. Bentham // *Actualité de la pensée juridique de Jeremy Bentham*. Bruxelles, 1987. С. 163–165.

⁵ Трикоз Е. Н., Швец А. А. Кодификация и системность права в проблематике раннего английского позитивизма // *Общество и право*. 2022. № 1 (79). С. 126–132.

⁶ Carbonnier J. La passion des lois au siècle des lumières // *Essais sur les lois*, s.l., 1979. P. 203–223.

⁷ Как отмечает П. Я. Левенсон, «этот «Паноптикон — трактат о рациональном устройстве тюрем на началах одиночного заключения и центрального надзора с устройством необходимых мастерских, школ, больниц с целью исправления и перевоспитания осуждённых». Левенсон П. Я. Беккариа и Бентам. Их жизнь и общественная деятельность // Адам Смит. Беккариа и Бентам. Джон Милль. Прудон. Ротшильды. Биографические повествования. Челябинск, 1998. С. 182.

⁸ См.: Виноградов П. Г. Исторические основы английского административного права. Пг., 1917.

Через год после возвращения из Российской империи Дж. Бентам встретился со своим главным издателем и распространителем трудов Э. Дюмоном, который позднее сыграет важную роль в популяризации идей Бентама в русском обществе. Стройная система позитивистских идей и взглядов Бентама была заложена еще в его раннем сочинении «Опыт о началах нравственности и законодательства» (напечатанный в 1780 г., но вышедший в 1789 г.)⁹. Бентамовское учение о позитивистской модели кодификации было разработано в трех важнейших работах, написанных не позднее 1775 г.: «*Introduction aux principes de morale et de jurisprudence*», «*Traité des legislation civile et penale*» и «*Théorie des peines et des recompenses*»¹⁰. Большой теоретический потенциал содержался в «Основных принципах уголовного кодекса» («*General Principles of Criminal Code*») 1789 г., который, по сути, был авторским проектом Общей части кодекса, и рассматривался как «теоретический мостик» от более общего трактата У. Идена «*Principles of penal law*» 1771 г. — к доктринальной кодификации Дж. Ф. Стифена («*Digest of criminal law*») 1883 г. В своем же сочинении Бентам настаивал на том, что разработанный им проект УК пригоден не только для Англии, т. к. задумывался им как своего рода «оферта» всем цивилизованным государствам¹¹.

Идеи и проекты знаменитого философа-позитивиста быстро распространились в России, особенно начиная с 1805 г., когда по Высочайшему повелению стали публиковаться сочинения Бентама на русском языке¹². Примечательно, что в числе иностранных работ по праву, специально переведенных в начале XIX в. на русский язык, были сочинения великого англичанина не только по уголов-

⁹ Пытин А. Н. Русские отношения Бентама [The Works of Jeremy Bentham, Published under the Superintendence of His Executor, John Bowring]. Т. 1, кн. 2. С. 784–819; кн. 4. С. 730.

¹⁰ Э. Дюмон перевел на французский, отредактировал и дополнил эти три английские рукописи в 1789, 1802 и 1811 гг. соответственно. См.: Чубинский М. П. Курс уголовной политики. Ярославль, 1909. С. 157.

¹¹ См., в частности: Бентам И. Основные начала уголовного кодекса // Избранные сочинения Иеремии Бентама. Том I. СПб., 1867. С. 477.

¹² Бентам И. Всеобщее начертание полной книги законов // Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении с предварительным изложением начал законоположения и всеобщего начертания полной книги законов, и с присовокуплением опыта о влиянии времени и места относительно законов. Сочинения английского юрисконсульта Иеремии Бентама. Том I–III. СПб., 1805.

но-правовой проблематике, но и по законодательной технике в целом, включавшей элементы кодистики (техники и стратегии кодификационных работ). В связи с этим его исследование принципов и структуры общей части уголовного права не осталось без внимания российских теоретиков и систематизаторов уголовного права. В частности, влияние бентамовских идей испытали на себе работы русского юриста Г. Яценкова (в виде его доктринального проекта Общей части УК 1806 г.) и подготовленный немцем Л. Якобом с учетом сочинений А. Фейербаха проект русского Уголовного уложения 1813 г.¹³

Известен также факт переписки Дж. Бентама с самим М. М. Сперанским, которая началась в 1807 г. по поводу детального плана систематизации российских законов. А в период отставки и падения Сперанского, завязались отношения Дж. Бентама напрямую с императором Александром I, который вступил с ним в личную переписку в 1814–1815 гг.¹⁴ В своих письмах Бентам обращался с авторским проектом Уголовного уложения для России, однако император так и не распечатал то самое историческое письмо и не был ознакомлен с представленным проектом. В ответ же он лишь направил Бентаму благодарственное письмо, приложив бриллиантовое кольцо в знак благодарности неутомимому английскому законотворцу.

Вероятно, император впоследствии передал письмо Бентама с проектом уголовной кодификации в Комиссию законов при Министерстве юстиции, которая приступила к работе в 1804 г. Ее главный секретарь в начальный период — барон Густав Андреевич Розенкампф (Gustav Adolf von Rosenkampf, 1764–1832) был лично знаком с издателем работ и другом Бентама, с швейцарским адвокатом Пьером Этьенном Луи Дюмоном. Так, во время зарубежной командировки Розенкампф загорелся идеей разработки проектов гражданского и уголовного уложений для России. Он полагал, что местное общество остро нуждается в догматическом обосновании и концептуальной аргументации процесса кодификации права¹⁵.

¹³ Епифанова Е. В. О влиянии немецкой уголовно-правовой науки на формирование и развитие российской науки уголовного права (историко-правовой аспект) // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. № 1.

¹⁴ Пытин А. Н. Указ. соч. С. 787.

¹⁵ См. об этом его статью: *Розенкампф Г. А.* Некоторые замечания на уголовные и гражданские законы в отношении к России // Вестник Европы. 1803. № 2. С. 141–156.

В итоге по его же инициативе и личному поручению Александра I было переведено на русский язык сочинение Бентама «Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении» (с дополнениями П. Э. Л. Дюмона. СПб., 1805–1810)¹⁶.

Со слов самого Э. Дюмона, «Розенкампф был великий почитатель Бентама». «Он, по моему приезду», — говорит Дюмон, — «поспешил увидеться со мною, и мы много раз с ним беседовали. Он несколько поверхностен, но у него есть сведения и, я полагаю, он мог бы сносно вести редакцию, которую ему поручили, если бы имел мужество несколько жертвовать своим самомнением. Беда в том, что он боится, что его назовут плагиатором, если он будет пользоваться мыслями, которые сам не выдумал»¹⁷.

Но Дж. Бентам весьма нелицеприятно отзывался о бароне Розенкампфе и его работе по кодификации, о чем писал в своем втором письме к императору Александру I: «Государь, я согласился бы скорее посылать ответы к мароккскому императору, чем в Комиссию под таким начальством... Я не оправдал бы хорошего мнения обо мне, если бы поколебался назвать этого человека радикально неспособным»¹⁸.

Известен также факт личной встречи М. М. Сперанского с Э. Дюмоном, который летом 1803 г. так отзывался об их общении по поводу реформы юстиции и систематизации законодательства в России: «Он обращался к немецким юристам и к одному английскому — Макинтошу и не был доволен их ответами: эти корреспонденты не знали страны, и в большей части их писаний не было ничего, кроме старой рутины и римского права. Я указал, что если бы

¹⁶ Как поясняет Н. С. Таганцев, из сочинений, относящихся к уголовному праву, в тот период были также переведены: Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / пер. с фр. Д. Языкова. СПб.: При Губернском Правлении, 1803; Фейербах Ф. Право уголовное. Кн. 1: Философская или всеобщая часть. СПб.: Медицинская тип., Тип. Гос. Коммерц-коллегии, Тип. Имп. Воспит. дома, 1810; Кн. 2: О преступлениях и наказаниях. 1811; Кн. 3: О процессе. 1827; Там же. Исследование о государственной измене. 1812; Шлецер Х. А. Начальные основания права римского, гражданского и уголовного, основанного на естественном праве и политике, сочиненное на французском языке г. профессором Шлецером / пер. В. Вельяминова-Зернова. М.: Университетская тип., 1810. См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право в 2 ч. Часть 1. М.: Юрайт, 2019. С. 27.

¹⁷ Цит. по: Майков П. М. Указ. соч. С. 372.

¹⁸ Пытин А. Н. Указ. соч. С. 787.

он обратился к Бентamu, то он, вероятно бы, согласился заняться гражданским кодексом»¹⁹.

Напомним, что Александр I пригласил барона Розенкампа в Комиссию по составлению законов после того, как в 1803 г. ему на глаза попала статья барона «Некоторые замечания на уголовные и гражданские законы в отношении к России», опубликованная после прочтения им книги прусского юриста Эрнста Фердинанда Клейна²⁰. В этой статье Розенкампф призывал к созданию «общего и единственно возможного уставоположения для всех судей» в Российской империи.

Рассуждая о будущем своде уголовных законов России, барон сетовал на то, что относительно «теории уголовных законов нет у нас ничего полного, кроме некоторых, ни с чем несравненных мест в Наказе (имеется в виду «Наказ» Екатерины II. — *Е. Т.*), где речь идет о сей материи»²¹. Оценивая содержательную (концептуальную) глубину «Наказа», Розенкампф соглашался с мнением, что он не был лишь «сухой рецепцией» идей Ш. Монтескье и Ч. Беккария, как и в целом основ естественно-правовой теории уголовного права²². Это наставление представляло собой творческое «восприятие уголовно-правовой идеологии, уголовной политики..., адаптирующее гуманные принципы и к лексике российских уголовных зако-

¹⁹ Цит. по: Таганцев Н. С. Уголовное право (Общая часть). Часть 1 (По изданию 1902 года). URL: www.allpravo.ru (дата обращения: 20.12.2022).

²⁰ Ernst Ferdinand Klein (1743–1810) был активным участником законопроектной деятельности в сфере уголовного права Пруссии и занимал должность ректора университета в Галле. Скорее всего, барону Розенкампу попалась его книга «Vermischte Abhandlungen über Gegenstände der Gesetzgebung und Rechtsgelehrsamkeit» (Лейпциг, 1779–1780), а также была доступна книга по системе прусского гражданского права «System des preussischen Zivilrechts» (Галле, 1801). См.: Brünker H. Der Kriminalist Ernst Ferdinand Klein (1744–1810): Praktiker und Philosoph des aufgeklärten Absolutismus. Dissertation, Universität Bonn, 1972.

²¹ Розенкампф Г. А. Некоторые замечания на уголовные и гражданские законы в отношении России // Вестник Европы. 1803. Январь, № 2. С. 151.

²² См.: Кистяковский А. Изложение начал уголовного права по Наказу императрицы Екатерины II. Киев, 1864; Зарудный С. О преступлениях и наказаниях в сравнении с Главой десятой Наказа Екатерины II и с современными русскими законами. СПб., 1879; Фельдштейн Г. Уголовно-правовые идеи Наказа Екатерины II и их источники // Юридические записки. 1908.

нов (и к общей правовой лексике тоже), и к традициям отправления правосудия»²³.

При этом Розенкампф пояснил свое видение техники систематизации законов таким образом: *«Когда все нужные материалы собраны будут, тогда несколько искусных правоведцев, приобретших через систематическое учебное воспитание знание в юриспруденции и других с нею сопряженных науках, под руководством и начальством нескольких также просвещенных ученых особ, выведут легко всю сию теорию»*²⁴.

Спустя год после приглашения барона в Комиссию был подготовлен доклад Министерства юстиции 1804 г. с изложением плана по составлению Уголовного уложения, структуру которого разработал лично Розенкампф. Этот документ содержался в четвертой части Книги законов, предлагаемой к изданию в данном Докладе, и подразделялся на два отдела: «Устав уголовный» и «Устав благочиния и всё, до полиции относящееся»²⁵.

Предполагалось, что «Устав уголовный» будет содержать в себе «распорядок всех деяний, которые суть или преступления, или злодеяния; также и наказаний, законами положенных». Во внутренней системе предложенного Уголовного кодекса заметно влияние пандектной модели, т. к. этот устав был разделен на две части. В проекте Общей части под названием «Отделение I» выделялось 13 глав: 1) «О преступлениях и наказаниях вообще»; 2) «Отличительные свойства разных злодеяний и преступлений»; 3) «Нравственное и законное исследование всех степеней преступления»; 4) «Явное намерение, вина, неосторожность»; 5) «Преступление содеянное, несодеянное»; 6) «Преступление повторенное»; 7) «Сообщничество»; 8) «Стечение преступлений»; 9) «Понятие и разделение наказаний»; 10) «Соразмерность наказания с преступлением»; 11) «Соразмерность наказаний с состоянием, чином и другими обстоятельствами»;

²³ Спиридонов А.П. Взаимодействие российского уголовного права с системами права других государств: исторический аспект // Научный вестник Омской академии МВД России. 2009. № 3. С. 41.

²⁴ Розенкампф Г.А. Некоторые замечания на уголовные и гражданские законы в отношении России. С. 155.

²⁵ См. текст в кн.: Труды Комиссии составления законов. 2-е изд. СПб., 1822. Том I. URL: https://books.google.ru/books?id=vRRSAAAaAAJ&pg=PP5&hl=ru&source=gbs_selected_pages&cad=3#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 20.12.2022).

12) «Стечение, перемена и законные следствия наказаний»; 13) «Отменение и облегчение наказаний».

Напомним, что лишь спустя десять лет в России появится труд Осипа Горегляда, в котором будет содержаться теоретическое обоснование выделения в кодексе Общей части, исходя из воззрений «классической школы» уголовного права²⁶. По авторитетному мнению Г. С. Фельдштейна, первым русским криминалистом, «давшим в своих трудах образец научной догмы уголовного права», был Г. И. Солнцев²⁷.

В вышеуказанном проекте к Докладной записке Г. А. Розенкампа 1804 г. заметно догматическое влияние уголовно-правовых идей Дж. Бентама как в отдельных формулировках, так и в самой структуре «Отделения I». Будучи последователем Локка и Беккариа в уголовно-правовых вопросах, Бентам был ярким представителем «классической школы». Уделяя особое внимание сугубо догматическому, абстрактно-доктринальному исследованию уголовно-правовых институтов, он разработал центральные категории и институты Общей части кодекса²⁸.

В период уголовно-правовой кодификации в России последователями Бентама и в целом «классической школы» были профессора И. М. Наумов («Разделение преступлений против права гражданского и против порядка уголовного», 1813), И. Нейман («Начальные основания уголовного права», 1814), О. Горегляд («Опыт начертания Российского уголовного права. О преступлениях и наказаниях вообще», 1815), П. Гуляев («Российское уголовное право», 1826 г.) и др.²⁹ Так, профессор Казанского университета И. Е. Нейман был

²⁶ Горегляд О. Опыт начертания российского уголовного права. Ч. 1. О преступлениях и наказаниях вообще. Соч. Осипа Горегляда. СПб., 1815. См. об этом: Ошеревич Б. С. Очерки по истории русской уголовно-правовой мысли (вторая половина XVIII — первая четверть XIX в.). М., 1946; Солодкин И. И. Очерки по истории русского уголовного права (первая четверть XIX в.). Л., 1961.

²⁷ Солнцев Г. И. Российское уголовное право. Казань, 1820. См.: Фельдштейн Г. С. Главные течения в истории науки уголовного права России. Ярославль, 1909. С. 374.

²⁸ При Александре I появился не только перевод книги Дж. Бентама «Рассуждения о гражданском и уголовном законоположении. 1805–1810», но также в 1803 г. вышло русскоязычное издание Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях» 1764 г., и сочинение А. Фейербаха «Право уголовное» (Кн. 1. Философская или всеобщая часть. 1810; Кн. 2. О преступлениях и наказаниях. 1811).

²⁹ Нейман И. Е. Начальные основания уголовного права / Сочинение Профессора Ивана Неймана. СПб.: В типографии Иос. Иоаннесова, 1814; Таган-

специально приглашен М. М. Сперанским в состав Комиссии с целью разработки проекта Уголовного уложения.

Влияние идей Дж. Бентама проявилось в структуре проекта уложения с его четким подразделением на Общую и Особенную части. Напомним, что во введении к своим «Основным началам уголовного кодекса» Бентам изложил классическую схему построения Общей части по институтам: уголовный закон, преступление и наказание. Он пояснял, что намерен сначала изобразить преступления, классифицировать их и описать обстоятельства, которые их отягчают или облегчают: «это — трактат о болезнях, который должен предшествовать трактату о лекарствах». Затем после рассмотрения системы преступлений, Бентам считал необходимым описать средства для их предотвращения и искоренения — это был предмет его третьей части под названием «О наказаниях»³⁰.

Также и во втором отделении Доклада Розенкампа 1804 г., которое представляло собой Особенную часть уложения, были перечислены составы преступлений. Причем они были разделены на две категории в зависимости от защиты публичного или частного интереса, т. е. на «преступления против благосостояния Государства» и «преступления против благосостояния частного лица». В свою очередь, категория *публичных преступлений* включала три вида правонарушений: 1) преступления первой степени (злодеяние против православной веры, злоумышление против особы императорского величества и против империи, злоумышление против Государства, против высочайшей императорской фамилии); 2) преступления второй степени (против внешней безопасности Государства, против внутренней тишины Государства, явное и насильственное сопротивление властям правительственным и суд творящим); 3) преступления третьей степени (против частных прав государства (regalia), против государственных чиновников, вины чиновников в отпращивании возложенных на них должностей).

Заметим, что разработанный позднее правительственный проект Уголовного уложения 1813 г., подготовленный с учетом проекта

цев Н. С. Русское уголовное право: Лекции. Часть Общая. Т. 1. М., 1994. С. 21–22; Грачева Ю. В., Чучаев А. И. Первый учебник уголовного права (к 200-летию учебника Осипа Горегляда «Опыт начертания российского уголовного права») // Lex Russica. 2015. № 3.

³⁰ Бентам И. Основные начала уголовного кодекса // Избранные сочинения Иеремии Бентама. СПб., 1867. Т. I. С. 473, 493.

из Доклада Розенкампа 1804 г., структурно содержал три аналогичных раздела кодекса: 1) «Основания уголовного права»; 2) «О наказаниях за государственные и общественные преступления»; 3) «О наказаниях за частные преступления».

Этому прямому заимствованию способствовало то, что, несмотря на личную неприязнь М. М. Сперанского к Г. А. Розенкампу, тот в свое время последовательно использовал доктринальные разработки Дж. Бенгтама и прогрессивные идеи «классической школы» в целом. Поэтому после исключения Розенкампа из Комиссии составления законов и возвращения Сперанского к работе над проектом последний считал возможным учесть прежние доктринальные разработки³¹.

Согласно рескрипту 1808 г. на имя министра П. В. Лопухина, все дела Комиссии возлагались исключительно на статского советника М. М. Сперанского³². Как писал позднее барон М. А. Корф, «напитанный наполеоновскими идеями, Сперанский не давал никакой цены отечественному законодательству, называл его варварским и находил совершенно бесполезным и лишним обращаться к его пособию... Проекты уложений от предполагал составлять при содействии иностранных, преимущественно французских законоведцев»³³. В этот период Сперанский действительно был под влиянием великого французского кодификатора, вступив в переписку с указанными ему самим Наполеоном в Эрфурте французским экономистом П.-С. Дюпоном де Немуром, цивилистами-законооведами Локре и Легра и добившись их назначения членами Комиссии законов. По поводу уголовно-правовой систематизации Сперанский вел переписку с одним английским юристом Макинтошем, но не был доволен его советами. Позднее в своем трактате «Введение к познанию законов» Сперанский, совсем разочаровавшись в английской модели систематизации права, указывал на пример Англии как «*страны, законы которой хороши именно для англичан*»³⁴.

³¹ Андреева М. В. О некоторых кодификационных проектах начала XIX века // Вестник Ленинградского университета. 1982. № 11; Андреева М. В. У истоков кодификационных работ М. М. Сперанского // Изв. вузов. Правоведение. 1983. № 1.

³² РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.

³³ Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. I. С. 145 и сл.

³⁴ Александров А. А. Философия реформ в России и Западной Европе: взгляды М. М. Сперанского // Новый исторический вестник. 2001. № 4. С. 3.

Наконец, Сперанский предпринял попытку общения с самым «известным законодателем мира» Бентамом, который согласился заняться созданием кодекса на определенных условиях. В их числе было обязательное опубликование подготовленного им проекта и получение мнения и критики российских правоведов. В письме к Э. Дюмону в 1804 г. Дж. Бентам так отзывался о состоянии законодательства, которое ему было поручено попытаться кодифицировать: «Это именно та страна (Россия. — *E. T.*), которая может быть всего способнее принять хорошее законодательство, именно потому, что в ней меньше приходится рассеивать ложных понятий, меньше приходится бороться против рутины и больше можно встретить послушной восприимчивости к благотворным действиям умного и рассудительного правительства»³⁵.

В 1810 г. по инициативе Сперанского был рекрутирован другой иностранец — прусский юрист и философ Леопольд Генрих фон Якоб (или Людвиг Кондратьевич, *Ludwig Heinrich von Jakob*, 1759–1827), в то время являвшийся уже профессором Харьковского университета³⁶. Он получил пост начальника уголовного отделения Комиссии по составлению законов и занялся составлением «свободного идеального проекта Уголовного уложения»³⁷.

В итоге под руководством Сперанского и Якоба был подготовлен «Проект Уголовного уложения Российской империи» 1810 г., сначала на немецком языке, а год спустя — в русскоязычном переводе. Данный проект включал 585 параграфов и содержал только те уголовные составы, «за кои, как позднее объяснено Сперанским в Государственном Совете в 1824 г., были положены наказания уголовные в противоположность полицейским»³⁸. Проект состоял из трех уже знакомых нам структурных частей: 1) Общая часть, содержащая принципиальные основания уголовного права; 2) Особенная часть, которая, в свою очередь, содержала два блока

³⁵ Сидорчук М. В. О систематизации законодательства в России (1826 — 1832 гг.) // Изв. вузов. Правоведение. 1990. № 6.

³⁶ См.: Якоб Л. К. Основы полицейского законодательства и институты полиции (*Grundsätze der Polizeigesetzgebung*). Харьков, 1809; *Jakob L. H. von. Philosophische Rechtslehre oder Naturrecht*, 1796.

³⁷ Дудырев Ф. Ф. Кодификации уголовного законодательства Российской империи в XVIII — начале XIX в. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. С. 77.

³⁸ Таганцев Н. С. Уголовное право (Общая часть). Часть 1 (По изданию 1902 года).

норм — наказания за государственные и общественные преступления и наказания за частные преступления. Очевидно, что дуальная структура кодекса 1810 г. и сам подход к типологии преступлений весьма точно воспроизводили схему уголовно-правовой модели из докладной Розенкампфа 1804 г. с соответствующим оммажем (отсылкой) к работам Дж. Бентама (в частности, к его труду «*General Principles of Criminal Code*» 1789 г.). К слову, фон Якоб сам признавался впоследствии, что его работа «была облегчена имевшимися в Комиссии рукописями Фейербаха и Глобига (до того никем не читанными), выборками из русских законов по рубрикам, довольно полным собранием законов и указов и составленной по-русски Общей частью Уголовного уложения, про которую он отмечает, что она была “*mit deutschem Fleiss gearbeitet*” [сделка с немецким прилежанием (нем.)]»³⁹.

Последующая в период ссылки Сперанского доработка проекта Уложения снова проходила под руководством барона Розенкампфа, и затем новая его редакция поступила на рассмотрение в Департамент законов Госсовета в 1813–1814 гг.⁴⁰ Проект сохранил при этом прежнюю структурную модель, а именно деление на три книги с Общей и Особенной частями. Так, в первой части описывались общие основания и принципы уголовного права, во второй были закреплены составы государственных и общественных преступлений, а в третьей — частные преступления⁴¹. И хотя профессор Н. С. Таганцев полагал, что именно в этом проекте Уложения 1813 г. «в первый раз в истории нашего законодательства появляется раздел так называемых Общих положений», это утверждение на самом деле было не совсем верно, учитывая прежний опыт проектирования уложения при Розенкампфе⁴².

Со смертью Александра I работы по составлению Уголовного уложения были прекращены, но общая часть проекта 1813 г. внесла

³⁹ *Jakob L. H. von. Entwurf eines Criminalgesetzbuches für das russische Reich mit Anmerkungen über die bestehenden russischen Criminalgesetze, 1818. Цит по: Таганцев Н. С. Уголовное право (Общая часть). Часть 1 (По изданию 1902 года).*

⁴⁰ Исправленный «Проект Уголовного уложения Российской империи» был отпечатан в Сенатской типографии в 1813 г. и помещен в приложении к тому IV, ч. I «Архива Государственного совета».

⁴¹ *Безверхов А. Г., Коростелёв В. С. Проект Уголовного уложения Российской империи 1813 года. Самара, 2013. С. 57–181.*

⁴² *Таганцев Н. С. Уголовное право (Общая часть). Часть 1 (По изданию 1902 года).*

свой существенный теоретический вклад в последующую систематизацию уголовного законодательства⁴³. Напомним, что после возвращения из ссылки Сперанского в 1824–1825 гг. еще вносились поправки к данному проекту, который был на рассмотрении в Общем собрании Государственного совета; все они позднее будут учтены при включении в уголовно-правовой том XV Свода законов Российской империи 1832 года.

В завершении заметим, что в своем «Обзрении исторических сведений о Своде законов» Сперанский делает уже окончательный вывод о юридической природе уголовного уложения, исходя из позитивистской трактовки кодификации. Он определяет уложение («*code*») как систематическое изложение законов по их предметам регулирования таким образом, «чтобы 1) законы общие предшествовали частным, и предыдущие всегда приуготовляли бы точный смысл и разумение последующих; 2) чтоб все законы по своду недостающие, дополнены были в уложении и обнимали бы сколь можно более случаев, не исходя однако же к весьма редким и чрезвычайным подробностям»⁴⁴.

Таким образом, кодификационные усилия первой трети XIX в. по созданию проектов Уголовного уложения Российской империи не пропали даром, постепенно совершенствуясь путем развития законопроектной модели (от проекта Розенкампфа 1804 г. к проекту Якоба — Сперанского 1813 г.), что создавало некий эталон систематизации уголовного права на последующее столетие⁴⁵. Разработанный под догматическим влиянием юспозитивизма и классической школы проект стал первым в истории отечественного уголовного законодательства, в котором были выделены в качестве обособленного компонента нормативные положения Общей части и типологизированы составы преступлений по признаку охраняемого интереса⁴⁶.

⁴³ Иванов В. С. Проект уголовного уложения 1813 года // Наука и современность. 2011. № 10–2.

⁴⁴ Сперанский М. М. Обзрение исторических сведений о Своде законов. 2-е изд. СПб, 1837. С. 100.

⁴⁵ Безверхов А. Г., Коростелёв В. С. Проект Уголовного уложения Российской империи 1813 года. С. 13.

⁴⁶ Архитов И. В. Завершающий этап становления отрасли уголовного права (К 150-летию Уложения о наказаниях уголовных и исправительных) // Изв. вузов. Правоведение. 1995. № 4–5.

Список литературы:

1. *Bentham J.* Principes du code pénal / Trad. par É. Dumont. Paris, 1789.
2. *Bentham J.* Traité des legislation civile et penale. En 3 tomes / Trad. par É. Dumont. Paris, 1802.
3. *Bentham J.* Traité des sophismes politiques. T.1 // Oeuvres de J. Bentham, jurisconsulte anglaise / Éd. É. Dumont. Bruxelles, 1829.
4. *Brünker H.* Der Kriminalist Ernst Ferdinand Klein (1744–1810): Praktiker und Philosoph des aufgeklärten Absolutismus. Dissertation, Universität Bonn, 1972.
5. *Carbonnier J.* La passion des lois au siècle des lumières // Essais sur les lois, s. l., 1979.
6. *Jakob L. H. von.* Entwurf eines Criminalgesetzbuches für das russische Reich mit Anmerkungen über die bestehenden russischen Criminalgesetze, 1818.
7. *Ost F.* Codification et Temporalité dans la Pensée de J. Bentham // Actualité de la pensée juridique de Jeremy Bentham. Bruxelles, 1987.
8. *Александров А. А.* Философия реформ в России и Западной Европе: взгляды М. М. Сперанского // Новый исторический вестник. 2001. № 4.
9. *Андреева М. В.* О некоторых кодификационных проектах начала XIX века // Вестник Ленинградского университета. 1982. № 11.
10. *Андреева М. В.* У истоков кодификационных работ М. М. Сперанского // Изв. вузов. Правоведение. 1983. № 1.
11. *Безверхов А. Г., Коростелёв В. С.* Проект Уголовного уложения Российской империи 1813 года. Самара, 2013.
12. *Бентам И.* Всеобщее начертание полной книги законов // Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении с предварительным изложением начал законоположения и всеобщего начертания полной книги законов, и с присовокуплением опыта о влиянии времени и места относительно законов. Сочинения английского юрисконсульта Иеремии Бентама. Том I–III. СПб., 1805.
13. *Бентам И.* Основные начала уголовного кодекса // Избранные сочинения Иеремии Бентама. Том I. СПб., 1867.
14. *Виноградов П. Г.* Исторические основы английского административно-го права. Пг., 1917.
15. *Горегляд О.* Опыт начертания российского уголовного права. Ч. 1. О преступлениях и наказаниях вообще. СПб., 1815.
16. *Грачева Ю. В., Чуцаев А. И.* Первый учебник уголовного права (к 200- летию учебника Осипа Горегляда «Опыт начертания российского уголовного права») // Lex Russica. 2015. № 3.
17. *Дудырев Ф. Ф.* Кодификации уголовного законодательства Российской империи в XVIII — начале XIX в. Екатеринбург, 2011.

18. *Епифанова Е. В.* О влиянии немецкой уголовно-правовой науки на формирование и развитие российской науки уголовного права (историко-правовой аспект) // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. № 1.
19. *Зарудный С.* О преступлениях и наказаниях в сравнении с Главой десятой Наказа Екатерины II и с современными русскими законами. СПб., 1879.
20. *Иванов В. С.* Проект уголовного уложения 1813 года // Наука и современность. 2011. № 10-2.
21. *Кистяковский А.* Изложение начал уголовного права по Наказу императрицы Екатерины II. Киев, 1864.
22. *Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861.
23. *Левенсон П. Я.* Беккариа и Бентам. Их жизнь и общественная деятельность // Адам Смит. Беккариа и Бентам. Джон Милль. Прудон. Ротшильды. Биографические повествования. Челябинск, 1998.
24. *Нейман И. Е.* Начальные основания уголовного права / Сочинение проф. Ивана Неймана. СПб., 1814.
25. *Ошерович Б. С.* Очерки по истории русской уголовно-правовой мысли (вторая половина XVIII — первая четверть XIX в.). М., 1946.
26. *Пытин А. Н.* Русские отношения Бентама [The Works of Jeremy Bentham, Published under the Superintendence of His Executor, John Bowring]. Т. 1, кн. 2.
27. *Розенкамф Г. А.* Некоторые замечания на уголовные и гражданские законы в отношении к России // Вестник Европы. 1803. № 2.
28. *Сидорчук М. В.* О систематизации законодательства в России (1826 — 1832 гг.) // Изв. вузов. Правоведение. 1990. № 6.
29. *Солнцев Г. И.* Российское уголовное право. Казань, 1820.
30. *Солодкин И. И.* Очерки по истории русского уголовного права (первая четверть XIX в.). Л., 1961.
31. *Сперанский М. М.* Обзорение исторических сведений о Своде законов. 2-е изд. СПб, 1837.
32. *Спиридонов А. П.* Взаимодействие российского уголовного права с системами права других государств: исторический аспект // Научный вестник Омской академии МВД России. 2009. № 3.
33. *Таганцев Н. С.* Уголовное право (Общая часть). Часть 1 (по изданию 1902 г.). URL: www.allpravo.ru (дата обращения: 20.12.2022 ???).
34. *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право в 2 ч. Часть 1. М.: Юрайт, 2019.
35. *Триkoz Е. Н., Швец А. А.* Кодификация и системность права в проблематике раннего английского позитивизма // Общество и право. 2022. № 1 (79).

36. *Фельдштейн Г.* Уголовно-правовые идеи Наказа Екатерины II и их источники // Юридические записки. 1908.
37. *Фельдштейн Г. С.* Главные течения в истории науки уголовного права России. Ярославль, 1909.
38. *Чубинский М. П.* Курс уголовной политики. Ярославль: Тип. Губ. правл., 1909.

Жданов Павел Сергеевич

канд. юрид. наук, доц. кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Россия, Нижний Новгород

ИДЕЙНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РЕФОРМАТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. М. СПЕРАНСКОГО

Аннотация: Деятельность М. М. Сперанского рассматривается через призму его политико-правового мышления. Прослеживаются идейные влияния, определившие арсенал основных политических понятий М. М. Сперанского и его критика — Н. М. Карамзина. Воззрения этих двух мыслителей соотносятся с политическим языком представителей философии Просвещения, консервативной мысли и исторической школы права рубежа XVIII–XIX вв. Характеризуются религиозно-философские взгляды Сперанского. Делается вывод о том, что характер реформаторской деятельности Сперанского и его работы над Сводом законов Российской империи не только отразил его теоретические взгляды, но и во многом был обусловлен его религиозно-философской этикой.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, систематизация законодательства, проекты реформ, Просвещение, консерватизм, историческая школа права, Н. М. Карамзин, религиозная философия.

Систематизация российского законодательства, осуществленная в 20–30-е годы XIX века под руководством М. М. Сперанского, зачастую противопоставляется его — в основном нереализованным — реформаторским проектам первого десятилетия как по-настоящему большой вклад государственного деятеля в развитие России. Однако нельзя не учитывать то, что создание прочного правового фундамента для развития российского общества с самого начала составляло принципиальный пункт реформаторской программы Сперанского. Этот фундамент должен был включать, как акты конституционного характера (см. проект 1809 года, изложенный во «Введении к уложению государственных законов»), так и отраслевое законодательство — прежде всего, Гражданское уложение (см. «Отрывок о Комиссии Уложения» 1802 года). И хотя многие проекты законодательных актов, разработанные Сперанским, так и остались на бумаге, а его взгляды на отдельные политические и юридические вопросы ко времени начала работы над Сводом законов поменялись, насущная необходимость упорядоченной и четко функционирующей системы права всегда была очевидна для реформатора и непосредственно отражала его принципиальные воззрения на задачи и ход развития государства и общества. Мы предлагаем взглянуть на деятельность Сперанского в качестве руководителя работ по составлению Свода

законов, а также на его реформаторскую деятельность, через призму его политико-правового мышления и в контексте идейной среды, в которой это мышление формировалось и развивалось.

Для придания данному обзору более широкой перспективы политико-правовые взгляды Сперанского будут рассмотрены в сопоставлении их со взглядами его знаменитого критика — Н. М. Карамзина. Заочный (и, по большому счету, воображаемый, учитывая отсутствие непосредственного обмена мнениями) «спор» этих мыслителей порою представляется как формирование двух политических парадигм в истории отечественной политической мысли — реформаторской (либеральной, конституционной) и консервативной. Однако, на наш взгляд, не стоит преувеличивать разрыв в их политическом мышлении. Для лучшего понимания позиций оппонентов целесообразно абстрагироваться от конкретных доводов, посредством которых они выступали соответственно за и против реформ, и обратиться к интеллектуальным истокам их политико-правовых воззрений. Мы увидим, что определяющее значение и для Сперанского, и для Карамзина, имела философия Просвещения, которая после Французской революции к началу XIX века во многом утратила свои позиции. В работах интересующих нас авторов можно проследить попытки преодоления и переосмысления идеалов ушедшего XVIII столетия.

Главным политическим мыслителем Просвещения, к идеям которого обращаются оба автора, несомненно, был Монтескье. В частности, его концепция разделения властей составила основу для проекта преобразования государственного аппарата, составленного Сперанским. Не меньшее значение имели мысли французского философа, касающиеся духа законов и факторов, которыми определяется этот дух в конкретном государстве. Этот подход, предвосхищавший историзм правовых концепций XIX века, в определенной степени выходил за рамки просвещенческого рационализма, ибо ставил под сомнение возможность одного сценария развития для всех народов. Тем не менее его отголоски мы видим в высказываниях Сперанского о том, что любые нововведения в государстве должны быть основаны на знании характера народа и специфики исторического момента¹. Так же, как и Монтескье, Сперанский пишет

¹ Сперанский М. М. О постепенности усовершенствования общественного // Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб.: Наука, 2002. С. 261.

о важности соответствия законов государства конкретной форме правления. Перечисляя силы, влияющие на общественное мнение, он, подобно Монтескье, упоминает не только привычку и человеческие предрассудки, но и климат, характер правительства и законов². Примечательно, что Сперанский отождествляет общественное мнение с народным духом и, в отличие от французского ученого и более поздних представителей исторической школы права, считает, что народный дух не просто может меняться в соответствии с обстоятельствами, но также подвержен влиянию просвещения и целенаправленному воздействию со стороны правительства³. Так или иначе, Сперанский считает, что даже наилучшие законы не смогут действовать, если не соответствуют народному духу (т. е. в данном случае — общему мнению).

Наиболее существенным является влияние взглядов Монтескье на концепцию монархии, которую Сперанский развивает в ряде своих проектов. По мнению французского мыслителя, монархия отличается от деспотического правления своим подчинением закону, залогом которого является наличие сильного дворянства, играющего роль своеобразного противовеса монарху⁴. В записке «О коренных законах государства» Сперанский развивает мысль о внешнем и внутреннем образах правления, утверждая, что истинная конституция государства состоит не в «гласных и открытых постановлениях», а в равновесии общественных сил. При этом он, как и Монтескье, упоминает Англию, где именно такое равновесие обеспечивает возможность реализации разделения властей. По мнению Сперанского, придать правовой характер монархическому правлению может наличие класса людей, «особенно предустановленных к охране закона»⁵. Подразумевается, что таким «классом» должно быть дворянство. Сложность положения России заключается в том, что дворянство здесь зависимо от императора почти также, как крестьяне от помещиков. Поэтому Сперанский предлагает ряд мер, направленных на формирование независимой дворянской аристократии,

² Сперанский М. М. О силе общего мнения // Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб.: Наука, 2002. С. 263.

³ Там же. С. 266.

⁴ Монтескье Ш. Л. О духе законов. М.: РИПОЛ классик, 2018. С. 22.

⁵ Сперанский М. М. Размышления о государственном устройстве Империи // Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб.: Наука, 2002. С. 258.

которая, согласно модели Монтескье, и должна была стать противовесом монархической власти и хранительницей законов.

Весьма показательно, что и Карамзин в своей «Записке о древней и новой России» ссылается на Монтескье, когда говорит о дворянстве как о главной опоре самодержавия⁶. В своем суждении о роли дворянства он идет дальше несколько механистичной схемы французского ученого и в согласии с духом времени выстраивает свою аргументацию вокруг осмысления конкретных исторических условий, в которых развивались специфические отношения дворян и монарха в России.

Другое ключевое для эпохи Просвещения имя — Ж.-Ж. Руссо — также весьма значимо для понимания характера идейных влияний в российском политическом дискурсе рубежа XVIII–XIX вв. Можно упомянуть о высказываниях в духе теории общественного договора (которая, впрочем, может рассматриваться как «общее место» большинства политических концепций раннего Нового времени) в записках и проектах Сперанского начала века. Однако не менее важным является усвоение Сперанским идеи Руссо о возрастах народов, которую тот высказывает в главе «О Народе» трактата «Об общественном договоре»⁷. В частности, Руссо указывает на преждевременность петровских реформ в России, к которым народ по уровню своего развития не был готов. Во «Введении к уложению государственных законов» Сперанский говорит о необходимости соответствия образа правления «степени гражданского образования». Тезис о том, что российский народ (по «состоянию общественного духа») достиг совершеннолетия и готов воспринять более совершенную форму правления для него служит доводом в пользу своевременности и даже неотложности политических реформ⁸. Позднее в «Философских размышлениях о праве и государстве» концепция возрастов обществ была развита им в абстрактном теоретическом ключе: здесь Сперанский утверждает, что целью законов государства является «сохранение общества в порядке его возрастов»⁹.

⁶ Карамзин Н. М. О древней и новой России. М.: Жизнь и мысль. С. 431.

⁷ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 182.

⁸ Сперанский М. М. Введение к Уложению государственных законов (план всеобщего государственного образования) // Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб.: Наука, 2002. С. 349.

⁹ Сперанский М. М. Философские размышления о праве и государстве // Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб.: Наука, 2002. С. 193.

У Карамзина влияние Руссо прослеживается не столько на уровне конкретных идей, сколько на уровне общего духа творчества французского мыслителя с его культом естественности, искренних чувств, с его неприятием отвлеченного рационализма. Соответственно, это влияние ярче проявило себя в литературных произведениях Карамзина. С другой стороны, как указывает В. В. Зеньковский, юношеское увлечение республиканскими идеями и пафос духовной свободы никогда не были до конца изжиты автором «Истории государства российского», трансформировавшись в своеобразный «эстетический республиканизм»¹⁰.

В рассматриваемый период (рубеж XVIII–XIX вв.) большое влияние приобретает консервативная мысль. В России наиболее ярким представителем консерватизма в то время, безусловно, был Карамзин. Его высказывания о вреде новшеств в государственной организации и законодательстве перекликаются со многими мыслями видного английского консерватора Эдмунда Берка. Примечательны также параллели, которые прослеживаются в суждениях Карамзина об опасности освобождения крестьян, о значении религии для поддержания общественного порядка, о вреде введения экзаменов для продвижения по службе с мнениями Ж. де Местра по этим же вопросам, которые тот высказал в «Четырех неизданных главах о России»¹¹.

Что касается Сперанского, то влияние консервативной мысли заметно лишь в его поздних произведениях. Прежде всего, это выражается в решительном отказе от концепции общественного договора в качестве основания государства. В «Руководстве к познанию законов» он отстаивает мысль о постепенном развитии форм общежития от семьи к государству¹². Называя целью общежития утверждение между людьми нравственного порядка¹³, Сперанский, подобно Гегелю, не мог образование государства рассматривать в связи со случайностью проявлений человеческой воли и личной пользы. В виду этой же цели он выдвигает на первый план воспита-

¹⁰ Зеньковский В. В. История русской философии. Т. I. Ч. 1. Л.: ЭГО, 1991. С. 139.

¹¹ См.: Местр Ж. де. Четыре неизданные главы о России. Письма русскому дворянину об испанской инквизиции. СПб.: «Владимир Даль», 2007. С. 34, 35, 57.

¹² Сперанский М. М. Руководство к познанию законов // Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб.: Наука, 2002. С. 54.

¹³ Там же. С. 52

тельную роль государства и указывает на его подчиненную роль по отношению к религии. Он сетует на то, что болезнью века является требовать от общезнания более, чем оно может дать, когда в благоустроенном обществе видят «последнюю цель бытия» и ждут, что оно сделает всех счастливыми¹⁴. В данном высказывании звучит критика идеалов Просвещения, связанных с социальным прогрессом.

В связи с проблемой систематизации законодательства интересно проследить соотношение соответствующих воззрений Сперанского и Карамзина с идеями исторической школы права. Следует отметить, что представители последней, так же как и интересующие нас российские авторы, во многом следовали Монтескье, который говорил о непосредственной связи законов и культурной среды, обуславливающей неповторимый характер правовых систем разных народов. В «Записке о древней и новой России» Карамзин предвосхищает ряд тезисов Ф. К. фон Савиньи, которые тот сформулирует в вышедшей в 1814 году работе «О призвании нашей эпохи в законодательстве и юриспруденции»¹⁵. В частности, русский мыслитель говорит о несостоятельности попыток прямого заимствования иностранного законодательства (причем речь идет, как и у Савиньи, о Кодексе Наполеона). По мнению Карамзина, русское право, как и право любого другого цивилизованного народа, имеет свои собственные начала, которые должны быть выявлены и сформулированы в качестве основы для законодательства¹⁶. Утверждая, что для «старого народа не надобно новых законов», он указывает на приоритетную задачу по составлению полного свода законов уже имеющихся¹⁷. Так же, как и Савиньи (применительно к праву германских провинций и городов), Карамзин считает допустимым сохранение исторически сложившегося партикуляризма правовых систем отдельных народов в составе Российской империи. Правда, в отличие от немецкого правоведа, он рассматривает его, скорее, как меньшее по сравнению с необдуманной насильственной унификацией права зло и допускает при условии, что введение единства законов на всей территории страны не будет чревато излишними трудностями

¹⁴ Сперанский М. М. Философские размышления о праве и государстве // Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб.: Наука, 2002. С. 193.

¹⁵ См.: Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права. Т. I. М.: Статут, 2011. С. 128–208.

¹⁶ Карамзин Н. М. О древней и новой России. С. 425.

¹⁷ Там же. С. 424.

ми¹⁸. При этом исходная мысль у Карамзина, как и у Савиной, состоит в том, что только законы, применение которых освящено временем, обладают подлинным авторитетом и наилучшим образом выполняют свою нравственную функцию.

Интересно, что Сперанский, деятельность которого по составлению проекта Гражданского уложения стала объектом критики Карамзина, еще в 1802 году писал, что состав Уложения должен быть сложен «сколько возможно из самых тех законов, кои донныне существовали и кои в уме народном уже утвердились», и далее, что «законы новые в тех только случаях вводить должно, где старые очевидно будут противными принятому государственному постановлению»¹⁹. Очевидно также, что, приступая к работе над составлением Свода законов Российской империи, Сперанский фактически выполнял программу, намеченную Карамзиным в его Записке 1811 года. Причем принцип организации систематизаторской работы был сформулирован в Записке с почти провидческой точностью: «Сей труд ... такого свойства, что его нельзя поручить многим. Один человек должен быть главным, истинным творцом Уложения Российского... Здесь единство мысли необходимо для совершенства частей и целого, единство воли необходимо для успеха»²⁰.

Таким образом, не пытаясь игнорировать различие политических программ двух крупнейших российских мыслителей начала XIX века, можно констатировать общность влияний, определивших их мировоззрение и арсенал базовых политических понятий. В их произведениях четко прослеживается трансформация языка философии Просвещения под влиянием консервативных идей и зарождающегося историзма. И если настойчивое проведение Сперанским идеи о необходимости реформирования российского права путем придания ему более упорядоченной и рациональной формы было связано с духом Просвещения, то стремление соотносить эту деятельность со спецификой российского общества, характером времени и духом народа отражает влияние консервативной мысли и историзма.

При этом Сперанский, безусловно, принадлежит к традиции европейской рационалистической мысли, сформировавшейся в пе-

¹⁸ Там же. С. 426.

¹⁹ *Сперанский М. М.* Отрывок о Комиссии Уложения // Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб.: Наука, 2002. С. 219.

²⁰ *Карамзин Н. М.* О древней и новой России. С. 425.

риод раннего модерна и основанной на вере в преобразующую силу разума. В рамках этой традиции — от ренессансного гуманизма до идей прогресса эпохи Просвещения — развивались представления о том, что человеческая воля, направляемая знанием, способна изменять жизнь общества. В одном из ключевых произведений Сперанского мы читаем: «мудрость правительства не в том состоит, чтоб ожидать и покоряться происшествиям, но в том, чтоб владеть самую возможностью их и силою разума исторгать у случая все, что быстрое ему устремление может иметь вредного»²¹. С определенными коррективами можно считать эту фразу политическим принципом реформатора на протяжении всей его жизни. Стоит ли говорить, что такой взгляд — при всех возможных точках соприкосновения по тем или иным вопросам — предопределил сохранение дистанции между Сперанским и консервативной мыслью, представленной, в частности, Карамзиным?

Кроме того, характеризуя мировоззренческие основания теоретических воззрений и государственной деятельности Сперанского, важно учитывать наличие у него также достаточно разработанной религиозно-философской доктрины, которая — особенно в поздний период²² — определяла смысл и направленность его работы на благо государства и общества. Мы не будем детально анализировать собственно философскую доктрину Сперанского, а равно и его религиозные искания, которые в целом отражают мистические настроения в российском обществе начала XIX века²³, но попытаемся проследить, как они проявили себя в области его этико-правовых воззрений.

Прежде всего, в поздних произведениях Сперанского обращает на себя внимание усиление нравственных аспектов правовой теории. Его определение всех действующих в обществе законов как нравственных, производных от начала всеобщей правды, отсылает к Канту²⁴. Однако, в отличие от немецкого философа, четко разделявшего законы природы и моральные законы, которые есть

²¹ Сперанский М. М. О коренных законах государства // Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб.: Наука, 2002. С. 244.

²² Впрочем, не только в поздний, если судить, например, по его письму калужскому архиепископу Феофилакту от 17 октября 1804 г. (см.: Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. С. 568–571).

²³ См.: Флоровский Г. Пути русского богословия. Минск, 2006. С. 139.

²⁴ См.: Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. С. 51.

законы свободы²⁵, Сперанский несколько размывает это противопоставление, так как выделяет три вида законов, устанавливающих и охраняющих «порядок или физический, или умственный, или нравственный»²⁶. Все эти законы соответствуют трем родам сил, действующих во вселенной, которые имеют общее начало в Боге²⁷. Таким образом, акцентируется единство мироздания и упорядоченность его действием законов. Человек как существо, живущее троякою жизнью — физической, умственной и нравственной, — подчинен всем трем видам законов, но, только следуя нравственному закону, индивид преодолевает свою изолированность и становится частью трех союзов — с самим собой, с другими людьми и с Богом²⁸.

Сперанский различает естественные законы (основанные на всеобщем начале правды) и общежительные законы. Подобно Монтескье, он пишет, что общежительные законы должны раскрыть всеобщее нравственное начало применительно к конкретным условиям²⁹. Но каковы бы ни были эти условия, общежитие для Сперанского всегда имеет нравственные цели — оно предвещает вечность, в нем человечество готовится к подлинному нравственному единству³⁰. Он отвергает индивидуалистическую трактовку справедливости и естественного закона. Начало правды требует охранения и укрепления союза каждого индивида с Богом, с самим собой и с другими людьми. Внешним образом в этом проявляется влияние концепции Пуфендорфа о стремлении к общежитию как главном принципе естественного закона и его же представлений об обязанностях, которые индивид имеет по отношению к себе, к Богу и к другим людям³¹. Однако Сперанский усиливает религиозную составляющую этой концепции, а именно — почти мистическое переживание единства бытия человека во времени и в вечности, единства человечества как союза людей в Боге и, наконец, единства с верховной волей Бога. В этом он во многом предвосхищает как учение славянофилов о соборности, так и философию всеединства В. С. Соловьева.

²⁵ Кант И. Метафизика нравов. Ч. 1. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 5. М.: Канон+, 2014. С. 43.

²⁶ Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. С. 50.

²⁷ Там же. С. 45.

²⁸ Там же. С. 46.

²⁹ Там же. С. 51.

³⁰ Там же. С. 52.

³¹ См.: Чичерин Б. Н. История политических учений. Т. 1. СПб.: Изд-во РХГА, 2006. С. 522–523.

В свете сказанного и реформаторская деятельность Сперанского, когда он пытался создать основу для конституционной монархии в России, и его работы по систематизации законов предстают как практическая реализация его философских воззрений. И если на уровне основных понятий политические произведения Сперанского, как и произведения его оппонента — Н. М. Карамзина, — вписываются в палитру просвещенческих и контрпросвещенческих дискурсов рубежа веков, то на более глубоком уровне его политическая программа приобретает смысл подлинной жизненной философии, религиозной по своей сути. Недаром В. В. Зеньковский называет Сперанского с его идеей «христианизации общественной жизни» одним из первых представителей так называемого «социального христианства»³². Особенностью мировоззрения и характера этого государственного деятеля было рассмотрение практической деятельности как нравственного служения, а государственных законов — как способа осуществления в общественной жизни (в доступной для нее мере) всеобщего начала правды.

Список литературы:

1. *Зеньковский В. В.* История русской философии. Т. I. Ч. 1. Л.: ЭГО, 1991. 222 с.
2. *Кант И.* Метафизика нравов. Ч. 1. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 5. М.: Канон+, 2014. 1120 с.
3. *Карамзин Н. М.* О древней и новой России. М.: Жизнь и мысль. 480 с.
4. *Местр Ж. де.* Четыре неизданные главы о России. Письма русскому дворянину об испанской инквизиции. СПб.: Владимир Даль, 2007. 300 с.
5. *Монтескье Ш. Л.* О духе законов. М.: РИПОЛ классик, 2018. 690 с.
6. *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М.: Наука, 1969. 703 с.
7. *Савиньи Ф. К. фон.* Система современного римского права. Т. I. М.: Статут, 2011. 510 с.
8. *Сперанский М. М.* Руководство к познанию законов. СПб.: Наука, 2002. 680 с.
9. *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Минск, 2006. 608 с.
10. *Чичерин Б. Н.* История политических учений. Т. 1. СПб.: Изд-во РХГА, 2006. 720 с.

³² *Зеньковский В. В.* История русской философии. С. 126.

М. М. СПЕРАНСКИЙ И ПОПЫТКА ЗАВЕРШЕНИЯ ПРАВОВОГО ОФОРМЛЕНИЯ МИНИСТЕРСКОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В 1811 Г.

Аннотация: В течении начального периода министерской реформы с 1802 по 1810 г. в значительной степени отсутствовали правовые акты, регламентировавшие деятельность министров. Михаил Михайлович Сперанский начал упорядочение в этом вопросе с разработки единого и общего учредительного документа — «Общее учреждение министерств» от 25 июня 1811 года, которое заложило единые правовые основы министерской системы управления. Следующим шагом, по мысли М. М. Сперанского, должны были стать учредительные документы каждого центрального государственного учреждения, разработанные в достаточно быстрый срок и по образцу «Общего учреждения министерств» от 25 июня 1811 г. Однако из подготовленных при участии М. М. Сперанского проектов утверждены только «Учреждения» Министерства полиции и Министерства финансов. Остальные проекты остались нереализованными из-за отставки М. М. Сперанского, последовавшей 17 марта 1812 г., и начавшейся вскоре Отечественной войны 1812 года. Как следствие, был упущен шанс завершения правового оформления министерской системы управления уже в 1811 года.

Ключевые слова: государственная система Российской империи, министерская реформа, систематизация, правовое оформление.

Как известно, в течение начального периода министерской реформы с 1802 по 1810 г., министры действуют в своеобразном правовом вакууме, так как кроме Манифеста и Указа 8 сентября 1802 года, не было иных правовых актов, регламентировавших их деятельность. Подробные инструкции каждому министру, обещанные статьей X Манифеста 8 сентября 1802 года, так и не были разработаны¹.

При этом 18 учреждений коллежской системы управления вообще не были охвачены Манифестом «Об учреждении министерств». Несмотря на то, что после 8 сентября 1802 года эти учреждения занимали уже, так сказать, второстепенное, после министерств и Государственного казначейства, положение, но они продолжали свою деятельность в практически неизменном виде, оставаясь своеобразными действующими звеньями коллежской системы управления. Это Юстиц-коллегия Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел, Департамент водяных коммуникаций, Герольдия, Комиссия для составления законов, Экспедиция о устройении дорог в государстве, Канцелярия рекетмейстерских дел, Экспедиция государственных

¹ ПСЗ-1. Т. 27. № 20406. Ст. X. С. 247.

конских заводов, Военно-походная Его Императорского Величества канцелярия и учреждения придворного управления — Департамент уделов, Кабинет Его Императорского Величества, Капитул российских кавалерских орденов, Придворная контора, Гоф-индентандская контора, Придворная конюшенная контора, Егермейстерская контора, Экспедиция кремлевского строения, Мастерская и Оружейная палата. Сюда же можно отнести Главное почтовое правление (Почтовый департамент), в отношении которого хотя и имелось прямое указание Манифеста «Об учреждении министерств» о присоединении его к Министерству внутренних дел², но Почтовый департамент продолжал самостоятельную деятельность под руководством главного директора почт Д. П. Трощинского вплоть до 9 июня 1806 года, когда Трощинский был уволен, а Почтовый департамент был присоединен к Министерству внутренних дел³.

В своем практическом применении начало министерской реформы затронуло учреждения коллежской системы управления в минимальной форме, в виде переподчинения большей части из них власти определенного министра, с оставлением их организационного устройства и порядка делопроизводства в практически неизменном виде.

Все это не могло не укрыться от педантичного взгляда государственного деятеля той эпохи и лица, приближенного к императору Александру I, — Михаила Михайловича Сперанского.

В 1809 году товарищ министра юстиции и председатель Комиссии составления законов М. М. Сперанский очень точно уловил насущную потребность системы государственного управления Российской империи, а именно необходимость разработки и введения в действие специального учредительного документа каждого центрального государственного учреждения.

Но начал он упорядочение в этом вопросе с разработки единого и общего учредительного документа.

«Общее учреждение министерств» от 25 июня 1811 года стало главным и определяющим законодательным актом министерской реформы.

Структурно оно состояло из двух частей:

1. «Образование министерств»;
2. «Общий наказ министерствам».

² ПСЗ-1. Т. 27. № 20406. Ст. IV. С. 245.

³ РГИА. Ф. 1289. Оп. 1. Д. 136. Л. 1об.

Вместе они составляли 401 параграф и одно приложение: «Формы письмоводства».

Им устанавливалось единое общее организационное устройство и порядок делопроизводства центральных учреждений государственного управления.

«Образование министерств» определяло общее разделение государственных дел и предметы каждого министерства, и главного управления, во многом текстуально повторяя положения Манифеста от 25 июля 1810 г. Им устанавливалось единое общее организационное устройство центральных учреждений государственного управления.

Министерство возглавлялось министром и его товарищем (заместителем). При министре состояли Канцелярия и Совет министра. Аппарат министерства состоял из нескольких департаментов, делившихся на отделения, которые, в свою очередь, делились на столы. Устанавливался жесткий принцип единоначалия. Министр подчинялся императору, назначаясь и смещаясь по его выбору. Непосредственно министру подчинялись директора департаментов и канцелярии, директорам департаментов подчинялись начальники отделений, начальникам отделений подчинялись столоначальники.

«В министерствах, коих предметы по пространству их и разнообразию разделены на многие департаменты», для разрешения дел требующих общего «соображения», учреждался совет министра, состоявший из директоров департаментов, под председательством министра, или его товарища, или одного из директоров департаментов⁴.

В сложных по составу департаментах учреждались общие присутствия, состоявшие из начальников отделений, под председательством директора департамента⁵.

В состав министерства входили специализированные органы — «особенные установления». (Особенные канцелярии, счетные отделения и столы, установления по судебной или тяжёлой части, учёные комитеты, чертежные, лаборатория, состоявшие при департаментах переводчики, чиновники особых поручений, молодые люди для обучения.)⁶

⁴ ПСЗ-1. Т. 31. № 24686. С. 686–719. § 25–30.

⁵ Там же. § 31–34.

⁶ ПСЗ-1. Т. 31. № 24686. § 39–47.

Устанавливался единый порядок делопроизводства, с определением порядка движения дел в каждом структурном подразделении министерства, формы регистрации документов, сроков исполнения, проверки, отправки, проверки исполнения документов⁷.

Вводился единый порядок отчетности. Министры подавали три вида ежегодных отчетов⁸:

1. «Отчет о суммах», подаваемый в Министерство финансов⁹;
2. «Отчет в делах», подаваемый в Государственный совет¹⁰;
3. «Отчет о видах и предложениях к усовершенствованию каждой части», подаваемый императору¹¹.

«Общий наказ министерствам» устанавливал степень и пределы власти министров. «Существо власти, вверяемой министрам, принадлежит единственно к порядку исполнительному; никакой новый закон, никакое новое учреждение или отмена прежнего, не могут быть установлены властью министра»¹².

Тем самым «Общее учреждение министерств» от 25 июня 1811 года заложило единые законодательные основы министерской системы управления, не входя специально в организационное устройство и порядок делопроизводства конкретных министерств и главных управлений.

Следующим шагом, по мысли М. М. Сперанского, должны были стать учредительные документы каждого центрального государственного учреждения, разработанные в достаточно быстрый срок и по образцу «Общего учреждения министерств» от 25 июня 1811 года.

Действительно, в Комитете председателей департаментов Государственного совета (в январе-сентябре 1811 г.) обсуждались подготовленные при участии М. М. Сперанского проекты «Учреждений» министерств полиции, финансов, военного, иностранных дел и Главного управления духовных дел иностранных исповеданий¹³, но из них были утверждены только «Учреждения» Министерства полиции и Министерства финансов. Остальные проекты остались

⁷ Там же. § 61–176.

⁸ Там же. § 177.

⁹ Там же. § 191, 246.

¹⁰ Там же. § 198.

¹¹ Там же. § 199, 204.

¹² Там же. § 208.

¹³ РГИА. Ф. 1164. Оп. Т. 16. Д. 2, 6, 7, 12–14.

нереализованными из-за отставки М. М. Сперанского, последовавшей 17 марта 1812 года, и начавшейся вскоре Отечественной войны 1812 г.

В связи с этим после 1811 года без специальных «Образований» и «Учреждений», основанных на «Общем учреждении министерств», оставались 19 учреждений: Министерство иностранных дел, Военное министерство, Министерство военных морских сил, Государственное казначейство, Главное управление ревизии государственных счетов, Министерство внутренних дел, Министерство народного просвещения, Главное управление путей сообщения, Министерство юстиции, Главное управление духовных дел иностранных исповеданий, а также Экспедиция государственных конских заводов и учреждения придворного управления — Департамент уделов, Кабинет Его Императорского Величества, Капитул российских кавалерских орденов, Придворная контора, Гоф-интендантская контора, Придворная конюшенная контора, Егермейстерская контора и Экспедиция кремлевского строения. (Поскольку статус учреждений придворного управления был неопределенным и противоречивым, нами перечисляются все учреждения, которые в 1826 году были подчинены министру императорского двора и уделов, а также и Капитул российских кавалерских орденов (с 1832 г. — Капитул российских императорских и царских орденов), который вошел в состав Министерства императорского двора и уделов в 1842 г.).

Конечно, это не означало, что все эти учреждения принадлежали к числу учреждений коллежской системы управления и оставались в неизменном виде, характерном для XVIII века.

Но в структуре и порядке делопроизводства их достаточно долго содержались элементы смешанного, коллежско-министерского порядка управления.

Кроме того, не было достигнуто жесткое организационно-структурное единообразие, запланированное М. М. Сперанским.

Таким образом, был упущен шанс завершения правового оформления министерской системы управления уже в 1811 году.

Распространение же «Общего учреждения министерств» от 25 июня 1811 года на центральные государственные учреждения в виде издания специальных «Учреждений» и «Образований» соответствующих министерств и главных управлений происходило постепенно и растянулось на достаточно продолжительное время — 24 года.

По нашему мнению, этому факту уделяется мало внимания в современной исторической и историко-юридической литературе, посвященной М. М. Сперанскому.

Список литературы:

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т.27. СПб., 1830.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т.31. СПб., 1830.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1164. Оп. Т.16. Д. 2, 6, 7, 12–14.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1289. Оп. 1. Д.136.

Александров Алексей Анатольевич

канд. ист. наук, доц. Московского городского университета управления
Правительства Москвы им. Ю. М. Лужкова, Россия, Москва

УГОЛОВНОЕ ДЕЛО Л. Н. СТРУЙСКОГО 1816–1819 ГОДОВ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ М. М. СПЕРАНСКИМ ДОКТРИНЫ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ И ПРАКТИКИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ

Аннотация: В статье характеризуется участие М. М. Сперанского в рассмотрении уголовного дела помещика, избившего и приказавшего пороть дворового человека. Судебный процесс, в котором расследовались обстоятельства смерти крепостного, позволяет реконструировать социальный и правовой контекст развития представлений М. М. Сперанского о законе и суде, продемонстрировать, как представления юриста реализовывались им в правоприменительной практике. Характеризуются объективная, системная и комплексная оценка доказательств, возможность установить уголовное наказание даже при отказе подсудимого признать вину. Отмечается тенденция по передаче административных и судебных полномочий помещиков в отношении крепостных государственным органам, обеспечение гарантии безопасности свидетелей. Делается вывод о системности в рассмотрении и разрешении судом конкретных социальных конфликтов, связанных с действительными или предполагаемыми нарушениями норм права. Показано следование М. М. Сперанского принципам справедливости правосудия и неотвратимости наказания.

Ключевые слова: суд, правосудие, крепостное право, уголовный процесс.

Систематизация российского права — результат применения на практике правовой доктрины М. М. Сперанского. *Системность политико-правовых представлений о законе, праве и государственной власти* — отличительная черта мировоззрения Сперанского. Есть внутреннее единство, при всех очевидных различиях, главных трудов М. М. Сперанского — Записки 1803 года об устройстве судебных и правительственных учреждений в России, «Введении к Уложению государственных законов» 1809 г., законопроектах 1808–1812 гг., созданных для Комитета 6 декабря 1826 г. текстах, сочинениях периода подготовки Полного собрания и Свода законов, проектах «Учреждения коммерческих судов» и «Устава судопроизводства в судах коммерческих» (30 октября 1830 г. — 11 февраля 1832 г.)¹, конспектах лекций цесаревичу Александру Николаевичу 1835–1837 гг. Законодательство мыслилось М. М. Сперанским как звено единой и продуманной правовой политики Российской империи. Администра-

¹ История суда и правосудия в России. Т. 3. Гл. 37. Коммерческие суды в России / авт. раздела Архипов И. В. М., 2019. С. 544–546.

тивная и судебная функции должны были осуществляться на основе и в соответствии с требованиями закона. *Государство — система власти, учреждений и норм*. Подобный взгляд снова и снова возвращал М. М. Сперанского к соотношению категорий «законодательная, исполнительная и судебная власти». Правосудие понималось как юридический процесс, в основе которого — соотнесение поведения человека с нормами права². Размышляя о «волшебном стекле» кодификатора, следует анализировать в первую очередь идеи М. М. Сперанского о сущности суда и судопроизводства, а не только судоустройства, которое, как правило, находится в центре внимания историко-правовой литературы о Сперанском.

М. М. Сперанский был судьей — членом «Верховного уголовного суда для суждения злоумышленников, открывшихся 14 декабря 1825 года». Подчеркнем, что в течение всей своей государственной службы он неоднократно и непосредственно участвовал в осуществлении правосудия в качестве Государственного секретаря в 1810–1812 гг., Пензенского гражданского губернатора в 1816–1819 гг., генерал-губернатора Сибири в 1819–1821 гг., члена Государственного совета с 1821 года. Кроме того, государственный деятель готовил проекты актов императора по судебным делам, занимая различные должности в первые годы правления Александра I (товарищ министра юстиции, докладчик по делам Финляндии).

Подготовка процесса и участие в проведении суда над декабристами — ключевой момент для понимания историко-правовой наукой деятельности М. М. Сперанского как судьи³. Уголовное дело, название которого вынесено в название статьи, по своему юридическому и социальному значению не сопоставимо с процессом над участниками декабристского движения. Губернский секретарь Леонтий Николаевич Струйский (1780 или 1784–1825?) — пензенский помещик, эмоционально нестабильный человек, страдавший алкоголизмом. В 1816 году дворянин избил и приказал дворовым людям запороть своего крепостного Михайло Семёнова. Процесс продолжался с 1816 по 1819 год и завершился осуждением помещика. В 1818 году М. М. Сперанский участвовал в производстве по делу

² Александров А. А. Вклад М. М. Сперанского в формирование доктрины судебной власти и правосудия // Имена московской науки: материалы Международной научно-практической конференции. М.: МГУУ, 2018. С. 41–53.

³ Боленко К. Г. Верховный уголовный суд в системе российского правосудия: конец XVIII — середина XIX вв. М., 2013. С. 145–173, 186 и след.

в качестве Пензенского гражданского губернатора. Как известно, Учреждение для управления губерниями 7 ноября 1775 года — 4 января 1780 года предусматривало, что в полномочия главы губернии входили утверждение и исполнение приговора. Губернатор имел право отказаться от утверждения приговора, который передавался в этом случае в Сенат.

Почти мистическим совпадением является то, что, когда осужденный Струйский прибыл в Тобольск на поселение в 1820 году, генерал-губернатором Сибири был М. М. Сперанский, назначенный на эту должность в 1819 году. Нельзя не вспомнить печальные шутки Сперанского в письмах к близким, что ему самому рано или поздно не избежать Сибири.

Цель статьи — показать на конкретном примере уголовного дела социальный и правовой контекст развития представлений М. М. Сперанского о законе и суде, продемонстрировать, как представления великого юриста реализовывались им в правоприменительной практике. Были изучены материалы дела, сохранившиеся в РГИА и Государственном архиве Иркутской области⁴. Сноски на листы архивных дел даются в тексте в скобках.

Выбранное для анализа дело — не прецедент. Дело не получило широкою огласку. Но оно является примером уголовного наказания дворянина, убившего своего крепостного или умышленно причинившего такой тяжкий вред здоровью, который повлек за собой смерть потерпевшего. Подобные преступления не были массовыми. Вызваны они были, как представляется, все же патологиями личности конкретных помещиков, не являлись формой внеэкономического способа подчинения крепостных. Фактически уголовная ответственность за убийство дворянином его крепостного была установлена в 1762 году сенатским указом как результат рассмотрения уголовного дела отставного поручика В. Нестерова⁵. Дело Л. Н. Струйского значимо для оценки сложного комплекса норм

⁴ Российский государственный исторический архив. Ф. 1151. Оп. 1 за 1819. Д. 70. О губернском секретаре Л. Струйском, судимом за неумеренное наказание дворового человека М. Семёнова (далее — РГИА); Государственный архив Иркутской области. Ф. 713. Иркутское губернское правительство. Оп. 1. Д. 10. Статейные списки и уведомления о сосланных в Сибирь из разных губерний на каторжные работы и поселения. 1820 г. (далее — ГАИО).

⁵ История суда и правосудия в России. Т. 3. М., 2019. С. 380.

права и правоприменительной практики, связанной с правоотношениями дворянина-помещика и крепостного в эпоху Александра I.

Губернский секретарь Л. Н. Струйский был сыном богатого и экзальтированного землевладельца Н. Е. Струйского (1749–1796), портрет которого работы великого живописца Ф. С. Рокотова хранится в Государственной Третьяковской галерее. Незаконный сын Л. Н. Струйского — поэт А. И. Полежаев (1804–1838). Материалы уголовного дела 1816–1819 гг. были частично опубликованы для иллюстрации условий, в которых проходило детство литератора⁶.

Фактические обстоятельства дела таковы. В августе 1816 года Л. Н. Струйский «воротился из Москвы в иступлении ума» в Пензенскую губернию (РГИА. Л. 9 об.). Алкоголизм Струйского не вызывает сомнений. Как он объяснял матери, «вино он только для здоровья употребляет, к которому уже привык» (РГИА. Л. 10). Помещик, судя по позднейшим показаниям свидетелей, совершал неадекватные поступки, был агрессивным и периодически избивал дворню. Однако многочисленные свидетельства его неадекватного поведения, намекающие на невменяемость, собранные в уголовном деле, могли быть и способом спасти его от уголовного наказания.

Поздно вечером 20 сентября 1816 года дворовый человек Михайло Семёнов был выпорот розгами по приказу помещика. Поводом послужило обвинение в том, что крепостной, 17 сентября 1816 года направленный барином с письмом — просьбой о деньгах к матери помещика А. П. Струйской, проживавшей в роскошном поместье Рузаевка, якобы «пожаловался» на алкоголизм своего барина. М. Семёнов вернулся пьяным и без денег (барыня не отказала сыну в средствах). Крепостной был избит самим Л. Н. Струйским до и уже после экзекуции, когда «люди, видя чрезмерность, сами сечь перестали», причем помещик бил ногами лежавшего человека (РГИА. Л. 4). Рано утром 22 сентября 1816 года М. Семёнов умер в селе Покрышкино Саранского уезда.

В расследовании 26–29 сентября 1816 года принимали участие дворянский заседатель и уездный стряпчий. Были зафиксированы следы побоев и сечения розгами. Однако штабс-лекарь под присягой показал, что смерть наступила от «полнокровия». В дело включены первоначальные показания вдовы умершего и его сына о том, что смерть произошла от естественных причин. Похороны состоялись 30 сентября 1816 года.

⁶ Воронин И. Новые данные о Полежаеве. Саранск, 1940. С. 105–171.

1 октября 1816 года зять умершего, пономарь Трёхсвятской церкви в г. Саранске (здание храма, возведенное в 1760-х годах, сохранилось до наших дней), подал в земский суд объявление о том, что считает причиной смерти своего тестя побои, следы которых зафиксированы следствием. Он просил дело «переследовать», делегировав других чиновников.

Материалы повторного расследования содержат показания свидетелей вскрытия, что смерть наступила от побоев, однако, с их слов, лекарь утверждал, что «от облития сердца кровью» (РГИА. Л. 3 об.). Вдова дала новые показания, сообщив, что муж рассказал ей, что был бит по приказу помещика. Сын умершего утверждал, что помещик вмешивался в допросы при первоначальном расследовании, угрожал ему, дал пощечину и даже «велел отвести под караул» в избу другого крестьянина. Сын заявил, что Струйский заставил его при дворянском заседателе, уездном стряпчем, лекаре и священнике подписать ложные показания.

Непосредственные исполнители экзекуции-порки (два человека) и пять человек, державших руки и ноги жертвы, утверждали, что действовали по приказу помещика, который потом поил их «вином и просил, чтобы истины не показывали» (РГИА. Л. 5). В деле упоминаются факты спаивания Струйским чиновников и свидетелей, проводивших расследование в сентябре 1816 года.

Как было установлено позднее, в ночь после смерти крепостного Струйский ездил за советом к провинциальному секретарю Воронину, спрашивая совета о действиях после смерти поротого им дворового. Он заезжал к нескольким дворянам, прося водки и денег взаймы. Во время этих ночных визитов он кратко рассказывал знакомым о смерти Семёнова. Позднее его слова были истолкованы как признание того, что крепостной был наказан по его приказу и умер вследствие наказания.

Экспумация тела показала наличие множества ран. Эксперт-лекарь Эклау под присягой показал, что смерть стала следствием побоев. Помещик официально и категорически отрицал факты избиения, порки, воздействия на расследование, заявил, что ему не известны причины смерти Семёнова. Однако Струйский был официально обвинен в неумеренном наказании «дворового своего человека», который «от того вскоре умер» (РГИА. Л. 1 об.), и арестован.

При рассмотрении дела суды применили ст. 13 гл. 2 Соборного уложения 1649 года, согласно которой свидетельские показания

крепостных не являлись доказательствами по уголовном делу против помещика; указ 28 апреля 1775 года, содержащий норму «не домогаться от подсудимых сознания, где есть достаточные причины к доказательству преступлений»⁷; ст. 6 и 25 Грамоты на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства 21 апреля 1785 года о преступлениях, разрушающих дворянское достоинство. Был применен ряд норм уголовного права, в частности артикулы 154, 163 гл. 19 Артикула воинского 26 апреля 1715 года.

Первой инстанцией был Саранский уездный суд. 16 февраля 1817 года Струйский был признан виновным, лишен дворянства, чинов и приговорен к ссылке в Сибирь на поселение.

Вторая инстанция, Пензенская уголовная палата, 13 июня 1818 года приняла решение: оставить Струйского «в подозрении и передать церковному покаянию», после которого помещик был бы свободен (РГИА. Л. 29–30). Было ли решение принято под влиянием семейства Струйских? Был ли — в соответствии с мнением дворянского сообщества губернии — Л. Н. Струйский не столько буйным пьяницей, которого знали как опасного человека соседи по уезду, сколько одним из дворян губернии, наказавшим своего дворового человека? Таким непутевым дворянином, который требует церковного покаяния, но не ссылки? Решение суда доказывалось ссылкой на ст. 13 гл. 2 Уложения 1649 года, согласно которому доносы крепостных на помещиков не могли служить доказательством — «тому их извету не верить». Причем упоминалась и угроза наказания для таких крепостных. Отметим, что свидетельские показания медицинского чиновника, дворянина, подтвердившего истинные обстоятельства дела, другие доказательства не были приняты во внимание. Суд выражал сомнение, что дворовые стали бы выполнять приказ барина, который находился в невменяемом состоянии, а если бы такое указание Струйский и сделал, то это не был приказ «лишить жизни», а значит, «нельзя счесть его за прямого убийцу» (РГИА. Л. 30). После отбытия церковного покаяния и возвращения поместья из распоряжения дворянской опеки Струйскому с него должно было быть взято обязательство, «дабы участвующим в сем деле людям наказания никакого не чинить, но в случае вины для исправления отсылать в земскую полицию» (РГИА. Л. 30 об.).

⁷ Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года по 19 ноября 1825. СПб., 1830. Т. 40. № 30563. С. 576–578.

Пензенский губернский прокурор Барановский 14 июня 1818 года опротестовал это решение, указывая на показания двух дворян, которым сам Струйский в ночь после смерти Семёнова признан в наказании крепостного. Прокурор считал, что Струйский должен понести назначенное ему Саранским уездным судом уголовное наказание.

Приговор был передан для утверждения Пензенскому гражданскому губернатору. 19 августа 1818 года М. М. Сперанский согласился с решением суда первой инстанции и заключением губернского прокурора. Анализ решения М. М. Сперанского приводится ниже. Любопытно, что в биографии поэта А. И. Полежаева, изданной в конце XIX века, содержится утверждение, что именно М. М. Сперанский отдал под суд Л. Н. Струйского и добился его ссылки в Сибирь. Следует считать данное утверждение свидетельством определенной репутации М. М. Сперанского. Не выявлены доказательства непосредственного участия М. М. Сперанского в наказании преступника, помимо тех, что сохранились в уголовном деле⁸.

Дело было передано в Сенат. 5 марта 1819 года 1-е отделение 6-го департамента Сената признало поступки Л. Н. Струйского последствием болезни и утвердило акт Пензенской уголовной палаты. Сенат не признал умысел Струйского на смерть крепостного, что действительно подтверждается материалами дела. Но Сенат не сделал и вывод о причинении смерти по неосторожности. Доводами послужили длительное содержание обвиняемого под стражей, его алкоголизм. Сенат «положил... отослать его для очищения совести в отдаленный Пензенской епархии монастырь на церковное покаяние» (ГАИО. Л. 12–12 об, РГИА. Л. 30). Отметим, что Сенат при этом признал сам факт истязаний, который отрицался губернским судом (РГИА. Л. 39 об.). Очевидно, что Сенат принял в данном деле сторону помещиков, сравнительно снисходительно оценив правонарушение против крепостного.

М. А. Корф приводит пример другого процесса по иску государственных крестьян, в котором М. М. Сперанский ходатайствовал о пересмотре судебного акта через министра юстиции, благодаря чему император направил дело на новое рассмотрение⁹. И в деле Струйского министр юстиции Д. И. Лобанов-Ростовский представил

⁸ Полежаев А. И. Собрание сочинений с биографией. М., 1894. С. I–II.

⁹ Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 2. С. 133–134.

особое мнение, в котором доказывал совершенную несостоятельность оправдательных доводов Сената, поддержал обвинительный приговор уездного суда и мнение Пензенского гражданского губернатора. Деяние помещика было названо зверством, и было указано, что совершение действия в состоянии опьянения по законодательству не может считаться оправдательным обстоятельством.

Государственный совет в качестве апелляционной инстанции¹⁰ 19 декабря 1818 года рассмотрел все представленные документы, поддержал мнение губернатора, утвердив приговор Саранского уездного суда — лишение чина, дворянства и ссылка на поселение (ГАИО. Л. 13). На решении в ноябре 1819 года император написал резолюцию «быть по сему».

В 1820 году Струйский был сослан, о чем поступило сообщение, хранящееся в Государственном архиве Иркутской области в бумагах Иркутского губернского правительства.

Как видим, сторонниками сурового наказания помещика были суд первой инстанции, губернский прокурор, гражданский губернатор, министр юстиции, Государственный совет и император. Церковное покаяние и сохранение дворянства — позиция суда второй инстанции и Сената.

Крепостные, проводившие экзекуцию, были направлены на церковное покаяние «насколько от духовной власти назначено будет». Дело трех чиновников, сфальсифицировавших доказательства в период первоначального расследования, было направлено в Пензенский уголовный суд. Дело священника, участвовавшего в фальсификации доказательств, передавалось церковным властям.

Была признана законной «изорванная» Струйским отпускная малолетней дочери умершего Семёнова Авдотьи, которая в ночь экзекуции была направлена к Струйской «для научения ткать ковры», а, по сути, как можно думать, для сохранения контроля за семьёй Семёновых (отметим, что мать Струйского отказалась признать ничтожность отпускной, признавая таким образом данную сыном личную свободу Авдотьи Семёновой). Суды признали также отпускную дворовому человеку Фёдору Григорьеву. Этому пятнадцатилетнему подростку Струйский в июле 1816 года дал вольную, а в августе 1816 года женил его на своей беременной двадцатилетней наложнице Василисе Афанасьевой. На новое рассмотрение в первую

¹⁰ История суда и правосудия в России. Т. 3. М., 2019. С. 504, 516.

инстанцию было направлено дело о подлинности отпускной Афанасьевой, которая была датирована 27 июля 1816 года, а предъявлена в Краснослоботский уездный суд только 11 ноября, когда Струйский «находился под судом и содержался под арестом».

Какие же принципиальные моменты в решении М. М. Сперанского по делу Л. Н. Струйского важны для понимания представлений юриста о суде и правосудии?

Первый из них — объективная, системная и комплексная оценка доказательств. М. М. Сперанский учитывал показания медицинского чиновника, который под присягой показал, что дворовый человек умер от побоев. Данный подход позволил принять правомерное решение, даже не учитывая показания крепостных против помещика, что не позволяло действовавшее законодательство. В деле действительно есть показание свидетеля — дворового человека Василия Михайлова, что один из дворовых, участвовавший в экзекуции, Савелий Игнатов «говорил..., что дело об умершем Семёнове надобно все валить на барина» (РГИА. Л. 18). М. М. Сперанский, очевидно, полагал, что комплекс доказательств позволяет квалифицировать действия подсудимого как преступные и вынести приговор, несмотря на отрицание Л. Н. Струйским не только своей вины, но самих фактов побоев. Ведь объективные факты подтверждаются рядом доказательств — показаниями свидетелей-некрепостных, заключением экспертов, протоколами вскрытия тела, утверждениями свидетелей-дворян.

Второй принцип, который важен в позиции М. М. Сперанского в данном деле, связан с тем, что подсудимый не признал свою вину. В судебной практике Российской империи до 1825 года господствовало два взаимоисключающих подхода к доказательству виновности подсудимого в совершенном преступлении. Первый: при наличии достаточных доказательств суд правомочен был вынести приговор подсудимому, установить ему уголовное наказание даже при отказе подсудимого признать вину. Как видно из материалов дела, М. М. Сперанский признавал правильным данный подход. Второй: подсудимый не мог быть признан виновным, если не признал свою вину сам, суд определял приговором, что подсудимый остается «в подозрении». Данный подход в деле продемонстрировали Пензенская уголовная палата и Сенат. 27 октября 1825 года был опубликован сенатский Указ «Об оставлении в своей силе указа 1775 апреля 28, повелевающего не домогаться от подсудимых сознания, где

есть достаточные причины к доказательству преступлений»¹¹. Им подтверждались положения указа 28 апреля 1775 года, согласно которым при наличии необходимых и достаточных доказательств преступления, то «нет тут ни малейшей нужды употреблять истязание, и домогаться от подсудимого» признания собственной вины. Сенатский акт 1825 года подтверждал правильность понимания М. М. Сперанским системы доказательств в уголовном процессе, которое он продемонстрировал еще в 1818 году в деле Л. Н. Струйского. При отсутствии признания подсудимым обвинения были собраны необходимые и достаточные доказательства, позволившие вынести приговор, а не «оставить Струйского в подозрении и передать церковному покаянию» (ГАИО. Л. 12).

Третий принцип, который мы видим в решении М. М. Сперанского по делу Л. Струйского, — передача административных и судебных полномочий помещиков в отношении крепостных государственным органам. Мы констатируем признание правомочий именно государственных органов, а не помещиков, осуществлять административно-правовое и уголовное преследование крепостных крестьян (в частности, право проводить предварительное расследование). М. М. Сперанский определил «наследников Струйского обязать подпискою, дабы крепостных людей, участвовавших в сем деле, когда они поступят в их владение, не наказывали, но в случае вины отсылали бы в полицию» (РГИА. Л. 12). Данное требование развивает решение Пензенской уголовной палаты об отсутствии наказания помещиком крепостных, дававших показания против него. Мы видим, что в этом частном примере проявляется общая тенденция — расширение полномочий государства, которое вынуждено вмешиваться в противостояние «помещик — крепостной». Сказанное относится к расширению полномочий полиции по отношению к крепостным, принадлежащим частным лицам. В данном конкретном случае и только в отношении конкретных крестьян был установлен принцип, важный для личного освобождения земледельцев в Европе, — землевладелец лишался права суда, которое является монополией государства. В деле Л. Н. Струйского данный принцип применен только к тем крепостным, кто участвовал в деле, но ко

¹¹ Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года по 19 ноября 1825. СПб., 1830. Т. 40. № 30563. С. 576–578.

всем видам их правонарушений, которые должна была бы расследовать полиция.

Четвертый принцип касается обеспечения гарантии безопасности свидетелей. Ведь передачей их потенциальных дел в подведомственность государственных органов исключалась, насколько это возможно, месть наследников Струйского крестьянам, давшим показания против своего помещика.

Пятый принцип — системность в рассмотрении и разрешении судом конкретных социальных конфликтов, связанных с действительными или предполагаемыми нарушениями норм права. Обратим внимание на квалификацию преступления, включающую как выявление вины, так и определение объективной стороны (определение последствий деяния). Деяние квалифицировано. Выявлены его объект, субъект, объективная и субъективная стороны. Ведь Пензенская уголовная палата ссылаясь на два юридических факта (на «помешательство ума» Л. Струйского и на недопустимость принятия в качестве доказательства свидетельств крепостных против помещика, не учитывались, например, показания чиновников и акт об эксгумации). Правительствующий Сенат указывал только на отсутствие умысла на убийство и предварительное двухлетнее «содержание под стражей». Системная оценка преступления противопоставлена дискретной, выборочной оценкой отдельных характеристик деяния.

Шестое и, возможно, главное — следование М. М. Сперанского принципам справедливости правосудия и неотвратимости наказания. Изучение материалов уголовного дела свидетельствует о виновности помещика в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего. Но, очевидно, личная заинтересованность или запуганность чиновников и священника привели к тому, что насильственный характер смерти официально не признавался властями с 22 сентября по 1 октября 1816 года. Преступник фактически не был бы наказан и по решениям Пензенской уголовной палаты и Сената. Справедливость восстановило вмешательство М. М. Сперанского, отказавшегося утвердить такой приговор.

М. М. Сперанский был сторонником представлений о правосудии как обеспечении государственно-правовыми механизмами справедливости и христианского Закона. Именно необходимость «нравственного уважения правды» судами он считал важным в по-

строении российского судоустройства¹². Важнейшей миссией всего государства, в том числе и суда, представлялось ему обеспечение социальной стабильности. В этом смысле дело Струйского показывает максимально возможное гарантирование порядка и справедливости (как ни странно сегодня звучит это слово по отношению к не свободному лично человеку) в реалиях, сложившихся в крепостной России за полвека между Отечественной войной 1812 года и Крестьянской реформой 1861 года.

Принципиально важно для понимания взглядов М. М. Сперанского на право и государство то, что они мыслились как производные от нравственных и социально-экономических реалий. В этом смысле правосудие вторично по отношению к существующим общественным отношениям, может на них воздействовать, но не определяет их сущности. Правосудие вершится над людьми. Такими, как Леонтий Струйский. Такими, как дворовый человек Фёдор Остафьев, державший во время экзекуции в сентябре 1817 года засекаемого дворового, а уже на Масленицу 1817 года воровавший с Иваном, сыном замученного, «господский кузнечный инструмент». Такими, как семь человек дворовых и крестьян, державших руки и ноги жертвы. Такими, как двадцать пять крепостных Струйских, которые «под присягою отозвались незнанием». Такими, как штаб-лекарь Европейцев, показавший сразу после гибели человека, что смерть наступила от «полнокровия». Такими, как заседатель Метельников, у изуродованного тела спрашивающий сына умершего, каким образом умер его отец, и на ответ «что он сам может видеть, как тело избито... сказал, что он не лекарь» (РГИА. Л. 4). Такими, как священник села Михайловки о. Михаил (Фёдоров), который подписал ложные показания свидетелей, а при повторном расследовании оправдывал себя тем, что подписал их не читая, «а было так как говорят свидетели» (РГИА. Л. 8). Все эти факты — как и действия людей, добившихся правосудия, — говорят об уровне правосознания общества эпохи М. М. Сперанского.

Уголовное дело содержит свидетельства глубокого социального напряжения в отношениях землевладельца-помещика и крепостного. Причем речь идет не только о борьбе за экономическую самосто-

¹² Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1894. Т. 90: Бумаги «Особого секретного комитета», учрежденного Высочайшим рескриптом 6 декабря 1826. Ч. 2 / Изд. под наблюд. А. А. Половцова. С. 191.

тельность, но и о проявлении в этом противостоянии неуважения крепостных к легальности имущественных прав. В деле приводятся свидетельства, что крестьяне верили, «что они будут вольные» после ареста барина, который теперь «уже мужик» (РГИА. Л. 17 об.). М. М. Сперанский, читавший дело, мог наглядно видеть элементы негативного отношения к землевладельцам со стороны крепостных. В период правления Александра I и Николая I М. М. Сперанский искал выход из дилеммы крепостничества — самой острой проблемы социального неравенства, патологии экономической жизни России¹³.

Подчеркнем, что дело Струйского является частным примером общей тенденции — роста в России потребности в новом государственно-правовом механизме разрешения социальных конфликтов. Все более очевидным становилась необходимость справедливого законного суда, эффективного разрешения социальных конфликтов и наказания нарушивших нормы права. Требовалась защита не только личных, но и имущественных прав. Уголовное дело пензенского помещика наглядно демонстрирует несоответствие правоприменительной практики крепостничества потребностям новой эпохи жизни страны. Мы видим контекст, в котором М. М. Сперанский формулировал тезис о роли правосудия для эффективной работы государственного аппарата.

Подлинное значение М. М. Сперанского как юриста и государственного деятеля — в том, что им было сделано в кодификационной законопроектной работе, научно-практической и образовательной деятельности в первой половине XIX века, в его участии в судебных процессах для формирования системы не столько «бюрократического», но эффективного государства, построенного на признании правосубъектности человека, его прав, законных интересов и обязанностей.

«Волшебное стекло» кодификатора не искажало, а в деталях показывало юристу-теоретику — государственному деятелю те социальные проблемы, которые влияли на реальную практику правосудия в России. Мы видим тяжелую борьбу человеческого достоинства, стремления к справедливости, веры в защиту государством

¹³ Александров А. А. Европейские земельные реформы XVIII — первой половины XIX вв. и предложения М. М. Сперанского по крепостной проблеме // Новый исторический вестник. М.: РГГУ, 2004. № 2 (11). С. 36–56.

своих подданных с негативными последствиями личной зависимости дворовых и крестьян, сословной солидарности дворянства. Бросятся в глаза аморальность и нарушения христианской этики преступниками. Очевидны пороки правосознания чиновничества, которые делали возможными нарушения процессуальных норм. Текст уголовного дела тягостно описывает алкоголизм как одну из красок в картине быта помещичьей усадьбы и деревни. Именно негативным явлениям общественной жизни противостоят суд и закон.

Анализ материалов судебного дела приводит нас к выводу, что М. М. Сперанский, будучи теоретиком судебной власти и правосудия, усматривал в нормах материального и процессуального права, регулировавших правоотношения, большее — природу общественных отношений. Сочинения юриста о суде, судоустройстве и судопроизводстве 1807–1838 гг. подтверждают данный тезис. Мыслитель осознавал необходимость отхода от законодательства и практики крепостнического по своей сути судопроизводства к правосудию, построенному на принципах равного доступа к правосудию, к гарантиям каждому подданному судебной защиты его прав. Деятельность и идеи М. М. Сперанского формировали и предвосхищали доктрину судебной реформы 1864 года. Актуальность и историческое значение наследия мыслителя и государственного деятеля очевидны сегодня.

Список литературы:

1. Александров А. А. Вклад М. М. Сперанского в формирование доктрины судебной власти и правосудия // Имена московской науки: материалы Международной научно-практической конференции. М.: МГУУ, 2018.
2. Александров А. А. Европейские земельные реформы XVIII — первой половины XIX вв. и предложения М. М. Сперанского по крепостной проблеме // Новый исторический вестник. М.: РГГУ, 2004. № 2 (11).
3. Боленко К. Г. Верховный уголовный суд в системе российского правосудия: конец XVIII — середина XIX вв. М., 2013.
4. Воронин И. Новые данные о Полежаеве. Саранск, 1940.
5. История суда и правосудия в России. Т. 3. М., 2019.
6. Иркутское губернское правительство. Оп. 1. Д. 10. Статейные списки и уведомления о сосланных в Сибирь из разных губерний на каторжные работы и поселения. 1820 г.
7. Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 2.

8. *Полежаев А. И.* Собрание сочинений с биографией. М., 1894.
9. Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года по 19 ноября 1825. СПб., 1830. Т. 40. № 30563.
10. РГИА. Ф.1151. Оп. 1 за 2019. Д.70. О губернском секретаре Л. Струйском, судимом за неумеренное наказание дворового человека М. Семёнова; ГАИО. Ф. 713.
11. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1894. Т.90: Бумаги «Особого секретного комитета», учрежденного Высочайшим рескриптом 6 декабря 1826. Ч.2 / изд. под наблюд. А. А.Половцова.

Милинчук Дарья Сергеевна

канд. юрид. наук, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин
Института экономики и культуры, доц. кафедры государственно-правовых дисциплин
Московского гуманитарного университета, Россия, Москва

«РАСЧИСТКА» ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: ОБЪЕКТИВНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ И РЕАЛЬНАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Аннотация: Современное российское законодательство достаточно детально регламентирует все основные сферы традиционных и вновь возникающих общественных отношений. Появление новых нормативных правовых актов в системе законодательства предполагает необходимость изучения уже имеющей нормативной базы, чтобы избежать возможных коллизий между нормами и сформировать эффективный механизм правового регулирования в государстве. В исследовании проводится анализ действующего отраслевого российского законодательства. В статье приводятся примеры несогласованности норм права в принятых в разное время нормативных правовых актах. Полученные результаты обуславливают вывод автора о недостаточно качественной подготовительной работе при разработке проектов нормативных правовых актов. В этой связи особую актуальность приобретает такой вид систематизации, как расчистка (ревизия) законодательства. В заключении автор излагает свое видение возможности организации расчистки (ревизии) законодательства на современном этапе развития нашей страны.

Ключевые слова: законодательство, расчистка законодательства, систематизация права, коллизия права, юридическая коллизия, юридическая техника.

Российское законодательство достаточно активно развивается и наращивает свои объемы. Так, например, на текущий момент за 2022 год было принято не менее 392 федеральных законов, среди которых большинство — о внесении изменений.

Такой объем нормотворческой работы явно свидетельствует о необходимости качественной оценки существующих и действующих нормативных правовых актов с целью своевременного обнаружения и устранения коллизий и пробелов.

Несогласованность законодательства порождает множество сложностей у разных социальных групп.

Общество в целом. Регулятивная функция права и ее эффективная реализация подразумевает создание условий, комфортных для людей в вопросе выбора и использования норм права. Противоречивое же правовое регулирование негативно откликается в самом обществе. И несмотря на некоторый позитивный эффект от коллизий, большинством ученых-юристов они признаются негативным

явлением¹. Мы разделяем последнюю точку зрения и в нашем понимании наличие коллизий в праве также чаще несет негативный «заряд» по нескольким причинам.

Во-первых, неопределенность и неоднозначность правового регулирования приводит к ситуации нестабильности, а, стало быть, право в глазах общества не может считаться надежным регулятором. Бесколлиззионность права идет бок о бок со стабильностью права и является ее признаком. И этот факт вполне очевиден, поскольку общество, используя право в качестве регулятора отношений, хотело бы видеть какую-то упорядоченную и устойчивую модель регламентации.

В этой связи стабильность является очень важным свойством права, с помощью которого обеспечивается некоторая его устойчивость, неизменность, некая даже прочность, приближающая право к категории надежного, совершенного регулятора общественных отношений. Стабильность права представляется тем качеством, без которого у права действительно мало шансов выступать в качестве эффективного регулятора, поскольку она обеспечивает определенный авторитет права в обществе и поддерживает доверие людей к праву как регулятору общественных отношений.

Категория стабильности является синонимичной таким понятиям, как «определенность», «неизменность», «устойчивость», «однаковость всегда и во всем»². Если обратиться к этимологии слова и посмотреть, как его определяет, например, видный отечественный лингвист Д. Н. Ушаков, то «стабильный» означает ‘прочный, устойчивый, постоянный’³.

Таким образом, уже из этого определения видно, что стабильность должна обладать определенными качественными характеристиками, т. е. для того, чтобы понять стабильно ли какое-то явление,

¹ См., напр.: *Сорокин Ю. В.* Правовая природа и сущность понятия «Юридическая коллизия» // Пробелы в российском законодательстве. 2013. С. 53–54; *Денисенко В. В.* Коллизии правовых актов и способы их разрешения (теоретико-правовой аспект): монография. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. С. 4.

² *Бабенко Л. Г.* (ред.) Словарь синонимов русского языка. М.: Астрель; АСТ, 2011. С. 291.

³ *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2013. С. 650. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Search/Period?type=daily> (дата обращения: 12.10.2022).

нам необходимо проанализировать его и выявить обладает ли оно признаками стабильности.

Во-первых, по содержанию категория стабильности должна соответствовать характеристикам основательности и фундаментальности. Во-вторых, по времени действия она должна быть постоянной, неизменной, действующей длительное время. В-третьих, в пространственном аспекте она должна охватывать пределы всей территории государства или государств.

Стабильность является характеризующим свойством права. В связи с этим, по нашему мнению, к признакам правовой стабильности следует отнести а) обязательность, б) бесколлизийность, в) предсказуемость.

Так, руководствуясь позицией, что коллизия представляет собой «противоречие между существующим правовым порядком и намерениями и действиями по его изменению»⁴, а стабильность предполагает определенность и отсутствие противоречий, мы приходим к логичному умозаключению, что стабильность права означает отсутствие вариативности и возможности выбирать, сомневаться и спорить. Только ясные и однозначные предписания дают возможность обеспечить устойчивость и очевидность правовых явлений и избежать двусмысленности.

При этом мы считаем, что бесколлизийность является главным признаком правовой стабильности, без которого остальные признаки утрачивают свою значимость для определения категории стабильности, хотя и являются достаточно важными.

В силу того, что состояние стабильности возможно лишь при однозначности, определенности и предсказуемости в правовых явлениях, то для ее достижения наиболее логичными и эффективными способами будут те, которые используются для предотвращения и устранения коллизий в праве (например, правового мониторинга, оценки регулирующего воздействия и других). Помимо того, что бесколлизийность является главным признаком стабильности, она также выступает и основным средством ее достижения.

Во-вторых, отсутствие унифицированных правил поведения отрицательно сказывается на правовой психологии людей и их отношении к органам законодательной и исполнительной власти, не

⁴ Тихомиров Ю. А. Коллизийное право: учеб. и науч.-практ. пособие. М.: Юринформцентр, 2000. С. 33.

способным согласованно создать устойчивую систему иерархического законодательства.

По этим причинам мы относим коллизии права к негативным явлениям. В глазах членов социума они дестабилизируют право, они формируют такое отношение, что людям становится сложно воспринимать его в качестве надежного регулятора общественных отношений, подрывают авторитет законодательной и исполнительной власти у населения нашей страны.

Студенческое сообщество. Мы провели небольшое исследование со студентами юридических специальностей. В предметном опросе приняли участие 100 студентов из Москвы и Казани преимущественно очной формы обучения (90 %).

Студентам был задан ряд вопросов, нацеленных на выявление их отношения к праву, среди которых:

1. Считаете ли Вы право эффективным регулятором общественных отношений?
2. Каковы, на Ваш взгляд, основные причины проблем в правоприменительной практике?
3. Считаете ли Вы, что законы написаны качественно, с соблюдением правил юридической техники?

По результатам опроса 17 % студентов не верят в то, что право способно эффективно осуществлять функцию регулятора общественных отношений. Данная группа студентов состоит исключительно из студентов очной формы обучения и демонстрируют высокие показатели в образовательном процессе.

Среди причин проблем в правоприменительной практике студентами были выделены такие, как юридическая неграмотность правоприменителей (44 % опрошенных), юридическая индифферентность (25 % опрошенных), правовой нигилизм (21 % опрошенных) и плохое качество законов (10 % опрошенных). При этом 70 % обучающихся считают, что законы написаны с соблюдением юридической техники, а 30 % придерживаются мнения, что данные правила при подготовке нормативных правовых актов не соблюдались. Это достаточно большой процент обучающихся, которые в основном юридическом средстве права усматривают потенциальную правоприменительную проблему.

Необходимо адекватно принимать тот факт, что проблемы юридико-технического характера в законодательстве объективно существуют. Они имеют разные причины, среди которых отмечается некачественное проведение экспертизы законопроектов, наличие юридических коллизий, частичное отсутствие систематизации законодательства, частота изменений нормативных правовых актов, а в отдельных случаях и сложности в установлении истинного смысла правовой нормы. И такое большое количество «дефектов» права, безусловно, не может не сказываться на формировании квалификационных компетенций будущих юристов.

На этапе становления основных профессиональных качеств в студентах важно, чтобы у них была модель свободного от юридических ошибок законодательства. И, конечно же, ситуация, когда обучение основано на демонстрации системности юридических ошибок, также создает предпосылки для заведомо негативного отношения студентов к праву.

Отдельно стоит сказать о частоте изменений нормативных правовых актов, которую можно оценивать, как дестабилизацию законодательства⁵.

Частые изменения нормативных правовых актов не менее вредны для молодого ума, поскольку не дают реальной возможности студенту всерьез относиться к праву как к эффективному регулятору общественных отношений. Стабильность закона является определенным свойством, характеризующимся «социальной обусловленностью и, следовательно, устойчивой эффективностью регулирования общественных отношений»⁶. Право же, которое неустойчиво во времени, ненадежно, как с позиции построения правовой стратегии, так и с позиции правоприменения.

Профессиональное сообщество. Коллизии можно обнаружить в любой отрасли права; в настоящее время не существует ни одной группы общественных отношений, где нельзя было бы найти противоречий при выборе применяемой нормы права.

⁵ См.: Качество законодательства и проблемы юридической техники: Материалы семинара с участием руководителей правовых служб законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Москва, 15 октября 2015 года. М.: Издание Государственной Думы, 2016. С. 59.

⁶ Концепция стабильности закона / Н. В. Варламова, О. А. Гаврилов, В. Б. Исаков, В. П. Казимирчук и др.; отв. ред.: В. П. Казимирчук. М.: Проспект, 2000. С. 12.

Коллизии в праве встречаются в различных отраслях. Так, примером могут служить такие коллизии как ч. 1 ст. 2.1 Кодекса об административных правонарушениях и ч. 3 ст. 28.6 того же нормативного правового акта. В ч. 1 ст. 2.1 Кодекса об административных правонарушениях указывается вина в качестве обязательного признака правонарушения. В то же время ч. 3 ст. 28.6 допускает привлечение к административной ответственности без доказывания вины «правонарушителя», а допускает привлечение к административной ответственности на основании показаний с автоматических средств фиксации.

Примером другой коллизии может служить противоречие между гражданским и земельным законодательством относительно права арендатора земельного участка передавать свои права и обязанности по договору аренды земельного участка третьему лицу. В п. 2 ст. 615 Гражданского кодекса Российской Федерации такое право закрепляется за арендатором в случае согласия арендодателя. В ч. 5 ст. 22 Земельного кодекса Российской Федерации согласие арендодателя не является обязательным, а право арендатора на передачу своих прав и обязанностей по договору аренды третьим лицам допускается при условии уведомления арендодателя.

Можно усмотреть противоречия также и в самой Конституции РФ. Так, согласно п. 1 ст. 15 Конституции Российской Федерации, она «имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации». В соответствии с п. 4 ст. 15 Конституции РФ, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. А также закрепляется правило, согласно которому, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. В то же время согласно ст. 17 Федерального закона от 15.07.1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации», ратификация международного договора осуществляется на основании принятого федерального закона о ратификации. Следовательно, сам международный договор приобретает форму, можно сказать, «приложения» к самому закону о ратификации, а в иерархии нормативных правовых актов Конституция РФ будет иметь высшую юридическую силу в случае коллизии с федеральным договором.

Таким образом, оба пункта одной статьи содержат весьма неоднозначные правила. Ведь, с одной стороны, смысл положения, закрепляющего высшую юридическую силу за Конституцией РФ, уже должен ограничивать вариации на тему выбора применимого права в случае противоречия любых иных норм с нормами, содержащимися в Конституции. С другой же стороны, п. 4 ст. 15 Конституции РФ, устанавливающий абсолютный приоритет именно норм международного права при возникновении юридических коллизий, содержит противоположную идею, чем п. 1 ст. 15.

Другая проблема — нагромождение закона изменениями. Так, в одном из своих докладов В. Б. Исаков описал очень распространенную проблему, связанную с внесением изменений и дополнений в базовый закон⁷. Суть проблемы заключается в том, что, согласно правилам юридической техники, все изменения и дополнения должны вноситься в базовый закон. Однако же на практике нередко встречаются ситуации, когда законодатель вносит все последующие изменения не в сам базовый закон, а в предшествующий принимаемому закон об изменениях и дополнениях. В результате чего образуется как бы пирамида из законов о внесении изменений и дополнений, которые изменяют и дополняют друг друга, а не сам базовый закон (эффект пристройки «флигеля к флигелю»).

Подобная практика достаточно сложна для правоприменителя, а в некоторых случаях и антидемократична, как отмечает В. Б. Исаков, поскольку у лиц, не обладающих навыками работы с электронными правовыми системами попросту отсутствует возможность собрать такой «пазл» из изменений и дополнений в единый документ, не потратив на это уйму времени.

Все вышеуказанные обстоятельства позволяет констатировать тот факт, что действующая система нормативных правовых актов требует систематизации, а в частности их расчистки (ревизии).

Под расчисткой законодательства, как правило, понимают признание нормативных правовых актов утратившими силу и «освобождение» законодательства от устаревших правовых норм⁸. Однако же мы предполагаем, что суть расчистки не только в «очищении» законодательства от недействующих, но и ввиду различных причин

⁷ См.: Качество законодательства и проблемы юридической техники. С. 59–61.

⁸ См.: Систематизация законодательства в Российской Федерации / под ред. А. С. Пиголкина. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 148–152.

не должно действующих нормативных правовых актов. Не стоит лукавить, расчистка — очень сложное мероприятие, и, конечно, ее качественное проведение связано с рядом юридико-технических приемов, в числе которых и мониторинг нормативных правовых актов.

Под мониторингом нормативных правовых актов следует понимать научно и методически обоснованную систему комплексной оценки содержания и формы нормативных актов, осуществляемую на плановой основе посредством получения различных видов информации, наблюдения, анализа, контроля и прогноза, выполняемых с целью создания качественной и эффективной системы нормативных правовых актов⁹.

Одной из функций мониторинга нормативных актов является «выявление коллизий и пробелов», отмечает профессор Ю.Г. Арзамасов. «Функция мониторингового анализа нормативных актов позволяет выявить такие недостатки в нормативных актах, как: существующие пробелы в законах, нормативных указах Президента, нормативных актах федеральных органов исполнительной власти и других нормативных актах; коллизии (противоречия) между нормами, содержащимися в одном и разных нормативных документах; многочисленные не нужные ссылки и т.п.»¹⁰. Мониторинг необходим для сбора актуальной информации по имеющимся нормативным правовым актам, а также концепциям законов и экспертным заключениям¹¹.

На основании данных мониторинга делаются выводы о текущей ситуации и разрабатываются стратегии по дальнейшему усовершенствованию законодательства¹². Мониторинг может быть как внутренним, так и внешним. Мониторинг — это один из основных способов анализа данных для предотвращения и устранения коллизий.

⁹ Арзамасов Ю. Г., Наконечный Я. Е. Мониторинг в правотворчестве: теория и методология. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2009. С. 23.

¹⁰ Арзамасов Ю. Г., Наконечный Я. Е. Понятие и функции мониторинга нормативных актов // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 10. С. 37.

¹¹ См.: Арзамасов Ю. Г., Наконечный Я. Е. Концепция мониторинга нормативных правовых актов. М.: Юрлитинформ, 2011. С. 37, 82.

¹² См.: Научные концепции развития российского законодательства: монография. 7-е изд., доп. и перераб. / С. Е. Нарышкин, Т. Я. Хабриева, А. И. Абрамова и др.; отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Юриспруденция, 2015.

Причем на практике возможны ситуации, когда коллизии долгие годы могут «прятаться» в сложном массиве законодательства. Через время нормы права, содержащие в себе коллизии, конечно, могут быть отменены, но при этом сама коллизия может так и остаться не выявленной, о ее существовании можно так и не узнать. Соответственно, проанализировать, по каким причинам она возникла, и выработать превентивный механизм, то есть набор средств для избегания подобных коллизий, будет весьма затруднительно. На основе анализа практики, проведенного с помощью грамотного всестороннего мониторинга и вовремя выявленных коллизий, можно разработать эффективный механизм предотвращения и разрешения коллизий (например, принятие нового или отмена коллидирующего нормативного правового акта).

Процедура мониторинга помогает усовершенствовать законодательство. Усовершенствование национального законодательства — это правотворческий процесс, который связан с наиболее эффективным использованием законодательной техники и нацелен на «обеспечение средствами правотворческой политики единства нормативно-правового регулирования в Российской Федерации, создание целостной, непротиворечивой системы права в соответствии с потребностями поступательного развития современного российского общества»¹³.

В заключении необходимо отметить, что расчистка законодательства хоть и не является самостоятельной формой систематизации, но имеет важное значение в правоприменительной практике. Отсутствие нормы или отсутствие какого-либо кодифицированного нормативного правового акта не имеет столь неоднозначных последствий, как нагромождение и противоречивость действующего законодательства. В этой связи необходимость и актуальность расчистки выходит на первые планы, поскольку проведение этого мероприятия позволит усовершенствовать законодательство и более качественно проводить как оценку регулирующего, так и оценку фактического воздействия.

¹³ Малько А.В., Мазуренко А.П. Концепция правотворческой политики в Российской Федерации (проект). М.: МГЭИ, 2011. С. 5.

Список литературы:

1. Арзамасов Ю. Г., Наконечный Я. Е. Концепция мониторинга нормативных правовых актов. М.: Юрлитинформ, 2011.
2. Арзамасов Ю. Г., Наконечный Я. Е. Мониторинг в правотворчестве: теория и методология. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2009. 160 с.
3. Арзамасов Ю. Г., Наконечный Я. Е. Понятие и функции мониторинга нормативных актов // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 10.
4. Бабенко Л. Г. (ред.) Словарь синонимов русского языка. М.: Астрель, АСТ, 2011. 688 с.
5. Денисенко В. В. Коллизии правовых актов и способы их разрешения (теоретико-правовой аспект): монография. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. 131 с.
6. Концепция стабильности закона / Н. В. Варламова, О. А. Гаврилов, В. Б. Исаков, В. П. Казимирчук и др.; отв. ред. В. П. Казимирчук. М.: Проспект, 2000. 176 с.
7. Качество законодательства и проблемы юридической техники: Материалы семинара с участием руководителей правовых служб законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Москва, 15 октября 2015 года. М.: Издание Государственной Думы, 2016. 272 с.
8. Малько А. В., Мазуренко А. П. Концепция правотворческой политики в Российской Федерации (проект). М.: МГЭИ, 2011. 34 с.
9. Научные концепции развития российского законодательства: монография. 7-е изд., доп. и перераб. / С. Е. Нарышкин, Т. Я. Хабриева, А. И. Абрамова и др.; отв. ред.: Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Юриспруденция, 2015. 544 с.
10. Систематизация законодательства в Российской Федерации / под ред. А. С. Пиголкина. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 382 с.
11. Сорокин Ю. В. Правовая природа и сущность понятия «Юридическая коллизия» // Пробелы в российском законодательстве. 2013.
12. Тихомиров Ю. А. Коллизионное право. Учебное и научно-практическое пособие. М.: Юринформцентр, 2000. 394 с.
13. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2013. 800 с. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Search/Period?type=daily> (дата обращения: 12.10.2022).

Ревнов Борис Александрович

канд. юрид. наук, доц. кафедры конституционного и административного права
Юридического института, Россия, Санкт-Петербург

ВОПРОСЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые проблемные вопросы систематизации правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации. Обозначается рабочее определение данного юридического феномена и предлагаются возможные варианты классификации правовых позиций с акцентом на практическое применение данного института. Раскрываются некоторые аспекты правовой природы правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, усложняющие систематизацию. Также анализируется деятельность самого Конституционного Суда Российской Федерации в вопросах систематизации собственных правовых позиций.

Ключевые слова: правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и их классификация, систематизация правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, конституционное судопроизводство и правосудие, решения Конституционного Суда Российской Федерации.

Перед тем, как рассуждать о проблемных аспектах систематизации столь сложного и многоаспектного правового явления, как правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, следует дать ему некое рабочее определение, тем более что легальной дефиницией данный правовой институт не обладает.

В разное время предпринимались многочисленные попытки дать теоретическую дефиницию термину «правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации» как теоретиками, так и практиками, среди которых: Н. С. Бондарь¹, Н. В. Витрук², Г. А. Гаджиев³,

¹ См.: Бондарь Н. С. Конституция, конституционный контроль и социальные противоречия современного общества // Журнал российского права. 2003. № 11. С. 60.

² См.: Витрук Н. В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, природа юридическая сила и значение / Конституционное право: восточноевропейское обозрение № 3 (28) М.: Институт права и публичной политики, 1999. С. 95.

³ См.: Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный) / Ю. А. Андреева, В. В. Балытников, Н. С. Бондарь и др.; под ред. Г. А. Гаджиева. М.: Норма: Инфра-М, 2012. С. 100.

С. П. Маврин⁴, В. А. Сивицкий⁵, Л. В. Лазарев⁶, Н. А. Богданова⁷, П. В. Батури⁸, В. О. Лучина, М. Г. Моисеенко⁹, В. Н. Филиппов¹⁰, Е. А. Ершова¹¹, и др.

Сам Конституционный Суд Российской Федерации на своем официальном сайте отмечает, что в научной литературе есть разные определения «правовых позиций Конституционного Суда». Однако при составлении собственных подборок правовых позиций в таком качестве рассматривает высказанные в постановлениях и определениях аргументированные суждения и относительно содержания положений Конституции Российской Федерации, и относительно конституционного смысла положений нормативных правовых актов. Они имеют значение в деятельности самого Конституционного Суда как основания принимаемых им в дальнейшем решений. Также они являются ориентиром для нормотворческих органов и правоприменителей¹².

Целью данной статьи не ставится выявить лучшую дефиницию исследуемого весьма непростого понятия, потому, не вдаваясь в глу-

⁴ См.: Маврин С. П. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: природа и место в национальной правовой системе // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 6. С. 23.

⁵ Сивицкий В. А. Юридическая сила решений Конституционного Суда Российской Федерации // Юридический мир. 2000. № 9. С. 50.

⁶ См.: Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М., 2008. С. 75.

⁷ Богданова Н. А. Конституционный Суд Российской Федерации в системе конституционного права / Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. № 3. С. 63.

⁸ См.: Батури П. В. Правовые позиции в конституционном судопроизводстве и проблемы применения международно-правовых норм. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. С. 7.

⁹ См.: Лучин В. О., Моисеенко М. Г. Формирование правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации по проблемам конституционного права // Теоретические проблемы российского конституционализма. М., 2000. С. 57–58.

¹⁰ См.: Филиппов В. Н. Влияние позиций Конституционного Суда РФ на законодательные нормы о составе МРОТ // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. № 2. С. 30–33.

¹¹ См.: Ершова Е. А. Юридическая природа правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации // Российский судья. 2005. № 2. С. 9–15.

¹² См.: официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/ExtPos.aspx> (дата обращения: 17.08.2022).

бокие детали, примем предложенное самим Конституционным Судом Российской Федерации определение с небольшими рабочими дополнениями, для наглядности и упрощения отграничения того, что следует понимать именно под «правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации». Первым таким дополнением будет отсылка к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации: Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации всегда содержит ту информацию, которую только Конституционный Суд Российской Федерации может изложить в официальном документе (например: суждение о конституционности, не являющееся выводом, в том числе в конструкции «от противного», утверждение о конституционной допустимости того или иного явления).

Примером первого служит правовая позиция, состоящая первоначально из рассуждений — толкований права о том, за что предполагается, а за что не предполагается привлечение к административной ответственности за нецелевое использование земельного участка (ч. 1 ст. 18.8 КоАП Российской Федерации) с учетом ряда дополнительных обстоятельств, связанных как с конкретной ситуацией заявителя, являющегося религиозной организацией, так и с типичной ситуацией, в которую может попасть любой иной субъект, оказавшийся на его месте. После создается умозаключение о том, что «иное толкование законоположений влекло бы нарушение провозглашенных в статье 28 Конституции Российской Федерации фундаментальных прав и свобод, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию, а также вело бы — в противоречии с ее статьей 55 (ч. 3) — к неоправданному ограничению права собственности, гарантируемого статьей 35 Конституции Российской Федерации»¹³. По сути, данное высказывание в описываемом конкретном случае в весомой доле и делает из толкования правовую позицию.

¹³ См.: Абз. 2–4 п. 3 мотивировочной части Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2020 года № 3-О «По жалобе Централизованной религиозной организации “Религиозная ассоциация Церкви Иисуса Христа Святых последних дней в России” на нарушение конституционных прав и свобод частью 1 статьи 8.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пунктом 2 статьи 7 и абзацем вторым статьи 42 Земельного кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2020. № 2.

Для примера второго случая вспоминается уже почти классика: «сборы, как и налоги, являются конституционно допустимым платежом публичного характера, уплачиваемым в бюджет в силу обязанности, установленной законом»¹⁴.

Также правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации следует отличать от толкования законодательства, данное Конституционным Судом Российской Федерации. В широком смысле создание правовых позиций, безусловно, к толкованию права относится, однако в узком смысле не следует между двумя данными явлениями ставить знак равенства, так как толкованием законодательства занимаются в пределах своих полномочий любые правоприменители, и для толкования права судебный акт Конституционного Суда Российской Федерации, в сущности, не обязателен. Безусловно, в своих решениях Конституционный Суд Российской Федерации использует толкование права, как и любой суд, что является по сути своей «авторитетным пересказом» норм права, однако, как правило, правовой позицией не является.

Как правило, не является правовыми позициями и выводы, содержащиеся в резолютивных частях решений Конституционного Суда Российской Федерации. Данный вывод основан как на анализе подборок правовых позиций¹⁵, содержащийся на официальном сайте Конституционного Суда Российской Федерации — выводов из резолютивной части ни одна из подборок не содержит, так и на многочисленных ссылках в решениях Конституционного Суда Российской Федерации, в которых различаются правовые позиции и выводы¹⁶.

¹⁴ См.: Абз. 4 п. 5 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2006 года № 2-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “О связи” в связи с запросом Думы Корякского автономного округа» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2006. № 3.

¹⁵ См.: Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/ExtPos.aspx> (дата обращения: 10.10.2022).

¹⁶ См., напр.: Абз. 3 п. 3 (ссылка на правовую позицию) и абз. 2 п. 3.1 (ссылка на вывод) мотивировочной части Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 года № 1246-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы региональной общественной организации “Молодежный центр поэзии, музыки и кулинарного искусства” и гражданки Насоновой Натальи Андреевны на нарушение конституционных прав и свобод положениями частей третьей, четвертой и пятой статьи 29 Федерального закона “Об

Теперь, имея определенное «рабочее» понимание того, что мы собираемся систематизировать (классифицировать), осталось ответить еще на два важных практических вопроса: зачем систематизировать и как систематизировать.

Ответ на первый вопрос несложный: любые обязательные¹⁷ к применению юридические конструкции, к которым относятся и правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, проще применять, имея определенную базу, систему, ранжированный список, позволяющий с минимальными усилиями найти искомое, относимое к конкретному случаю (а заодно и ответить на вопрос о том, есть ли это искомое в природе). Второй же вопрос, несомненно, является более сложным.

Точное число правовых позиций, выраженных Конституционным Судом Российской Федерации, назвать сложно, однако по очень примерным представлениям оно составляет несколько тысяч. Какие-то из этих позиций устарели, какие-то видоизменились, какие-то являются скорее дополнением, расширением либо просто пересказом, иными словами, ранее выраженных правовых позиций, что только прибавляет сложностей при их классификации.

Сами по себе вопросы систематизации в целом и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации в частности носят в весомой своей части теоретический характер. Различные классификации правовых позиций предложены в работах целой плеяды ученых правоведов, среди которых В. В. Бриксов, Н. В. Витрук, С. А. Кажлаев¹⁸, В. А. Кряжков, О. Н. Кряжкова, Л. В. Лазарев¹⁹, М. С. Саликов, Б. А. Страшун, О. В. Романова, Б. С. Эбзеев

общественных объединениях» // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 10.10.2022).

¹⁷ П. 2 мотивировочной части Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 5 июня 2003 года № 276-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2003. № 6; Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 10.10.2022).

¹⁸ См.: Кажлаев С. А. Генезис и способы универсализации правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации. Автореф. дис ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2006. С. 7–8.

¹⁹ См.: Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России. С. 78.

и др.²⁰. Анализировать все теоретические подходы к этому вопросу в формате одной статьи — бесплодная попытка объять необъятное, потому есть смысл сфокусироваться на практической стороне вопроса, тем более что в последнее время самим Конституционным Судом Российской Федерации воплощены в жизнь несколько весомых проектов, облегчающих систематизацию правовых позиций.

Первое, о чем хотелось бы сказать в этом ключе, — это о появлении подборок правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации на официальном сайте (также и в справочно-правовой системе «КонсультантПлюс»). Они представляют собой информационно-тематическую выборку правовых позиций по конкретным темам, определенных в соответствии с критерием общественной значимости, возможного интереса для широкого круга граждан, расположены в алфавитном порядке: от «Алиментных правоотношений» до «Уважения частной и семейной жизни». Их состав периодически пополняется, на момент подготовки данной статьи их 48, в каждом из которых содержится пара-тройка десятков наиболее важных и актуальных правовых позиций по обозначенной тематике.

Подборки не претендуют на отображение исчерпывающего состава правовых позиций по соответствующей теме: представлены наиболее значимые, по мнению составителей, из них. Решения Конституционного Суда Российской Федерации, в которых содержатся правовые позиции по отдельным вопросам, даны в хронологическом порядке. В основном упор сделан на правовые позиции последнего времени, хотя нередко они имеют основу в более ранних решениях²¹.

Еще одна новелла в вопросах систематизации правовых позиций связана с появлением на официальном сайте Конституционного Суда Российской Федерации классификатора прав, свобод и обязанностей в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации. Данный классификатор пересекается с тематическими подборками, указанными выше, однако представляет собой пример

²⁰ См.: Кряжкова О. Н. Правовые позиции Конституционного Суда российской Федерации: теоретические основы и практика реализации судами России. М.: Формула права, 2006. С. 48–146.

²¹ См.: Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/ExtPos.aspx> (дата обращения: 10.10.2022).

значительно более объемной систематизации: на момент подготовки статьи в классификаторе содержится более двух тысяч правовых позиций. Кроме того, в отличие от «статичных» подборок правовых позиций, классификатор обновляется постоянно, новые правовые позиции добавляются в него по мере принятия Конституционным Судом Российской Федерации соответствующих решений.

Однако и данный классификатор не претендует на исчерпанность. Во-первых, его наполнение ограничено собственно наименованием: все содержащиеся там правовые позиции посвящены правам, свободам и обязанностям граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства, объединениям граждан (в том числе юридических лиц — как частный случай объединения) и т. п. То есть, к примеру, правовых позиций, посвященных организации и функционированию государственной власти или органов местного самоуправления, в этом классификаторе нет, если только они не являются тесно связанными с правами, свободами и обязанностями физических лиц и их объединений.

Однако появление данных «аутентичных» классификаторов — уже существенное продвижение вперед в сравнении с тем, что ранее десятилетиями не предпринималось попыток создать в публичном свободном доступе какую-либо официальную систему классификации.

Вместе с тем проблема исчерпывающей систематизации правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации остается далекой от разрешения. Этому препятствуют сразу несколько факторов, связанных с правовой природой самих правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации.

Один из главных вопросов, препятствующих исчерпывающей систематизации правовых позиций, — в выборе корректного основания для подобной систематизации, которое позволяло бы определить каждую правовую позицию в единственное актуальное, отведенное лишь ей место в системе систематизации, с одной стороны, исключающее повторы, дублирование таких мест, с другой — имеющее удобоваримое практическое применение.

Простейшая классическая дихотомия, которую мы можем наблюдать у большинства исследователей, мало помогает в этом вопросе. В качестве одного из многочисленных примеров подобных классификаций — одно из самых очевидных делений на материаль-

но-правовые и процессуально-правовые²², раскрывающие, конкретизирующие, дополняющие вопросы права или процесса соответственно. Однако на практике подобное деление нам мало что дает, пусть и в неравной мере, но абсолютно все субъекты в пределах своих полномочий в той или иной степени могут использовать оба вида правовых позиций, потому данная классификация более полезна теоретикам, нежели практикам. Более того, в один вид позиций, классифицированных по такому признаку, попадают совершенно разные правовые позиции, как по объему, так и по содержанию, что лишает подобное деление существенной практической значимости.

Например, ставшая уже почти хрестоматийной правовая позиция о том, что, «согласно Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод; никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом (статья 46, часть 1; статья 47, часть 1); из перечисленных статей Конституции Российской Федерации не следует возможность выбора гражданином по своему усмотрению порядка и процедуры обжалования судебного решения; их особенности применительно к отдельным стадиям судопроизводства определяются, исходя из Конституции Российской Федерации, федеральным законом»²³, — относится ко всем видам судопроизводства и чрезвычайно широка, в то время как правовая позиция об обязанности судов исследовать и оценивать реальные обстоятельства, не ограничиваясь установлением лишь формальных оснований применения закона, когда речь идет об институтах, связанных с прекращением пребывания или проживания иностранного гражданина в Российской Федерации, чтобы признать соответствующие решения в отношении иностранного

²² См.: Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России. С. 78.

²³ См.: П. 3 мотивировочной части Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июня 2007 года № 434-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Косаревой Татьяны Михайловны на нарушение ее конституционных прав положениями пункта 2 статьи 278 Трудового кодекса Российской Федерации и статьи 367 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, а также ее ходатайства о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 15 марта 2005 года № 3-П» // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 10.10.2022).

гражданина необходимыми и соразмерными²⁴, существенно уже. Однако обе позиции, хотя и в разной мере, конкретизируют статью 46 Конституции Российской Федерации. Дальнейшее деление на подвиды, исходя из отраслей права, также не будет являться панацеей — останется достаточно много общих правовых позиций, носящих межотраслевой характер.

Идущие по тому же пути многочисленные правоведы также делят правовые позиции на императивные и диспозитивные, «рожденные» из постановлений и из определений Конституционного Суда Российской Федерации; общие и частные, посвященные Конституции Российской Федерации и отраслевому законодательству скрытые («неформальные») и формализованные и др. (С учетом того, что некоторые авторы по-разному понимают суть исследуемого явления, подобные многочисленные классификации точно не добавляют определенности и не упрощают систематизацию явления.)

Иной вариант классификации — с привязкой к конкретным статьям Конституции Российской Федерации, так как любая правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации в конечном счете конкретизирует ту или иную статью Конституции Российской Федерации. Однако в этом случае практически сразу обнаруживается проблема повторов: сравнив положения хотя бы первых двух глав Конституции Российской Федерации, становится очевидной объективная невозможность сопоставить правовые позиции только с одной конституционной нормой, а исключение в этом вопросе лишь подтверждает правило (*exceptio probat regulam in casibus non exceptis*).

Даже сами по себе правовые позиции нередко содержат ссылки сразу на несколько статей Конституции Российской Федерации. Например: [...] «поскольку обыск в жилище, как правило, в равной мере ограничивает права как лиц, в отношении которых судебным решением санкционируется его проведение, так и иных лиц, про-

²⁴ См.: Абз. 3 п. 2 мотивировочной части Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 25 октября 2018 года № 2530-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Республики Азербайджан Шукурова Новруза Али оглы на нарушение его конституционных прав частью 1.1 статьи 18.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.krsf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 10.10.2022).

живающих в жилом помещении, подвергнутом обыску, судебная защита прав и законных интересов, являющаяся гарантией реализации конституционного права на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями органов государственной власти или их должностных лиц, должна быть обеспечена обеим категориям пострадавших лиц; иное нарушало бы закрепленные Конституцией Российской Федерации права на неприкосновенность жилища (статья 25) и частной жизни (статья 23), а также право на судебную защиту (статья 46)²⁵».

Попытка в данном случае ранжировать влияние «основной» статьи Конституции Российской Федерации приведет к еще большим проблемам (и это при том, что мы оставили за скобками тезис о том, что такое ранжирование неправильно по своей сути). Таким образом, при всей теоретической значимости подобной классификации, на практике она мало состоятельна.

Возможен и обратный подход к классификации — в зависимости от нормы отраслевого регулирования, к которой относится правовая позиция. На первый взгляд весьма заманчивый путь, тем более что уже имеется классификатор правовых актов, который, в сущности, и принят в целях унификации банков данных правовой информации, а также обеспечения автоматизированного обмена правовой информацией между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами прокуратуры Российской Федерации и органами местного самоуправления²⁶. Степень конкретизации правовых актов, установленная данным классификатором, значительно более высока, однако и она не спасает от проблемы повторов, хоть и в существенно менее заметной, но отнюдь не меньшей степени. К тому же классификатор в одном ряду с узким отраслевым регу-

²⁵ См.: Абз. 4 п. 2.2. мотивировочной части Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 2 ноября 2011 года № 1463-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Денисенко Людмилы Ивановны на нарушение ее конституционных прав статьями 1069 и 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 10.10.2022).

²⁶ См.: Преамбула Указа Президента Российской Федерации от 15 марта 2000 года № 511 «О классификаторе правовых актов» // Собрание законодательства Российской Федерации, 20 марта 2000 года. № 12, ст. 1260.

лированием ставит и вопросы конституционного строя, в том время как правовые позиции — это скорее «мостик», конкретизирующий и связывающий как нормы Конституции Российской Федерации, так и нормы отраслевого законодательства, при том что конституционные нормы правовыми позициями конкретизируются всегда.

В итоге использование в качестве основания систематизации правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации классификатора правовых актов представляет собой что-то вроде попытки поместить квадрат в треугольную форму: может и сойдется, но точно не совпадет, соответственно либо подобная систематизация будет снабжена логически не совсем верными оговорками, либо не будет претендовать на исчерпанность. Ни то ни другое практически удобоваримыми и универсальными вариантами не представляется.

Существует и промежуточный вариант. Тот, который, по сути, выбрал и сам Конституционный Суд Российской Федерации: систематизация по правовым институтам, держа в уме все проблемы, связанные с определением того, что следует понимать под правовым институтом для этих целей, чтобы объем и содержание ранжированных по такому принципу правовых позиций были соизмеримы и сопоставимы. Данный способ, как показывает практика, позволяет весьма успешно систематизировать часть, выборку правовых позиций, посвященную конкретным, интересующим вопросам.

Вместе с тем названные способы систематизации, с учетом обозначенных проблемных аспектов, отнюдь не являются нерабочими, однако они не претендуют на всеобъемлемость. Что же до всеобъемлющей системы классификации, которая будет носить не только теоретическое значение, но и являться весомым практическим подспорьем для лиц, решивших воспользоваться информацией, содержащейся в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации, — она еще ждет своего часа.

Список литературы:

1. Указ Президента Российской Федерации от 15 марта 2000 года № 511 «О классификаторе правовых актов» // Собрание законодательства Российской Федерации, 20 марта 2000 года. № 12, ст. 1260.
2. Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2006 года № 2-П «По делу о проверке конституцион-

- ности отдельных положений Федерального закона “О связи” в связи с запросом Думы Корякского автономного округа» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2006. № 3.
3. Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2020 года № 3-О «По жалобе Централизованной религиозной организации “Религиозная ассоциация Церкви Иисуса Христа Святых последних дней в России” на нарушение конституционных прав и свобод частью 1 статьи 8.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пунктом 2 статьи 7 и абзацем вторым статьи 42 Земельного кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2020. № 2.
 4. Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 25 октября 2018 года № 2530-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Республики Азербайджан Шукурова Новруза Али оглы на нарушение его конституционных прав частью 1.1 статьи 18.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 10.10.2022).
 5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 года № 1246-О «об отказе в принятии к рассмотрению жалобы региональной общественной организации “Молодежный центр поэзии, музыки и кулинарного искусства” и гражданки Насоновой Натальи Андреевны на нарушение конституционных прав и свобод положениями частей третьей, четвертой и пятой статьи 29 Федерального закона “Об общественных объединениях”» // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 10.10.2022).
 6. Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 2 ноября 2011 года № 1463-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Денисенко Людмилы Ивановны на нарушение ее конституционных прав статьями 1069 и 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 10.10.2022).
 7. Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июня 2007 года № 434-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Косаревой Татьяны Михайловны на нарушение ее конституционных прав положениями пункта 2 статьи 278 Трудового кодекса Российской Федерации и статьи 367 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, а также ее ходатайства о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июня 2007 года № 434-О-О» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2007. № 3.

- Федерации от 15 марта 2005 года № 3-П» // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 10.10.2022).
8. Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 5 июня 2003 года № 276-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2003. № 6; Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 10.10.2022).
 9. Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/ExtPos.aspx> (дата обращения: 10.10.2022).
 10. *Батурин П. В.* Правовые позиции в конституционном судопроизводстве и проблемы применения международно-правовых норм. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. 25 с.
 11. *Богданова Н. А.* Конституционный Суд Российской Федерации в системе конституционного права // Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. № 3.
 12. *Бондарь Н. С.* Конституция, конституционный контроль и социальные противоречия современного общества // Журнал российского права. 2003. № 11.
 13. *Витрук Н. В.* Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, природа юридическая сила и значение // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1999. № 3 (28).
 14. *Ершова Е. А.* Юридическая природа правовых позиций конституционного Суда российской Федерации // Российский судья. 2005. № 2.
 15. *Кажлаев С. А.* Генезис и способы универсализации правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации. Автореф. дис ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2006.
 16. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный) / Ю. А. Андреева, В. В. Балытников, Н. С. Бондарь и др.; под ред. Г. А. Гаджиева. М.: Норма; Инфра-М, 2012. 672 с.
 17. *Кряжкова О. Н.* Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: теоретические основы и практика реализации судами России. М.: Формула права, 2006. 152 с.
 18. *Лазарев Л. В.* Правовые позиции Конституционного Суда России. М., 2008. 688 с.
 19. *Лучин В. О., Моисеенко М. Г.* Формирование правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации по проблемам кон-

ституционного права // Теоретические проблемы российского конституционализма. М., 2000.

20. *Маврин С. П.* Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: природа и место в национальной правовой системе // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 6.
21. *Сивицкий В. А.* Юридическая сила решений Конституционного Суда Российской Федерации // Юридический мир. 2000. № 9.
22. *Филиппов В. Н.* Влияние позиций Конституционного Суда Российской Федерации на законодательные нормы о составе МРОТ // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. № 2.

Окунева Марина Олеговна

канд. юрид. наук, доц. кафедры теории и истории государства и права
Московского гуманитарного университета, Россия, Москва

УЧАСТИЕ АКАДЕМИИ НАУК СССР В СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В КОНЦЕ 50-Х — 70-Е ГГ.*

Аннотация: В статье на основе ранее не опубликованных архивных материалов из фондов Государственного архива РФ рассматривается участие Академии наук СССР в систематизации законодательства конца 1950–1970-х гг. Выделены три формы такого участия: во-первых, участие сотрудников Академии наук, прежде всего Института права (позднее — Института государства и права), в систематизации общесоюзного законодательства путем привлечения к деятельности Комиссий законодательных предположений палат Верховного совета СССР по разработке проектов Основ законодательства Союза ССР и союзных республик и различных отраслевых законодательных актов, а также к систематизации республиканского законодательства; во-вторых, участие Института государства и права и Академии наук СССР в целом в разработке проекта Конституции СССР 1977 года (особое внимание уделено разработке положений Конституции о науке); в-третьих, обсуждение законопроектов в Доме ученых Академии наук, в ходе которого члены АН СССР выступали уже не в качестве специалистов и научных работников, а в качестве заинтересованных граждан.

Ключевые слова: Академия наук СССР, Институт государства и права АН СССР, систематизация законодательства, советское право, Конституция СССР 1977 г.

Первый наиболее известный и традиционный формат работы — участие специализированного института Академии наук (Институт права, с 1959 г. — Институт государства и права). Наряду с ВИЮН (ВНИИСЗ) Институт занимал одно из важнейших мест среди научных учреждений, занимавшихся проблемами систематизации законодательства¹. Его сотрудники принимали активное участие в разработке законопроектов на протяжении всех работ по систематизации законодательства конца 1950–1970-х гг.², в подготовке проектов общесоюзных отраслевых Основ законодательства и республиканских кодексов. Институт выступал инициатором об-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-43026 «Правовая политика Советского государства в сфере развития науки».

¹ Яцук Т. Ф. Роль Всесоюзного института юридических наук — Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства в проведении систематизации законодательства в советский период // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 7. С. 147–163. <https://doi.org/10.12737/jrl.2022.079>

² Яцук Т. Ф. Систематизация российского законодательства в советский период. Омск, 2021. С. 310, 316, 317, 325–327, 344.

суждения концептуальных проблем, вытекающих из необходимости кодификации отраслевых норм³. На базе Института прошли научные конференции⁴, сотрудники Института стали авторами и соавторами научных трудов, посвященных различным аспектам систематизации законодательства⁵.

Сотрудники Института права Академии наук СССР входили в состав подкомиссий по разработке проектов отдельных законодательных актов⁶. Так, Р.О.Халфина вошла в состав подкомиссии по разработке проекта Закона о государственном промышленном предприятии, Н.Д.Дурманов — в состав подкомиссии по разработке проекта Закона о повышении роли общественности в борьбе с нарушениями советской законности и правил социалистического общежития.

Сотрудники Института составляли достаточно значительное число среди ученых, привлекавшихся к законопроектной работе. Так, из 90 научных и практических работников, которые должны были принять участие в обсуждениях проектов Закона об отзыве депутата ВС СССР, Закона о бюджетных правах СССР и союзных республик, Закона о повышении роли общественности в борьбе с нарушениями советской законности, Закона о государственном промышленном предприятии, Основ гражданского судопроизводства в Комиссии законодательных предположений Совета Союза и Со-

³ Яцук Т.Ф. Систематизация российского законодательства в советский период. С. 309–310.

⁴ Научная сессия, посвященная теоретическим вопросам систематизации советского законодательства. Тезисы докладов и сообщений. М., 1961; Савенков А.Н. Государство. Право. Институт: 95 лет истории в лицах // Государство и право. 2020. № 3. С. 14.

⁵ См., напр.: Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / Е.И. Астрахан, З.С. Беляева, С.Н. Братусь, И.Л. Брауде и др.; под ред.: С.Н. Братусь, И.С. Самощенко. М.: Госюриздат, 1962; Развитие кодификации советского законодательства / С.Н. Братусь, К.П. Горшенин, П.Ф. Елисейкин, В.Н. Иванов и др.; отв. ред.: С.Н. Братусь. М.: Юридическая литература, 1968; Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР / Под ред. чл.-корр. Акад. наук СССР С.А. Голунского. М.: Госюриздат, 1959; Вопросы кодификации водного законодательства Союза ССР и союзных республик / Отв. ред. Г.А. Аксененко, В.И. Корецкий. М.: Госюриздат, 1963; Пашерстник А.Е. Теоретические вопросы кодификации общесоюзного законодательства о труде / Отв. ред.: А.С. Краснопольский. М.: Изд-во АН СССР, 1955.

⁶ ГА РФ. Ф.Р-7523. Оп. 45. Д. 283. Л. 59.

вета Национальностей в Комиссии законодательных предположений Совета Союза и Совета Национальностей и на третьей сессии Верховного Совета СССР, 19 были сотрудниками Института права Академии наук СССР⁷.

Участие сотрудников Института в законопроектной работе инициировалось законодательными органами и требовало достаточно больших затрат времени. Так, для завершения работы над проектом Закона о повышении роли общественности в борьбе с нарушениями советской законности и правил социалистического общежития заведующие секретариатами постоянных комиссий Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР просили директора Института права П. С. Ромашкина направить члена подкомиссии по разработке проекта, сотрудника Института профессора Н. Д. Дурманова в Секретариаты⁸. В письме на имя директора Института права Академии наук заведующий секретариатом постоянных комиссий Совета Национальностей сообщал, что «старший научный сотрудник Института права тов. Пискотин М. И. с апреля по октябрь принимал активное участие в работе подкомиссии Комиссий законодательных предположений палат по подготовке проекта Закона о бюджетных правах Союза ССР и союзных республик.

Являясь членом редакционной группы подкомиссии, тов. Пискотин М. И. в период с 3 по 31 октября с. г. был ежедневно занят подготовкой материалов по названному законопроекту в связи с рассмотрением его на третьей сессии Верховного Совета СССР»⁹.

Сотрудники Института неоднократно удостоивались благодарности законодательных органов за свой добросовестный труд. Так, решением Комиссий законодательных предположений Совета Союза и Совета Национальностей за активную и плодотворную работу по подготовке проектов общесоюзных законов, принятых Верховным Советом СССР на второй сессии 25 декабря 1958 года, была объявлена благодарность следующим научным работникам Института

⁷ Список членов подкомиссий, приглашаемых на заседание Комиссий законодательных предположений Совета Союза и Совета Национальностей 26 октября 1959 года // ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 45. Д. 283. Л. 59; Список научных и практических работников на получение гостевых билетов на третью сессию Верховного Совета СССР // Там же. Л. 61–70.

⁸ Там же. Л. 111.

⁹ Письмо Директору Института права АН СССР тов. Ромашкину П. С. от 14 ноября 1959 г. // ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 45. Д. 283. Л. 74.

права Академии наук СССР: С. А. Голунскому — члену-корреспонденту Академии наук СССР, доктору юридических наук, профессору, С. Л. Зивсу — кандидату юридических наук, старшему научному сотруднику Института, В. М. Чхиквадзе — доктору юридических наук, профессору, заместителю директора Института¹⁰. За активное участие в подготовке проектов общесоюзных законов, принятых Верховным Советом СССР на третьей сессии, благодарность была объявлена заведующему сектором конституционных проблем социалистических государств Института В. Ф. Котоку, старшим научным сотрудникам Д. А. Гайдукову, И. Д. Левину, М. И. Пискотину¹¹.

Сотрудники Института принимали активное участие и в обсуждении законопроектов на научных конференциях, совещаниях государственных и общественных организаций¹². Так, например, в обсуждении проектов Закона о повышении роли общественности в борьбе с нарушениями советской законности и правил социалистического общежития, Примерного положения о товарищеских судах и Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних приняли участие сотрудники Института профессора А. А. Пионтковский, М. С. Строгович, С. А. Голунский, научный сотрудник С. Г. Березовская¹³.

Активно участвовали представители Института и в процессе систематизации законодательства союзных республик, и не только РСФСР. Так, при юридическом отделе Президиума Верховного Со-

¹⁰ Письмо Президенту Академии наук СССР тов. Несмеянову А. Н. 16 января 1959 г. // Там же. Л. 17.

¹¹ Там же. Л. 74, 102–105.

¹² См., напр.: Труды научной сессии, посвященной сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции, 21–23 октября 1957 г.: Выпуск III: Секция уголовного права и уголовного процесса // Всесоюзный институт юридических наук. М., 1958; Научная конференция, посвященная вопросам кодификации советского республиканского законодательства. Тезисы докладов М., 1957; Материалы республиканского совещания научных и руководящих практических работников органов юстиции по вопросам кодификации гражданского, гражданского процессуального и трудового законодательства, 8–9 декабря 1959 г. М., 1960; *Грачева В. А.* Совещание по вопросам кодификации и систематизации законодательства // Советское государство и право. 1968. № 11. С. 144–146; *Москвин С. С., Романов Р. М.* Конференция по вопросам систематизации республиканского законодательства // Советское государство и право. 1966. № 3. С. 137–138.

¹³ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 45. Д. 341.

вета СССР по просьбе Президиумов Верховных советов Казахской и Узбекской союзных республик была организована консультация для представителей республик по проектам. Законопроекты рассматривались группой специалистов в области судостроительства и уголовного судопроизводства — представителей ведомств и научных учреждений, в состав группы входили от Института права Академии наук С. Л. Зивс и М. С. Строгович¹⁴.

Был также интересный опыт проведения открытых заседаний и обсуждений законопроекта с участием представителей общественности. Так, 1 декабря 1959 г. на Московском трубном заводе состоялось заседание Ученого совета Института права Академии наук СССР с участием рабочих и служащих завода, а также практических работников органов суда, прокуратуры и милиции, посвященное обсуждению проекта Закона о повышении роли общественности в борьбе с нарушениями советской законности и правил социалистического общежития, проектов Примерного положения о товарищеских судах и Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних. Ученый совет Института права АН СССР счел необходимым довести замечания и предложения, высказанные в ходе этого мероприятия, до сведения Комиссий законодательных предположений Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР¹⁵.

В работе над проектами отраслевых законодательных актов принимали участие не только ученые-юристы. Так, благодарность палат Верховного Совета СССР за активное и плодотворное участие в разработке проекта Закона о бюджетных правах Союза ССР и союзных республик получили доктор экономических наук, директор Института экономики Академии наук СССР К. Н. Плотников и сотрудник того же института, член-корреспондент Академии наук СССР В. П. Дьяченко (который также входил в состав подкомиссии по разработке проекта Закона о бюджетных правах Союза ССР и союзных республик)¹⁶.

Таким образом, Институт государства и права АН СССР принимал активное участие в систематизации отраслевого законодательства на всех этапах: от разработки концептуальных научных ос-

¹⁴ О проектах законов о судостроительстве и уголовно-процессуальных кодексов Казахской и Узбекской ССР // ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 45а. Д. 47. Л. 13.

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 45. Д. 341. Л. 54–59.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 45. Д. 283. Л. 59, 99.

нов до редакционной правки готового законопроекта. Как и ВИЮН (ВНИИСЗ), Институт поддерживал различные формы научной коммуникации, выступая инициатором научных конференций и принимая участие в научно-практических мероприятиях¹⁷. Специалисты Института участвовали и в разработке республиканских кодификационных актов.

Следующей формой участия Академии наук СССР в законотворческой деятельности стала работа над проектом новой Конституции СССР. Здесь можно выделить две формы участия. Во-первых, уже традиционная разработка различных норм будущей Конституции с участием ученых-юристов, разумеется, не могла обойтись без ведущих специалистов Института государства и права. С самого начала работы над проектами в состав комиссий входили представители Института. Так, уже в 1963 г. разработку норм раздела будущей Конституции о государственном устройстве, организации и деятельности государственных органов вели В. Ф. Коток, Д. А. Гайдуков, Н. П. Фарберов, Н. Г. Салищева, Б. М. Лазарев¹⁸. Институт государства и права проводил и инициативную работу над разделами проекта¹⁹.

Предложения по проекту Конституции СССР поступали как от Института государства и права, так и от Академии наук СССР в целом²⁰. Предложения и поправки, вносимые Институтом госу-

¹⁷ Яцук Т. Ф. Роль Всесоюзного института юридических наук — Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства в проведении систематизации законодательства в советский период. С. 159.

¹⁸ Запись беседы с группой ученых-юристов и работников аппарата Президиума, привлеченных к работе над проектом новой Конституции 11 апреля 1963 г. // ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 19. Л. 133–135; Протокольная запись беседы Л. И. Брежнева с группой ученых-юристов, привлечавшихся к работе над проектом раздела новой Конституции СССР 15.IV.1963 // ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 21. Л. 49.

¹⁹ Докладная записка на имя тов. Георгадзе М. П. зам. директора института Государства и права АН СССР «О некоторых вопросах совершенствования организации и деятельности местных Советов в свете решений ноябрьского Пленума» 12 января 1963 г. // ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 18. Л. 76–93.

²⁰ Справка о предложениях, поступивших от научных учреждений и ведомств в связи с подготовкой проекта новой Конституции // Там же. Л. 94–172; Совещание представителей некоторых научных учреждений и ведомств 15 августа 1962 г. // Там же. Л. 98; Объяснительная записка к возможным уточнениям, изменениям и дополнениям проекта Конституции СССР // ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 61. Л. 38–70; Материалы научных учреждений

дарства и права или его отдельными сотрудниками, касались, как правило, различных вопросов государства и права (статус депутата, организация государственного управления, организация адвокатуры и т. д.). В частности, Институт государства и права внес важную поправку: предложил «в той или иной форме оговорить в ст. 6, что партия не подменяет государственные и хозяйственные органы, действует в соответствии с законом»²¹. Именно это предложение (с которым были солидарны и другие участники обсуждения проекта Конституции) легло в основу последнего абзаца статьи 6 Конституции СССР 1977 г.: «Все партийные органы действуют в рамках Конституции». При обсуждении этого предложения в Конституционной комиссии указывалось, что к замечаниям следует прислушаться, поскольку «нынешняя редакция ст. 6 дает повод для разговоров о том, что КПСС стоит над (подчеркнуто в документе. — М. О.) государством и вне Конституции. Эту тему активно использует империалистическая пропаганда»²².

Предложения же, внесенные от имени Академии наук СССР, должны были определить место и роль науки в обществе и государстве и закрепить ее конституционные основы. Это было второй, новой и важной формой участия Академии наук в законотворческом процессе. Впервые на уровне конституции должны были быть закреплены положения о науке как производительной силе общества, свобода научного творчества, целый ряд обязанностей государства в сфере развития науки и гарантий их исполнения. Так, в предложениях, внесенных Академией наук, предлагалось подчеркнуть роль науки в преамбуле и в ряде статей Конституции. Предлагалось «после абзаца, заканчивающегося словами “сочетание реальных прав и свобод человека с гражданской ответственностью” вставить абзац: “Это — зрелое социалистическое общество, развивающееся на научной основе, в котором наука является непосредственной производительной силой”». Предлагалось также «в названии третьей главы добавить слова “наука” и “образование” и именовать ее: “Социаль-

// ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 16. Л. 20–26; Предложения и замечания Института государства и права АН СССР к проекту Конституции СССР, 21 июля 1977 г. // ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 155. Л. 39–112; Предложения Академии наук СССР // ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 154. Л. 48–49.

²¹ Объяснительная записка к возможным уточнениям, изменениям и дополнениям проекта Конституции СССР // ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 61. Л. 43.

²² Там же.

ное развитие, образование, наука и культура»». Статью 26 проекта, определявшую обязанности государства в сфере развития науки, предлагалось дополнить следующим предложением: «Советское государство способствует международному научному сотрудничеству в интересах мира и социального прогресса человечества»²³. Еще одна поправка касалась статуса Президента Академии наук СССР²⁴. Вносились от имени Академии наук и редакционные поправки, и важная поправка, призванная подчеркнуть суверенитет союзных республик²⁵.

На завершающем этапе обсуждения проекта Конституции СССР Институт государства и права подготовил обобщение всех предложений и замечаний, высказанных на открытых партийных собраниях в группах, отделах и Институте, а также на заседаниях секций и Ученого совета Института²⁶. Решение партийного собрания Института от 8 июля 1977 г. «О проекте новой Конституции и задачах партийной организации» было, конечно, положительным и выражало полную поддержку проекта «брежневской» Конституции²⁷. Конкретные предложения включали в себя ряд важных дополнений, касавшихся конституционно-правового закрепления основ государственной научной политики. Так, предлагалось добавить указание на то, что «научно обоснованное рациональное использование» природных ресурсов, воспроизводство природных богатств, улучшение окружающей среды являются важной функцией государства и делом всего народа²⁸. Впервые именно в замечаниях Института государства и права прозвучало предложение «выделить в отдельные главы и детально разработать *конституционные основы* (выделено нами. — М. О.) развития науки, культуры, народного образования и здравоохранения»²⁹. Были и поправки к статье 26: предлагалось «в проекте Конституции СССР сформулировать за-

²³ Предложения Академии наук СССР // ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 154. Л. 48.

²⁴ Там же. Л. 49.

²⁵ Там же. Л. 48–49.

²⁶ Предложения и замечания Института государства и права АН СССР к проекту Конституции СССР, 21 июля 1977 г. // ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 155. Л. 39–112.

²⁷ Там же. Л. 40–42.

²⁸ Там же. Л. 61.

²⁹ Там же.

дачу внедрения новейших достижений науки и техники как конкретное законодательное требование к организации развития производства, как основание для установления важнейших обязанностей и ответственности хозяйственных руководителей. В условиях научно-технической революции преимущество в темпах и масштабах внедрения новых достижений становится ключевым фактором исторического соревнования двух мировых социальных систем»³⁰. «В соответствии с этим следовало бы посвятить специальный абзац статьи 26 проекта этому вопросу».

Предлагалась следующая редакция: «Внедрение достижений науки и техники в народное хозяйство и другие сферы жизни является важнейшей обязанностью министерств, ведомств, объединений, предприятий и организаций. Хозяйственные руководители несут ответственность за своевременное и эффективное внедрение достижений науки и техники, а также за рост научно-технического уровня вверенного им производства в соответствии с законодательством Союза ССР»³¹.

Вице-президент АН СССР академик П. Н. Федосеев в своем выступлении на заседании Конституционной комиссии Верховного Совета СССР 27 сентября 1977 г. подчеркнул «постоянную заботу КПСС и Советского государства о планомерном развитии науки и подготовке научных кадров, о внедрении результатов научных исследований в народное хозяйство и другие сферы жизни»³², почти дословно процитировав статью 26 текста Конституции. Не обошлось и без указаний на то, что «партия и народ ждут от ученых все более глубокого и смелого исследования новых процессов и явлений, творческого решения новых проблем науки и практики в интересах укрепления мощи страны, улучшения жизни народа, в интересах построения коммунизма»³³. Отметил он и активное участие советских ученых во всенародном обсуждении проекта новой Конституции СССР и горячее одобрение ими утверждения новой Конституции предстоящей сессией Верховного Совета СССР³⁴. Примечательно, что выступление академика Федосеева было завершающим в работе

³⁰ Там же. Л. 63.

³¹ Там же. Л. 64.

³² Стенограмма заседания Конституционной комиссии Верховного Совета СССР 27 сентября 1977 года // ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 131. Д. 61. Л. 24.

³³ Там же. Л. 24–25.

³⁴ Там же. Л. 25.

Конституционной комиссии, внесшей проект Конституции на рассмотрение Верховного Совета СССР.

В принятой Конституции СССР 1977 г. науке была посвящена специальная статья 26, отдельно закреплялась свобода научного творчества, обеспечиваемая широким развертыванием научных исследований (ст. 47). В преамбуле Конституции провозглашалось, что в советском обществе создана передовая наука. В статье 18 закреплялась необходимость научно обоснованного использования природных ресурсов. Таким образом, хотя наиболее радикальные идеи (например, ответственность хозяйственных руководителей за эффективное внедрение достижений науки) не получили своего закрепления, целый ряд предложений Академии наук СССР вошел в итоговый текст Конституции.

Наконец, членам Академии наук был не чужд интерес к новому советскому законодательству. В фонде Комиссии законодательных предположений Совета Союза Верховного Совета СССР сохранилось письмо директора Дома ученых Академии наук СССР на имя председателя Комиссии законодательных предположений Совета Союза Верховного Совета СССР, в котором члены Дома ученых выразили «большое желание ознакомиться с проектом Основ законодательства Союза СССР и союзных республик о браке и семье»³⁵. Директор Дома ученых направила просьбу «разрешить кому-либо из научных работников, принимавших участие в подготовке названного проекта, сделать соответствующий доклад в Московском Доме ученых», на что последовало указание заведующему секретариатом Комиссии законодательных предположений Совета Союза И. А. Бабухину «послать работника»³⁶. К сожалению, в архивном фонде не удалось обнаружить текст доклада (в отличие от аналогичного выступления в Центральном Доме литераторов Союза писателей СССР).

Таким образом, Академия наук СССР принимала активное участие в систематизации законодательства конца 1950–1970-х гг. как

³⁵ Письмо директора Дома ученых АН СССР Л. Н. Виноградовой Председателю Комиссии законодательных предположений Совета Союза Верховного Совета СССР тов. Воробьеву Г. И. № 28/633 от 11 марта 1963 г. // ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 45. Д. 377. Л. 101.

³⁶ Письмо директора Дома ученых АН СССР Л. Н. Виноградовой Председателю Комиссии законодательных предположений Совета Союза Верховного Совета СССР тов. Воробьеву Г. И. № 28/633 от 11 марта 1963 г. // Там же. Л. 101.

в лице своего профильного института, так и непосредственно. Специалисты Института государства и права Академии наук работали над проектами общесоюзных законодательных актов по различным отраслям права. Академия наук непосредственно подключилась к работе над проектом Конституции СССР, внося значительный вклад в закрепление конституционных основ развития науки. Ученые Академии наук принимали участие и в общественном обсуждении законопроектов.

Список литературы:

1. Вопросы кодификации водного законодательства Союза ССР и союзных республик / отв. ред. Г.А.Аксененок, В.И.Корецкий. М.: Госюриздат, 1963. 286 с.
2. Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР / под ред. чл.-корр. Акад. наук СССР С.А.Голунского. М.: Госюриздат, 1959. 475 с.
3. *Грачева В.А.* Совещание по вопросам кодификации и систематизации законодательства // Советское государство и право. 1968. № 11.
4. Материалы республиканского совещания научных и руководящих практических работников органов юстиции по вопросам кодификации гражданского, гражданского процессуального и трудового законодательства, 8–9 декабря 1959 г. М., 1960. 351 с.
5. *Москвин С.С., Романов Р.М.* Конференция по вопросам систематизации республиканского законодательства // Советское государство и право. 1966. № 3.
6. Научная конференция, посвященная вопросам кодификации советского республиканского законодательства. Тезисы докладов. М., 1957. 32 с.
7. Научная сессия, посвященная теоретическим вопросам систематизации советского законодательства. Тезисы докладов и сообщений. М., 1961. 70 с.
8. *Пашерстник А.Е.* Теоретические вопросы кодификации общесоюзного законодательства о труде / отв. ред.: А.С.Краснопольский. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 231 с.
9. Развитие кодификации советского законодательства / С.Н.Братусь, К.П.Горшенин, П.Ф.Елисейкин, В.Н.Иванов и др.; отв. ред.: С.Н.Братусь. М.: Юридическая литература, 1968. 247 с.
10. *Савенков А.Н.* Государство. Право. Институт: 95 лет истории в лицах // Государство и право. 2020. № 3. С. 7–23. <https://doi.org/10.31857/S013207690008680-0>.

11. Соотношение общесоюзного и республиканского законодательства / К. П. Горшенин, К. Ф. Гуценко, В. Н. Иванов, М. Г. Кириченко и др.; под ред.: М. Г. Кириченко, И. С. Самощенко. М.: Юридическая литература, 1967. 360 с.
12. Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / Е. И. Астрахан, З. С. Беляева, С. Н. Братусь, И. Л. Брауде и др.; под ред.: С. Н. Братусь, И. С. Самощенко. М.: Госюриздат, 1962. 575 с.
13. Труды научной сессии, посвященной сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции, 21–23 октября 1957 г.: Выпуск III: Секция уголовного права и уголовного процесса // Всесоюзный институт юридических наук. М., 1958.
14. *Ящук Т. Ф.* Роль Всесоюзного института юридических наук — Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства в проведении систематизации законодательства в советский период // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 7.
15. *Ящук Т. Ф.* Систематизация российского законодательства в советский период. Омск, 2021. 414 с.

Самородов Владимир Юрьевич

*мл. науч. сотр., Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина,
Россия, Тамбов*

О КУЛЬТУРЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВА ПО ВОЗЗРЕНИЯМ М. М. СПЕРАНСКОГО (к постановке вопроса)

Аннотация: В представленной статье отражены основные воззрения М. М. Сперанского на законодательную деятельность. Произведен анализ основных трудов автора посредством обращения к научной исторической литературе, включая первоисточники. Воззрения Сперанского и его деятельность рассмотрены с точки зрения общих целей повышения уровня культуры правотворчества в Российской империи. Обращается внимание на деятельность Сперанского по систематизации законодательства периода с 1649 по 1825 год, которая являлась важным вкладом в формирование культуры правотворчества в нашем отечестве, ознаменовавшем его путь к законодательному прогрессу и политико-правовому самоопределению.

Ключевые слова: право, культура, правотворчество, культура правотворчества, законодательство, М. М. Сперанский, воззрения и деятельность М. М. Сперанского.

Значимость государственной деятельности и трудов М. М. Сперанского невозможно переоценить как для государственного аппарата Российской империи в целом, так и для правотворчества в частности. Как его деятельность, так и труды, созданные в первой половине XIX века, ознаменовали новую веху в правотворчестве — определили вектор к порядку и качеству законодательной деятельности. Сперанский верил в силу закона, его общественную пользу и хотел сделать его понятным и более доступным людям, над чем работал всю свою жизнь. «Законы существуют для пользы и безопасности людей им подвластных»¹, — это одно из содержательных высказываний государственного деятеля, задающих на тот период времени высокую сущностно-философскую планку понимания закона и, безусловно, отразившееся в его многочисленных сочинениях.

Профессионализм и хорошее образование М. М. Сперанского отражались на всей его государственно-правовой деятельности, поднимая на новый культурный уровень всю правотворческую работу в Российской империи. И хотя Сперанский не был при рождении дворянином из знатной фамилии, он смог достичь огромных карьерных высот, получить дворянство и важное место в государ-

¹ *Сперанский М. М.* Планъ государственнаго преобразования графа М. М. Сперанскаго (введение къ уложению государственныхъ законовъ 1809 г.). М., 1905. С. 3.

ственном управлении. «1 января 1810 года Александр I учредил своим манифестом Государственный Совет. Сперанский получил в этом органе, созданном для обсуждения всех частей управления “в главных их отношениях к законодательству”, должность государственного секретаря»². В этот период Сперанский приобрел наибольшую влияние в Российской империи. Период с 1809 по 1811 годы ознаменовался периодом реформ и надежд на перемены государственного устройства, главным двигателем которых был М. М. Сперанский, чем и заслужил стойкое недовольство консервативного дворянства, приближенного ко двору императора. Недоброжелатели критиковали его (часто несправедливо) за прозападный политико-правовой курс, теоретические конструкции, оторванные от реальной жизни, и др. По этой причине Сперанский неминуемо попал в опалу, а его грандиозные реформы были заморожены. Историк А. А. Александров отмечает: «Сперанский не стремился “переделать Россию” (реформировать государственную систему, преобразовать общественные и экономические отношения) по “западному образцу”. Ход его мысли был иной: человечество едино в своей предназначенной свыше судьбе, в России и других государствах исторический прогресс происходит по единой схеме»³.

Но хоть Сперанскому и не удалось претворить в жизнь все многочисленные планы государственных реформы, то, что он сделал в период царствования Александра I и в последующем Николая I, безусловно, заложило необходимую базу и толчок для развития права, правотворчества и его культуры.

Культуру права и правотворчества очень трудно рассматривать без анализа их исторического становления и развития. Культура очень тесно связана с правом и правотворчеством: невозможно созидать право, заниматься правотворческой деятельностью, систематизировать законодательство вне культуры. Все изменения, происходившие с правом в исторической прогрессии, непосредственно являются продуктами культурно-творческих усилий человека. Часто именно личность играет важную культурно-историческую роль в прогрессивном развитии правовой культуры. Культура тесно переплетена с правом и создает уникальную область правовой

² *Сперанский М. М.* Юридические произведения / Под ред. и с биогр. очерком В. А. Томсинова. М., 2008. С. 64.

³ *Александров А. А.* Философия реформ в России и западной Европе: взгляды М. М. Сперанского // Новый исторический вестник. 2001. № 2 (4). С. 80.

и правотворческой культуры, формирующейся на протяжении веков и претерпевающей в различные исторические периоды изменения⁴. Само развитие права в исторической ретроспективе возможно сравнить с путем от хаоса к порядку, от беспорядочной жизни, которая не урегулирована правом, к жизни, упорядоченной правом. Известный академик В. А. Лекторский писал: «Культура — это внесение определенного порядка в хаос. Это способ осмысления человека и мира»⁵. Культура и право — это путь к порядку и прогрессу, защищенности и свободе каждого.

Стоит отметить, что сами законы требуют систематизации, и деятельность по созданию законов также требует порядка; все это путь образования и развития определенной культуры данной деятельности — культуры правотворчества.

Во многом Сперанский М. М. посвящал себя именно работе по упорядочению законодательной деятельности и систематизации уже изданных законов в Российской империи.

Уже находясь в опале, в пермском письме к императору Александру I, которое также называют оправдательной запиской, Сперанский об искренних планах и желаниях пишет так: «В конце 1808 года, после разных частных дел, Ваше Величество начали занимать меня постояннее предметами высшего управления, теснее знакомить с образом Ваших мыслей, доставляя мне бумаги, прежде к Вам вошедшие и нередко устаивая проводить со мною целые вечера в чтении разных сочинений к сему относящихся.

Из всех сих упражнений, из стократных, может быть, разговоров и рассуждений Вашего Величества надлежало, наконец, составить одно целое.

Отсюда произошел план всеобщего государственного образования.

⁴ См., напр.: Дунаева Н. В., Ильин А. В., Карамышев О. М. Культура законотворчества в канун эпохи великих реформ: встреча традиции и инновации // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 2 (319). С. 180–210; Трофимов В. В., Самородов В. Ю. Культура правотворчества Советского государства в период Гражданской войны // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2018. Вып. 6. Ч. 1. С. 303–306.

⁵ Лекторский В. А. Философия, познание, культура. М., 2012. С. 30.

В существе своем он не содержал нечего нового; но идеям, с 1801-го года занимавшим Ваше внимание, дано в нем систематическое расположение»⁶.

Говоря о законах, М. М. Сперанский подчеркивал: «IV. Законы. Есть люди, кои и Комиссию Законов считают вредным установлением, хотя она учреждена еще при Петре Великом и с того времени почти непрерывно существовала. Развлеченный множеством дел, я не мог сей части дать ходу, какого бы желал; но смею сказать, что и в ней сделано, в течение двух лет, более, нежели во все предыдущее время. Целое почти столетие протекло в одних несвязных планах и обещаниях; в мое время не только составлены твердые планы на важнейшие части, но составлены, изданы и в Совете рассмотрены две труднейшие части гражданского уложения; третья и последняя требовала только отделки»⁷.

Сперанский, оправдываясь в данной записке, отмечал, как мало делалось ранее для систематизации старых и разработки новых необходимых законов для современного государства, указывая на важность сделанного под его руководством и большие объемы работ, несмотря на сильную занятость. Важную роль он уделял пониманию закона, его ясности, технике изложения. Боролся с антикультурными явлениями в правотворчестве, такими как нигилизм, отсутствие должных образовательно-культурных навыков для работы с законами и т. д. После восшествия на престол императора Николая I Сперанский смог заняться составлением полного собрания законов, что считал необходимым, и погрузился в эту работу.

Необходимость составления полного собрания законов сам Сперанский объяснял несколькими причинами. Во-первых, отмечал он, без предварительного изложения всех законов, принятых в России с 1649 по 1825 год, в хронологическом порядке невозможно было бы выделить действующие законы. «На один и тот же случай представляется 5, 6, 10 законов, в разные времена изданных...»⁸.

Во-вторых, Сперанский видел в полном собрании законов необходимое пособие для разъяснения смысла действующих зако-

⁶ *Сперанский М. М.* Планъ государственнаго преобразования графа М. М. Сперанскаго (введение къ уложению государственныхъ законовъ 1809 г.). М., 1905. С. 330.

⁷ Там же. С. 337–338.

⁸ *Сперанский М. М.* О существе Свода // Русская старина. 1876. № 3. С. 587–588.

нодательных актов. Законы прежних лет, писал он в предисловии к первому тому «Полного собрания законов Российской империи», «оставаясь рассеянными во множестве отдельных собраний, не имеющих ни полноты, ни достоверности, представляют, в употреблении и приложении их к делам, не только для частных лиц, но и для Присутственных мест, почти ежедневные и тем важнейшие затруднения, что самые новые и всем известные Законы часто ссылаются на Законы прежние, и часто сила их не может быть с точностью определена как токмо соображением их с первыми»⁹.

Сперанский проделал огромную работу по «инвентаризации нормативной правовой базы»¹⁰, за что был награжден Николаем I бриллиантовыми знаками ордена Александра Невского и в последующем чином действительного статского советника. «Полное собрание российских законов» в 45 объемистых томах вышло из печати уже в 1830 г., а в 1832 г. был опубликован «Свод законов» в 15 томах, представляющих собой систематическое изложение действующего законодательства»¹¹, явившись самой значительной работой того времени по систематизации законодательства.

В конце жизни Сперанский в 1838 году работал над важным документом под названием «Руководство к познанию законов», которое готовил по Высочайшему поручению. Ему наказывалось составить вообще для юношества нашего краткое руководство к познанию отечественных законов¹². К сожалению, данная работа так и осталась неоконченной. Сперанский изложил важные начала в своих сочинениях, такие как о «Ясности въ слоге законовъ», «Изложение законовъ» и др.¹³ Все это заложило основы понимания культуры современного правотворчества.

⁹ Сперанский М. М. О существе Свода // Русская старина. 1876. № 3. С. 588; Сперанский М. М. Юридические произведения. М., 2008. 252–253.

¹⁰ Данное современное словосочетание, характеризующее процесс культуры упорядочения законодательства, встречается в статье: Боголюбов С. А. Культура законодательной техники // Журнал российского права. 2006. № 10 (118). С. 52–55.

¹¹ Сперанский М. М. Избранное [сост., автор вступ. ст. и коммент. В. С. Парсамов]. М., 2010. С. 17.

¹² См.: Сперанский М. М. Руководство къ познанию законовъ. Санкт-Петербургъ, 1845.

¹³ См.: Разныя статьи М. М. Сперанского о отрывки изъ его сочинений. В память графа М. М. Сперанскаго 1772–1872. С.-Петербургъ. Издание Императорской публичной библиотеки, 1872.

Безусловно, наследие, которое оставил Сперанский, сыграло важную роль в формировании культуры правотворчества в нашем отечестве и ознаменовало путь к законодательному прогрессу и политико-правовому самоопределению.

Список литературы:

1. Александров А. А. Философия реформ в России и западной Европе: взгляды М. М. Сперанского // Новый исторический вестник. 2001. № 2 (4).
2. В память графа М. М. Сперанского 1772–1872. С.-Петербург. Издание Императорской публичной библиотеки, 1872. 882 с.
3. Дунаева Н. В., Ильин А. В., Карамышев О. М. Культура законотворчества в канун эпохи великих реформ: встреча традиции и инновации // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 2 (319).
4. Лекторский В. А. Философия, познание, культура. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2012. 384 с.
5. Сперанский М. М. Избранное [сост., автор вступ. ст. и коммент. В. С. Парсамов]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 776 с.
6. Сперанский М. М. Планъ государственнаго преобразования графа М. М. Сперанскаго (введение къ уложению государственныхъ законовъ 1809 г.). Издание «РУССКОЙ МЫСЛИ», Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К. Пимен. ул., с.д. М., 1905. 359 с.
7. Сперанский М. М. Руководство къ познанию законовъ. Санкт-Петербург. Въ Типографіи Втораго Отделенія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, 1845. 171 с.
8. Сперанский М. М. Юридические произведения / Под ред. и с биогр. очерком В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2008. 480 с.
9. Трофимов В. В., Самородов В. Ю. Культура правотворчества Советского государства в период Гражданской войны // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. Вып. 6. Ч. 1. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2018.

Гусарова Светлана Витальевна

канд. пед. наук, доц. Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), Россия, Москва

М. М. СПЕРАНСКИЙ КАК ОСНОВАТЕЛЬ ИДЕИ РУССКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА (к юбилею выдающегося российского реформатора)

Аннотация: Данная работа посвящена политической, юридической и финансовой деятельности выдающегося русского реформатора начала XIX века М. М. Сперанского. Автор ставит перед собой задачу изучить особенности первого этапа реформаторской деятельности М. М. Сперанского, приходящейся на начало правления Александра I, и определить причины, по которым данные реформы не были доведены до логического конца. Дана оценка вклада Сперанского в систематизацию законодательства, накопленного за полтора столетия развития Российского государства. Автор подчеркивает, что именно деятельность Сперанского сделала обозримыми и доступными источники законодательства, тем самым упорядочив и правоприменение в Российской империи.

Ключевые слова: государственные реформы, конституционализм, разделение властей, правовое государство.

Есть имена, которые незаслуженно оказываются обделенными вниманием общественности, и память о них хранит только весьма небольшая группа ученых и специалистов.

К таким незаслуженно забытым людям можно отнести Михаила Михайловича Сперанского. Хотя образ М. М. Сперанского встречается в романе Л. Н. Толстого «Война и мир», Наполеон интересовался у Александра I не изволит ли тот обменять сподвижника на какое-нибудь европейское королевство, а сцена награждения Сперанского изображена среди барельефов на памятнике Николаю I на Исаакиевской площади, но этого оказалось недостаточно, чтобы имя человека, которого считали «единственной светлой головой в России», было бы сегодня известно каждому.

А ведь этому выдающемуся гражданину нашей страны принадлежит большая заслуга в развитии русского конституционализма, правозаконности и правосознания.

Профессиональные занятия М. М. Сперанского как правоведа можно разделить на два этапа: реформаторская деятельность в эпоху правления Александра I, и работа над Сводом законов Российской империи в правление императора Николая I.

В первой четверти XIX столетия, получив ценнейший опыт работы с российским законодательством, именно М. М. Сперанский станет одним из лучших знатоков российского права.

Царствование Александра I начиналось с многообещающих благоприятных перемен. После окончания коалиционных войн и подписания Тильзитского мира император обращается к идее умеренно-либеральных реформ. Составить общий план преобразования общественно-политического строя России было поручено действительному статскому советнику Сперанскому. Будучи сторонником конституционной монархии, М. М. Сперанский видел изменение России к лучшему через постепенное реформирование общества.

Работая по 18–19 часов в сутки, Сперанский вскоре представляет государю несколько собственных политических записок: «О коренных законах государства», «Размышления о государственном устройстве империи», «О постепенности усовершенствования общественного» и «Введение к Уложению государственных законов».

В этих документах он впервые изложил свои взгляды на состояние государственного аппарата России и обосновал необходимость реформ в стране. О характере деятельности М. М. Сперанского ярко и точно сказал известный специалист В. В. Леонтович: «... Сперанский вообще сравнительно мало интересовался чистыми идеями, их теоретическим обоснованием и общественной проповедью. Весь интерес его направлен был на практическое осуществление тех принципов, которые он считал правильными»¹.

Опираясь на свой жизненный опыт и знания о работе административно-управленческого аппарата империи, Сперанский пришел к убеждению, что политические реформы в России необходимо начать с реорганизации центральных органов управления. Он неоднократно заявлял: «Нормальное функционирование органов управления возможно только в том случае, если они несут ответственность за свои действия. И никакие частные реформы не дадут результатов, так как на данном этапе развития России необходима новая система управления. А начать надо с выработки конституции, основного уложения государства»².

М. М. Сперанский был убежденным конституционалистом. Мы видим, что во всех его проектах государственных преобразований проводилась важнейшая мысль о верховенстве закона над самодержавной властью. Сперанский с горечью отмечал, что в России есть

¹ Леонтович В. В. История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995.

² Сперанский М. М. Проекты и записки / под ред. С. Н. Валка. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 245 с.

только два состояния: рабы государевы и рабы помещичьи, причем «...первые называются свободными только в отношении ко вторым. Действительно же свободных людей в России нет, кроме нищих и философов»³.

Именно Конституция, считал он, способна ограничить наиболее худшие проявления тирании; благодаря ей появились бы элементы правового государства, определились конституционно-правовые пределы, она стала бы гарантом гражданских прав и законов. Но при всем этом установление конституционного строя должно совершиться по инициативе императора, в первую очередь во избежание общественных потрясений.

В основу государственного устройства России М. М. Сперанский предлагал положить принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Законодательная власть осуществляется через систему выборных органов: на местах создаются волостные, окружные и губернские думы, а в центре — Государственная дума — высший законодательный представительный орган страны. При этом законодательная инициатива принадлежит правительству, но никакой новый закон не может быть издан без рассмотрения в думе, а утверждает его уже император. Закон, отвергнутый большинством голосов думы, «остаётся без действия». Государственная дума осуществляет контроль за исполнительной властью — правительством, министры которого ответственны перед ней за свои действия.

Выдвинутая Сперанским идея Государственной думы впервые получит свое реальное воплощение только спустя целый век, пройдя через революционный террор и кровь первой русской революции 1905 года. И, наконец, будет окончательно реализована уже только в 1993 году.

Судебная власть, по проекту М. М. Сперанского, реализуется системой судов, состоящих из назначаемых чиновников и выборных присяжных заседателей. По мнению реформатора, высшим судебным органом страны станет Сенат, который будет избираться членами губернских Дум. Вершиной системы управления, верхней палатой парламента станет Государственный совет, члены которого

³ *Сперанский М. М.* О коренных законах государства // Литература и жизнь. URL: http://dugward.ru/library/speranskiy_m/speranskiy_o_korenyih_zakonah.html (дата обращения: 20.12.2022).

назначаются председательствующим в нем императором. Государственному совету отводилась важнейшая функция — согласование деятельности различных органов управления.

И вот 1 января 1810 года Государственный совет был учрежден. При нем создавалась государственная канцелярия, а граф Сперанский назначался первым государственным секретарем с широкими полномочиями. Но, увы! — с самого начала воплощения в жизнь грандиозных планов Сперанского допускались большие отступления от них. Да, по принятому манифесту Государственный совет провозглашался как законосовещательная инстанция при монархе. Более того, Госсовет мыслился как верхняя палата будущего русского парламента. Но планам реформатора о создании выборной Государственной думы, так и не суждено было осуществиться.

В области общественного устройства М. М. Сперанский предлагал сохранить видоизмененную сословную структуру в составе трех «состояний»: дворянство, люди среднего сословия и народ рабочий. Но если гражданскими правами, по проекту, наделялось все население страны, то политическое, т. е. избирательное право предполагалось предоставить только дворянам и людям среднего сословия, имеющим недвижимую собственность в определенных размерах.

М. М. Сперанский высказывался против крепостного права. Но процесс освобождения крестьян, предусмотренный его предложениями, предполагался очень длительным. При непосредственном участии Сперанского была разработана концепция знаменитого «Указа о вольных хлебопашцах» 1803 года, согласно которому помещики получили право отпускать крепостных на «волю», наделяя их землей. Вполне естественно, что большинство помещиков не торопилось воспользоваться этим правом, но все-таки годы царствования Александра I было освобождено 37 тысяч человек. Да, по сравнению с масштабом страны — это капля в море, но и этот пример весьма показателен.

Интересен факт, что чуткие к справедливости помещичьи крестьяне после опалы Сперанского даже отправляли заздравные молебны и ставили свечи. М. А. Корф свидетельствовал, что крестьяне толковали между собой о М. М. Сперанском, что «дослужась, из грязи до больших чинов и должностей и быв умом выше всех между советниками царскими, он стал за крепостных..., возмутив против себя всех господ, которые за это ...решились его погубить».

Современники не раз указывали, что император Александр I ценил широкую эрудицию и высокую работоспособность М. М. Сперанского и поэтому неоднократно привлекал его к разработке проектов и указов самого разнообразного характера. Но желая улучшить систему государственного управления в России, Сперанский нажил лично себе не мало врагов.

Так, стремясь упорядочить работу государственного аппарата, сделать его более профессиональным, Сперанский издает в апреле и августе 1809 года два указа, ужаснувших чиновников императорской администрации.

И не удивительно. Ведь согласно первому указу отменялась практика приравнивания придворных званий к гражданским — придворные звания рассматривались теперь как почетные отличия без служебных прав и привилегий.

Более того, следующим указом вводился обязательный образовательный ценз для гражданских чинов. То есть в соответствии с новым указом чины с восьмого по пятый класс должны были предъявить ни много ни мало, а диплом об университетском образовании, либо выдержать экзамен по программе университета. И это в то время, когда большинство дворян и чиновников имело лишь поверхностное домашнее образование.

По сути, преобразования Сперанского бросали вызов всей системе государственной службы в Российской империи, построенной на принципах патрон-клиентских отношений и протекционизма. Естественно, что не желающая утруждать свои головы придворная и чиновничья среда выступила единым фронтом против «дерзкого попovichа», более того были предприняты попытки отстранить его от должности. К счастью, в тот период безуспешные.

Но, к сожалению, с течением времени император Александр I охладил к своим благим замыслам, и начатые реформы не были доведены до конца.

Отдельно хотелось бы отметить роль М. М. Сперанского в вопросе упорядочения государственных финансов, где он проявил себя как мыслитель и теоретик.

Проведение финансовых и экономических преобразований в империи диктовалось насущной необходимостью. Многочисленные войны, присоединение к континентальной блокаде, к тому же неумелое управление и хозяйствование привели финансы России в бедственное, если не сказать катастрофическое положение. С каж-

дым годом увеличивался государственный долг. Для выработки путей решения финансовых проблем государства и был призван Сперанский.

Опираясь на работы классиков политэкономии А. Смита, Д. Рикардо, И. Бентама, М. М. Сперанский за два месяца кропотливого труда составляет «План финансов», который лег в основу царского манифеста от 2 февраля 1810 года.

В этом труде рассматривались фундаментальные проблемы экономики России, а также теоретические основы реформ в области финансов и денежного обращения, бюджетного дела, развития и укрепления российского предпринимательства.

Для ликвидации бюджетного дефицита России необходимо было проведение радикальных мер:

- прекращение выпуска обесценившихся ассигнаций, а также изъятие из обращения ассигнаций и образование капитала для погашения долга;
- сокращение расходов всех государственных ведомств и установление жесткого контроля над государственными расходами;
- введение отчетности и проверки состояния финансовых дел в стране;
- упорядочение внутренней и внешней торговли;
- и, наконец, введение новых налогов, в том числе на дворянские имения, (чего дворяне Сперанскому не могли простить).

В России была проведена новая перепись населения, выявившая число налогоплательщиков. Государство расширило прямые займы у населения, повысив процентную ставку по облигациям государственных займов. Одним из первых М. М. Сперанский выдвинул идею расширения кредитных операций, справедливо увидев в коммерческом кредите мощную двигательную силу экономики⁴.

Реформаторские старания Сперанского дали быстрые результаты. Впервые вводилась практика обсуждения бюджета страны Государственным советом. Это обеспечивало контроль и уменьшало

⁴ Гусарова С. В. Государственная социальная помощь как фактор права социального обеспечения // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Юриспруденция. 2021. № 18. С. 8–13.

произвол в финансовых делах. Многие идеи М. М. Сперанского — как политические, так и экономические — значительно опережали время, в которое он жил. Например, одним из первых он выступил с идеей и обоснованием необходимости создания центрального банка страны. Только в 1860 году, через 21 год после ухода из жизни великого реформатора, в России бы создан Государственный банк. Творческие замыслы и наследие М. М. Сперанского явились большим вкладом в формирование российской финансово-экономической мысли и не потеряли своей актуальности и в наши дни.

Идеи государственного переустройства на основах конституционной монархии, финансовые преобразования и вся реформаторская деятельность М. М. Сперанского вызывали резкое неприятие значительной части дворянства, сановников и чиновничества, всех тех, кто ставил свои личные интересы превыше государственных. Сам М. М. Сперанский позднее писал: «Существенные преобразования, и особенно преобразования финансов, везде влекут за собой важное неудобство: прикосновение к частным интересам. Людей и интересы их никогда нельзя затрагивать безнаказанно. Наиболее опасны такие столкновения в таких государствах, где общественное мнение слишком слабо, чтобы защитить усердие и талант от нападений, зависти и невежества. Вопиют против нововведений, не вникая ни в их свойства, ни в настоятельность причин»⁵. Даже поэтапный и постепенный характер реформ отталкивал дворян, видевших в них исключительно потерю своих льгот и привилегий. Интриги и сплетни, немыслимые измышления и якобы случайные оговорки — все было направлено на то, чтобы пошатнуть положение М. М. Сперанского при дворе.

К тому же в это время шло активное насаждение в общественном сознании доктрины политического консерватизма. Наполеоновская угроза привела к антиевропейским и к антиреформаторским настроениям, которые охватили даже самые светлые умы России. Как ни грустно признавать, но к гонениям на Сперанского присоединился замечательный русский ученый, литератор и историк Н. М. Карамзин, который видел в проводимых реформах слепое подчинение западному либерализму, что угрожает традициям и обычаям народа России, и приведет к утрате самобытности земли Российской.

⁵ *Муравьева Л. А.* Конституционные взгляды и реформы М. М. Сперанского // *Финансы: теория и практика*, 1999.

Талантливо и убедительно написанная Карамзиным «Записка о древней и новой России» стала манифестом противников перемен, выражающим обобщенные взгляды консервативного направления русской общественной мысли, и привлекла внимание императора.

В результате давление консервативных кругов привело не только к устранению Сперанского от императорского двора, но и помешало проведению уже начатых реформ.

Сперанский покинет Санкт-Петербург на долгие девять лет. Но даже будучи в отставке и ссылке, реформатор как истинный гражданин всегда будет стремиться принести пользу своему отечеству. Созданные им в этот период «Учреждения для управления Сибирских губерний», «Устав об управлении инородцев» и «Подтвердительные правила о свободе внутренней торговли» во многом облегчат жизнь наших соотечественников в Сибири.

Второй этап правовой деятельности М. М. Сперанского наступит уже в правление Николая I.

В начале своего правления молодой император относился к Сперанскому с вполне понятным недоверием: его не мог насторожить факт, что именно Сперанского декабристы прочили в первые президенты русской республики в случае удачного восстания и свержения Николая I.

Но в составе администрации Николая I не было ни одного другого человека, достаточно образованного и опытного в вопросах систематизации законодательства, каковым был М. М. Сперанский. Поэтому, когда в январе 1826 года Сперанский подает императору записку «Предположения к окончательному составлению законов», именно ему Николай поручит возглавить кодификацию законодательства империи за последние 180 лет. Слова императора, с которыми он обратился к Сперанскому: «Вместо сочинения новых законов я велел собрать сперва и привести в порядок те, которые существуют», — впоследствии стали крылатыми.

К главному достижению своей жизни М. М. Сперанский приступает со всей тщательностью, так как эта работа требовала всестороннего, глубокого, тщательного научно-практического подхода ко всей массе законов и иных актов, принятых со времен Соборного уложения царя Алексея Михайловича 1649 года.

По прямому приказу императора Кодификационная комиссия по систематизации законодательства, накопленного за полтора столетия развития Российского государства, была преобразована во

Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

М. М. Сперанскому принадлежала идея разделить проект систематизации законодательства на отдельные этапы и издать два взаимообусловленных собрания законов Российской империи:

- 1) Полное Собрание отечественных законов, изданных с 29 января 1649 года по 12 декабря 1826 года;
- 2) Свод законов Российской империи, охватывающий все действующее законодательство на день его издания в 1826 г. с последующими изменениями и дополнениями, вносимыми в Свод.

В результате Полное собрание законов (ПСЗ) включило в себя все нормативные материалы с Соборного уложения до начала царствования Николая I, собранные в хронологическом порядке. Таких актов набралось свыше 50 тыс., составивших 46 толстых томов.

Впоследствии ПСЗ дополнялось текущим законодательством. Так появились второе Полное собрание законов Российской империи, которое включало в себя законодательство до 1881 г., и третье, охватившее законы с марта этого года⁶.

После издания Полного собрания законов М. М. Сперанский приступил ко второму этапу работы — созданию свода законов Российской империи.

Это был колоссальный труд. При его составлении исключались недействующие нормы, устранялись противоречия, проводилась редакционная обработка текста. И эта гигантская задача была выполнена под непосредственным руководством М. М. Сперанского в течение всего лишь семи лет: с 1826 по 1833 гг.

Интересно, что при создании ПСЗ Сперанский позволял себе несколько редактировать публикуемые законы. При создании свода М. М. Сперанский исходил из того, что «Свод есть верное изображение того, что есть в законах, но он не есть ни дополнение их, ни толкование»⁷. Поэтому по свидетельствам современников,

⁶ Козинец К. К. Исторический очерк российских систематизаций законодательства в форме свода законов // Право и современные государства, 2014.

⁷ Томсинов В. А. «Судьба определила всем обществам человеческим менять только пороки»: М. М. Сперанский о технологии проведения государственных преобразований. Статья пятая // Законодательство. 2016. № 12.

М. М. Сперанский неоднократно и сам формулировал новые нормы, не опирающиеся на действующий закон, особенно в сфере гражданского права.

Сперанским была разработана особая система расположения материала в Своде законов. Если Полное собрание законов строится по хронологическому принципу, то Свод — уже по отраслевому.

Работая над Сводом, М. М. Сперанский изучил лучшие образцы западной кодификации — римский, французский, прусский, австрийский кодексы, но не скопировал их, а на их основе создал собственную оригинальную систему.

От западноевропейских концепций М. М. Сперанский взял за основу структуры Свода деление права на публичное и частное, входящее еще к римскому праву. Сперанский назвал эти две группы законов государственными и гражданскими.

После издания Свода М. М. Сперанский мечтал приступить к третьему этапу систематизации — к созданию Уложения, которое должно было не только содержать старые нормы, но и развивать право.

Полное собрание законов и Свод, по его мнению, были лишь систематизацией, то создание Уложения предполагало кодификационный метод работы, то есть не только соединение старых норм, но и дополнение их новыми.

Впоследствии, когда уже был готов Свод законов, император учредил семь ревизионных комиссий с целью проверить тождество Свода существовавшему законодательству. Проверка облегчалась тем, что каждая статья Свода имела ссылку на источник — соответствующий акт в Полном собрании законов, с датой и номером⁸.

Главной идеей М. М. Сперанского было привести законодательство в соответствие с требованиями жизни. Увы, его стремления не нашли поддержки, и работа реформатора российского законодательства вновь была приостановлена. Россия в очередной раз выбрала не самый лучший путь своего развития.

Почти не получившие практического воплощения в жизнь, идеи великого реформатора все-таки оказали большое влияние на дальнейшее развитие России. Идеи М. М. Сперанского, утвердив в общественном сознании представления о конституционном об-

⁸ Мицкевич А. В. Систематизация законов Российской империи М. М. Сперанским // Журнал российского права. 2001. № 5. С. 154–160.

разе правления, продолжали волновать передовые умы нашей страны второй половины XIX века. Свою частичную реализацию они нашли в реформах Александра II, на много десятилетий предвосхитив судебную реформу и Манифест 17 октября 1905 года. Труд М. М. Сперанского обеспечил совершенствование законов и правоприменительной практики царской России, что оказало позднее значительное влияние на развитие как советского законодательства, так и законодательства новой России.

Но все-таки очень горько, что в лице Михаила Михайловича Сперанского Россия в свое время потеряла истинно государственного человека, и что идеи, которые могли направить Россию по спасительному пути, оказались столь невостребованными.

Список литературы:

1. *Гусарова С. В.* Государственная социальная помощь как фактор права социального обеспечения // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Юриспруденция. 2021. № 18.
2. *Козинец К. К.* Исторический очерк российских систематизаций законодательства в форме Свода законов // Право и современные государства, 2014.
3. *Леонтович В. В.* История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995.
4. *Мицкевич А. В.* Систематизация законов Российской империи М. М. Сперанским // Журнал российского права. 2001. № 5.
5. *Муравьева Л. А.* Конституционные взгляды и реформы М. М. Сперанского // Финансы: теория и практика, 1999.
6. *Сперанский М. М.* Проекты и записки / под ред. С. Н. Валка. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961.
7. *Сперанский М. М.* О коренных законах государства // Литература и жизнь. URL: http://dugward.ru/library/speranskiy_m/speranskiy_o_korenyh_zakonah.html (дата обращения: 20.12.2022).
8. *Томсинов В. А.* «Судьба определила всем обществам человеческим менять только пороки»: М. М. Сперанский о технологии проведения государственных преобразований. Статья пятая // Законодательство. 2016. № 12.

Щерова Наталья Сергеевна

*ассист. кафедры теории и истории государства и права юридического факультета
Национального исследовательского Нижегородского государственного университета
им. Н. И. Лобачевского, Россия, Нижний Новгород*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М. М. СПЕРАНСКОГО И ЕЕ ВОСПРИЯТИЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКОЙ

Аннотация: В статье рассматривается деятельность М. М. Сперанского посредством ее отражения в периодических изданиях Российской империи, в особенности юридического характера. Автор анализирует отдельные направления работы М. М. Сперанского на примере изучения конкретных материалов из специализированной периодики.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, юридическая наука и образование, систематизация законодательства, система государственного управления, дореволюционные периодические издания, юридическая периодика.

Михаил Михайлович Сперанский — один из важнейших государственных деятелей в истории Российской империи. Его вклад в развитие отечественного государства и права был высоко оценен. О значении предложенных им проектов свидетельствует тот факт, что на рубеже XIX–XX вв. благодаря усилиям научного сообщества историков был запущен процесс по изданию наиболее значительных работ М. М. Сперанского, что в дальнейшем послужило предпосылкой для подготовки и выпуска полного собрания его сочинений¹. Для этого в 1916 году была создана Комиссия по изданию сочинений, бумаг и писем графа М. М. Сперанского, которую возглавил академик А. С. Лаппо-Данилевский.

Деятельность М. М. Сперанского была разносторонней: он был политиком, занимался законотворчеством, разрабатывал проекты по реформированию, участвовал в педагогической и просветительской работе.

В современном научном сообществе М. М. Сперанскому посвящено множество исследований, в которых представлены не только общеизвестные направления его деятельности, например систематизация российского законодательства, развитие и совершенствование государственной службы и системы организации власти, финансовая реформа, но и малоизученные. Так, Н. Румянцева пишет

¹ *Скрыдлов А. Ю.* Страницы истории отечественной археографии: к 100-летию Комиссии по изданию сочинений, бумаг и писем графа М. М. Сперанского // Клио. 2020. № 6 (162). С. 24–30.

о М. М. Сперанском как о писателе и публицисте, блестящем мастере устного и письменного слова, знатоке речи. Автор отмечает, что за вклад в развитие русской речи, всяческое содействие изучению русского языка он был награжден многими дипломами и званиями разных обществ и университетов: Казанского общества любителей отечественной словесности, Общества любителей отечественной словесности при Казанском университете, был почетным членом Российской академии, Московской духовной академии, Харьковского университета, Санкт-Петербургского университета, Киевского университета².

В другой научной работе личность государственного деятеля изучается через призму его личной библиотеки, каталог которой позволяет определить, из каких источников М. М. Сперанский брал свои идеи, перекладывая опыт иных народов на родную русскую почву³. Примечательно, что собрание состояло из нескольких разделов, в числе которых были не только правовые науки, труды по финансам и экономике, но и философия, религия, филология, педагогика, история, география, статистика, литература, искусство, а также книги по астрономии, математике, горному делу, природоведению, медицине.

Однако, несмотря на глубокий интерес со стороны исследователей к изучению жизни и деятельности М. М. Сперанского, представляется важным рассмотреть особенности отражения отдельных направлений его работы в дореволюционных периодических изданиях, в частности юридических.

Следует отметить, что отечественная юридическая журналистика начала развиваться с конца XVIII века. Первые подобные периодические издания представляли собой перечисление принятых нормативно-правовых актов, а также их тексты. Постепенно структура содержания меняется, усложняется: начали появляться материалы по отдельным отраслям права (в частности, уголовному, гражданскому праву), государственно-правовому развитию России, исторические исследования. В середине XIX столетия специализированная периодика находилась в стадии своего расцвета. В это время интерес

² Румянцева Н. М. М. Сперанский и русская речь // Высшее образование в России. 2006. № 8. С. 171.

³ Иконникова И. С. М. М. Сперанский в интерьере личной библиотеки и правовая жизнь российского общества // Мир политики и социологии. 2012. № 11. С. 21.

и потребность в юридических газетах и журналах возросли, количество их наименований увеличилось. Соответственно, был расширен и тематический портфель изданий.

В истории отечественной журналистики сложилась традиция, согласно которой в специализированные издания часто включали биографические очерки о крупнейших специалистах, оставивших значительный след в той или иной отрасли научного или практического плана. Юридическая периодика также следовала этой традиции. Часть публикаций, размещенных в печатных органах по праву, была посвящена отдельным личностям: государственным деятелям, философам, историкам и т. д. К их числу можно отнести и М. М. Сперанского, о котором также было подготовлено и напечатано несколько материалов.

В первую очередь, следует отметить высокую оценку профессиональных и личных качеств М. М. Сперанского: «с гениальным умом, прекрасным языком, умением отдельные мнения и соображения приводить в единую стройную систему, полный стремлением к славе, в способности к деятельности никем не превзойденный»⁴.

Политические взгляды государственного деятеля также рассматривались редакционными коллективами юридических периодических изданий. Здесь представляется интересным следующий факт: авторы обращались не только к окончательным проектам преобразований, но и к первоначальным замыслам. В качестве примера можно привести материал Н. М. Коркунова, размещенный в журнале «Вестник права» (№ 8, 1899). В публикации были представлены несколько документов: проект коронационной грамоты русскому народу, составленный Д. П. Трощинским (но, вероятнее всего, при содействии М. М. Сперанского), записка непосредственно от М. М. Сперанского под заглавием «Исследования о порядке государственного управления». Особенно подробно Н. М. Коркунов изучил последний документ, в котором, в частности, была предложена система государственных установлений: структура, полномочия отдельных органов, порядок осуществления делопроизводства. Ценность данного материала заключается в том, что в нем приведены отрывки и цитаты из исторических документов, которые находились в архивных фондах и были малоизвестны.

⁴ Коркунов Н. М. Политические воззрения Сперанского до его знакомства с Императором Александром I // Вестник права. 1899. № 8. С. 4.

Поводом для написания статьи могли служить не только анализ государственных, политических, правовых и иных вопросов, которым была посвящена деятельность М. М. Сперанского, но и юбилейные даты. Так, 1 января 1872 г. на публичном заседании Московского юридического общества и юридического факультета Императорского Московского университета торжественным актом почтили память графа, отметив тем самым столетнюю годовщину со дня его рождения. Об этом в журнале «Юридический вестник», принадлежащим указанному объединению, была сделана публикация.

На этом заседании было сказано несколько речей, свидетельствующих о таланте и способностях М. М. Сперанского: «Глубоки и обширны были сведения Михаила Михайловича. Выше всех современников стоял он по своему умственному развитию. Весьма естественно поэтому то, что и своими реформами Сперанский опередил время, <...> сумел соорудить такое прочное здание, которое, не смотря на все перемены в царствованиях, людях, системах, уставах, сохранилось до наших дней без всяких изменений не только в главных началах, но и почти во всех подробностях, будто созданное вчера»⁵.

Особо был выделен огромный труд, названный «необычным гражданским подвигом», по составлению Полного собрания законов Российской империи, имевший значение для русской юридической практики и науки. Благодаря систематизации нормативно-правовые акты стали общеизвестными и общедоступными, и «мгла, царившая в русских судебных местах, рассеялась. А юридическая наука <...> получила возможность черпать нужный ей для обработки материал из самого чистого и вполне надежного источника и смело могла уже идти вперед»⁶.

Также был отмечен вклад М. М. Сперанского в развитие отечественного юридического образования. Он считал, что для осуществления правосудия нужны не только ясные и точные законы, но и знающие судьи и законодатели, для чего необходимо в первую очередь заняться подготовкой компетентных преподавателей. Кроме того, граф оказывал содействие в создании специального заведения для обучения правоведов. Все это и «вошедший в постоянный обычай отправление министерством народного просвещения молодых людей в заграничные университеты для приготовления к про-

⁵ Столетняя годовщина гр. М. М. Сперанского // Юридический вестник. 1872. Кн. 1. С. 148.

⁶ Там же. С. 149.

фессорскому званию не могло не поднять уровень юридического образования в России»⁷.

Еще одним направлением работы М. М. Сперанского была финансовая сфера. В 1880 году в «Юридическом вестнике» была напечатана статья «О заслугах графа Сперанского в финансовом отношении». В ней Н. Калачов подробно рассматривает финансовый план, реализованный в 1810 и 1811 гг., однако подвергшийся критике со стороны современников М. М. Сперанского, а также журналы Государственного совета за указанные годы. План состоял из нескольких частей. Первая часть была посвящена расходам: предлагалось составить отдельные сметы по разным учреждениям, которые потом требовалось объединить в единую годовую смету. Последняя должна была обсуждаться в Государственном совете и утверждаться в форме закона. Во второй части предусматривались меры по увеличению доходов. Третья часть содержала основы организации монетной и кредитной системы, четвертая — структуру, полномочия управления финансов.

Автор обращает внимание на несколько основных положений, которые можно вынести из анализа самого проекта: например, выпуск денежных бумаг и ассигнаций является государственным долгом, который полезен тогда, когда обеспечивается металлическим фондом, и погашение этого долга должно осуществляться постоянно и в определенные сроки. Твердой основой государственной жизни является точное составление расходов и доходов по всем министерствам и ведомствам, строгий учет и проверка со стороны особого учреждения государственного контроля, а также «гласность всех мероприятий по государственному управлению»⁸.

Несколько прошедших десятилетий с момента рассмотрения финансового плана М. М. Сперанского дают возможность беспристрастно отнестись к его деятельности и понять, что «задушевные мысли, руководившие им при начертании разных проектов, были вполне честны и стремились к пользе отечества»⁹. Об этом, в частности, свидетельствует то обстоятельство, что комиссии, работавшие над составлением финансовых планов, даже не зная предложений М. М. Сперанского, проводили в жизнь те положения, которые были разработаны им.

⁷ Там же. С. 150.

⁸ Там же; Калачов Н. О заслугах графа Сперанского в финансовом отношении // Юридический вестник. 1880. № 1. С. 11–12.

⁹ Там же. С. 14–15.

Материалы о личности М. М. Сперанского можно найти не только в отраслевой юридической периодике, но и в универсальной, и даже на региональном уровне. Например, в газете «Нижегородские губернские ведомости» в 1861 году была напечатана публикация «О пребывании М. М. Сперанского в Нижнем Новгороде»¹⁰. Ее появление было связано с выходом в свет сочинения, посвященного жизни графа М. М. Сперанского, одна из глав которой рассказывает о том времени, когда он в начале 1812 года по приказу императора был отправлен в Нижний Новгород «в изгнание». По мнению автора материала, эта информация может быть интересна читателям, особенно учитывая, что не у каждого могла быть возможность познакомиться с самой книгой. Поэтому было решено напечатать в газете ту часть, которая относится к Нижнему Новгороду. В этом материале нет сведений о государственной деятельности М. М. Сперанского, но отсюда мы можем узнать о том, как он жил, чем занимался, с кем встречался и переписывался, что позволяет более подробно составить портрет графа.

В «Саратовских губернских ведомостях» в 1846 г. на протяжении трех выпусков (№ 34–36) был напечатан очерк жизни М. М. Сперанского. Обращает на себя внимание комментарий редакции, объясняющий причины подготовки подобного материала: «Чтение жизнеописаний великих людей всегда и везде было и будет поучительно и назидательно. Героические деяния их электризуют душу и настраивают ее ко всему благородному и высокому <...> Граф Сперанский есть в своем роде Герой <...> Около полвека он постоянно сиял на политическом горизонте России как благодетельное светило. Угас он, но слава дел его достойна сохраниться в памяти народной. Поэтому Редакция сочла долгом познакомить своих читателей с этим великим человеком»¹¹.

Таким образом, значение деятельности М. М. Сперанского действительно огромно. К сожалению, не все его современники смогли оценить тот вклад, который он внес в развитие многих сторон как государственной, так и общественной жизни в целом. Однако спустя некоторое время его идеи, предложения, проекты получили

¹⁰ Овсянников Н. О пребывании М. М. Сперанского в Нижнем Новгороде // Нижегородские губернские ведомости. Неофициальная часть. 1861. № 46. С. 330–333.

¹¹ Очерк жизни графа Михаила Михайловича Сперанского // Саратовские губернские ведомости. 1846. № 34. С. 245.

заслуженное признание, что подтверждается, в частности, материалами, которые были опубликованы в разнообразных периодических изданиях.

Обращает на себя внимание уважительное отношение к описанию биографии и деятельности М. М. Сперанского. Авторы материалов положительно оценивают предложенные им проекты, при этом отмечают их важное значение и актуальность, даже спустя десятилетия.

Редакционные коллективы при формировании тематического направления своих изданий учитывают потребности своей аудитории, стараются передать те сведения, которые будут ей интересны. Рассмотренные выше некоторые примеры публикаций из периодики свидетельствуют о том, что обществу важно не только государство, но и отдельные его деятели, благодаря которым развивается и совершенствуется их отечество. Таким человеком был и М. М. Сперанский, целью жизни которого было служение своей стране, своему народу и который и сейчас остается примером для каждого из нас.

Список литературы:

1. *Иконникова И. С.* М. М. Сперанский в интерьере личной библиотеки и правовая жизнь российского общества // Мир политики и социологии. 2012. № 11.
2. *Калачов Н.* О заслугах графа Сперанского в финансовом отношении // Юридический вестник. 1880. № 1.
3. *Коркунов Н. М.* Политические воззрения Сперанского до его знакомства с Императором Александром I // Вестник права. 1899. № 8.
4. *Овсянников Н.* О пребывании М. М. Сперанского в Нижнем Новгороде // Нижегородские губернские ведомости. Неофициальная часть. 1861. № 46.
5. *Очерк жизни графа Михаила Михайловича Сперанского* // Саратовские губернские ведомости. 1846. № 34.
6. *Румянцева Н.* М. М. Сперанский и русская речь // Высшее образование в России. 2006. № 8.
7. *Скрыдлов А. Ю.* Страницы истории отечественной археографии: к 100- летию Комиссии по изданию сочинений, бумаг и писем графа М. М. Сперанского // Клио. 2020. № 6 (162).
8. *Столетняя годовщина гр. М. М. Сперанского* // Юридический вестник. 1872. Кн. 1.

Лонская Светлана Владимировна

д-р. юрид. наук, проф. Балтийского федерального университета им. И. Канта,
Россия, Калининград

КОНЦЕПЦИЯ ПРАВОСУДИЯ М. М. СПЕРАНСКОГО

Аннотация: На основе сочинений М. М. Сперанского реконструируется его концепция правосудия: сущность и общие принципы судебной власти, структура судебной системы. В своей концепции М. М. Сперанский сформулировал такие идеи, как отделение суда от следствия, введение аналога института мировой юстиции (волостные суды), учреждения единого верховного суда — Сената и др. Рассмотрены некоторые проблемы реализации идей М. М. Сперанского и их влияния на последующую эволюцию российского правосудия.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, правосудие, судебная власть, суд.

Выдающийся вклад Михаила Михайловича Сперанского в развитие отечественного государства и права давно не вызывает сомнения у историков, историков права. Причем значимость этого вклада определяется не только тем, что трудами Сперанского преобразовался государственный аппарат, получила свое теоретическое и практическое оформление система законодательства, увенчанная монументальными Полным собранием и Сводом законов Российской империи. Сделанное Сперанским оказало влияние и на последующее развитие государственно-правовых институтов. «Не будь «Свода законов», немислима была бы Судебная реформа 1864 года», — отметил В. А. Томсинов¹. Добавим, что и без размышлений Сперанского о судебной власти и его деяний, посвященных ее устройению в России, судебные преобразования второй половины XIX в. могли бы быть также иными.

Еще барон А. Э. Нольде, один из биографов М. М. Сперанского, обратил внимание на то, что из «Плана государственных преобразований» невозможно в достаточной мере получить полное представление о взглядах Сперанского на устройство судебного строя². «План», однако, не единственное сочинение Сперанского, где излагаются его мысли о судебной власти и правосудии, и, как представляется, реконструкция концепции правосудия М. М. Сперанского возможна.

¹ Томсинов В. А. Сперанский. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 409.

² Нольде А. Э. М. М. Сперанский. Биография. М.: Московская школа политических исследований, 2004. С. 56.

Итак, помимо «Плана государственных преобразований» («Введение к Уложению государственных законов»)³ 1809 г., в качестве источников для реконструкции концепции правосудия М. М. Сперанского могут рассматриваться «Отрывок о Комиссии Уложения»⁴ 1802 г., записка «О коренных законах государства»⁵ 1802 г., «Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России»⁶ 1803 г., «Проект Уложения государственных законов Российской империи»⁷ 1809 г. «Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» стала, в свою очередь, важным источником итогового «Введения к Уложению государственных законов».

В выстраивании собственной концепции правосудия М. М. Сперанский опирался, прежде всего, на труды европейских просветителей. В его распоряжении были не только сочинения Ш. Л. Монтескьё, С. Пуфендорфа, Ч. Беккариа, И. Бентама и др., но и многочисленные бумаги Комиссии составления законов, материалы его сотрудника М. А. Балутьянского, а также материалы, переданные Сперанскому самим императором Александром I⁸. Наверное, не будет преувеличением сказать, что в концепции Сперанского немного оригинальности, и она представляет собой обширную компиляцию передовых идей Нового времени, приспособленных под практические нужды Российской империи. Однако ценность концепции правосудия М. М. Сперанского для теории права от этого не уменьшается: труд компилятора тоже имеет значение.

Отношение М. М. Сперанского к современному ему правосудию было крайне критическим. Давая оценку форме суда в России, он писал: «У нас почти ее нет, и то, что сим именем называется, есть уродливое произведение подъяческих умов, сотворенное для питания ябеды и зла, бесконечности всех тяжб»⁹. Примечательно, что

³ *Сперанский М. М.* Проекты и записки / под ред. С. Н. Валка. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 143–221.

⁴ Там же. С. 17–28.

⁵ Там же. С. 28–55.

⁶ Там же. С. 86–139.

⁷ Там же. С. 222–225.

⁸ *Нольде А. Э.* Указ соч. С. 56; *Луковская Д. И., Гречишкин С. С., Морозов В. И.* Михаил Михайлович Сперанский (материалы к биографии). М.; Аугсбург: Im-Werden-Verlag, 2001. С. 28–29.

⁹ *Сперанский М. М.* Проекты и записки. С. 25.

поначалу Михаил Михайлович выразился более обтекаемо: «есть смесь, непонятная самым опытным знатокам», — но потом нашел более хлесткие и образные характеристики. В общем, в своих взглядах Сперанский был не одинок; несовершенство, громоздкость, волокита и несправедливость российского суда были очевидны многим и вызывали в среде просвещенной бюрократии и интеллигенции резкую критику, которая высказывалась не только в личной переписке, но и публично. Такими критически настроенными лицами в окружении М. М. Сперанского в начале XIX в. были и Д. П. Троицкий, и А. Н. Радищев, и М. А. Балугьянский. Поэтому органично выглядит в этом ключе замечание Сперанского и о том, что «правосудие... должно идти скоро», хотя и не может быть никогда справедливо в самовластных правлениях¹⁰.

Суд рассматривается Сперанским как часть государственного управления — наряду с полицией, войском, внешними сношениями и государственным хозяйством (экономией). Это особенная власть, возвращающая каждому свое, правоприменительная по сути (закон действует посредством суда). Такое представление о сущности судебной власти не противоречит признанию Сперанским за ней характера власти исполнительной, т. е. правоприменительной по своей природе. В то же время М. М. Сперанский пишет о «трех силах» (возможно, делая кальку с английского «power»), которые движут и управляют государством: законодательной, исполнительной и судной, соединенное действие которых составляет «державную власть», представленную императором.

Ряд основополагающих принципов судебной власти М. М. Сперанский формулирует в ходе своих рассуждений о ее сущности: единство судебной власти; публичность; выборность судей; контрольно-надзорные функции правительства (исполнительной власти) над судебными формами и «охранением общей безопасности» (уголовной юстицией); отделение суда от следствия. Формулы «без суда никто не может быть наказан» и «без суда никто собственности лишен быть не может»¹¹, упомянутые М. М. Сперанским, — это составляющие принципа осуществления правосудия только судом.

М. М. Сперанский очерчивает и контуры судебной системы.

¹⁰ Там же. С. 48.

¹¹ Там же. С. 180.

Нижестоящие судебные инстанции — волостные суды — у Сперанского аналогичны мировым судам, причем в русле патриархального подхода к мировой юстиции (мировой судья как судья совести и примиритель). Существо волостного суда состоит «более в мирном разбирательстве гражданских дел через посредников и во взыскании за маловажные полицейские проступки означенных в законе пеней и наказаний, нежели в формальном и письменном их производстве»¹². Волостной суд должен был состоять из главного волостного судьи, его товарища (заместителя) и волостных судей. По некоторым делам, главным образом уголовным, в суд приглашаются два депутата из волостного совета. Сперанский называет их присяжными (*jury*), волостной судья — председатель (*directeur de jury*). Депутаты-присяжные (оба или по крайней мере один) избираются из того сословия, к которому принадлежит подсудимый; если же таковых нет, то подсудимый отсылается в окружной суд. Вряд ли такой состав суда похож на классический суд присяжных, скорее это шеффенская модель, во всяком случае Сперанский не уточняет формы осуществления правосудия далее.

Окружные и губернские суды — основной каркас судебной системы. Они делятся на два отделения (гражданское и уголовное). Впервые разделение структуры суда на два департамента, гражданский и уголовный, было предпринято в ходе судебной реформы Екатерины II. Эта практика себя оправдала, хорошо укоренилась в отечественном правосудии, и Сперанский следует за ней. Примечательна определяемая роль председателя окружного (губернского) суда: он не судья, а администратор — охранитель форм и судебных обрядов¹³. К участию в рассмотрении уголовных дел также привлекаются депутаты окружного (губернского) совета в качестве присяжных.

Ключевой в структуре судебной системы по Сперанскому, как представляется, является идея единого верховного суда — Сената. К ней М. М. Сперанский пришел не сразу. Поначалу, в «Записке об устройстве судебных и правительственных учреждений в России», Сенат представлялся им как орган бикамеральный: Сенат законодательный и Сенат исполнительный. Последний, в свою очередь, должен был разделиться еще на две части: судную и управления¹⁴.

¹² Там же. С. 197.

¹³ Там же. С. 197–198.

¹⁴ Там же. С. 126.

Идею Сената как «верховного судилища для всей империи» Сперанский высказывает немного позже в «Плане государственных преобразований»¹⁵. Управление отделяется от Сената в самостоятельную сферу, эта государственная функция должна принадлежать министерствам.

Нетрудно заметить, что ряд идей М. М. Сперанского, в частности создание суда присяжных, привлечение сословных представителей в судебный состав судебных палат при рассмотрении дел в первой инстанции, единый верховный суд нашли свое применение в ходе Судебной реформы 1864 г. Хотя вряд ли Сперанского следует рассматривать как первоисточник подобных идей (например, сторонников суда присяжных в процессе разработки Судебных уставов 1864 г. было немало).

В концепции правосудия М. М. Сперанского немалое место принадлежит и размышлениям о судьях и качестве судейского корпуса: «Познали ли вы, до какой степени судье трудно быть честным там, где нет общего мнения, где нет публичности в деяниях суда, нет ответственности, нет совету, нет способов учения, и, наконец, чтоб все это заключить в одном слове, где самый текст закона известен только по секретарским письменным тетрадам, от одного к другому переходящим и нигде в порядок не приведенным. Исправьте все сии несовершенства, суду побочные и от других частей управления зависящие, тогда рассуждайте о действии наших законов»¹⁶. Главный недостаток Сперанский видит в том, что судьи «творятся одною только волей и приказанием правительства»¹⁷, что влечет за собой случайность выбора, слабое представление назначенного судьи о законе, праве, обязанности. Воспитание и просвещение должно приготавливать «добрых судей» и «просвещенных исполнителей». Там, где «судьи учатся, а не творятся»¹⁸, будут и менее ощутимы недостатки законов. Неслучайно именно по инициативе М. М. Сперанского был введен в 1809 г. «экзамен на чин», Сперанский составил первые уставы Царскосельского лицея и Училища правоведения¹⁹.

М. М. Сперанский смог не только потеоретизировать, но и практически опробовать свою концепцию правосудия. Частично в мас-

¹⁵ Там же. С. 198.

¹⁶ Там же. С. 123.

¹⁷ Там же. С. 122.

¹⁸ Там же. С. 125.

¹⁹ Нольде А. Э. Указ. соч. С. 230; Томсинов В. А. Указ. соч. С. 146, 156–157.

штабах всей России был реализован «План государственных преобразований», а позже, в пору пребывания в должности сибирского генерал-губернатора, М. М. Сперанский осуществил там судебную реформу («Учреждение для управления Сибирских губерний» 1822 г.²⁰). В сибирских губерниях были введены губернские и окружные суды, депутаты от различных состояний (по делам людей духовного, купеческого и мещанского сословий) присутствовали в заседаниях окружного суда и т. д. По оценкам современных исследователей, эта реформа оказалась провальной²¹. Была ли в том причиной заведомая иллюзорность концепции правосудия самого реформатора, разбившаяся о суровые реалии повседневного российского бытия? Кадровый голод, низкий профессионализм имеющих судей, недостаток финансирования — эти и прочие пороки системы не позволили создать идеальный судебный порядок на отдельно взятой территории, причем особенной, обширной, значительно удаленной от основной части империи. Начинать судебную реформу с периферии, в виде исключения из общего правила, — не самое лучшее решение. В этом отношении результативность Судебной реформы 1964 г., проводившейся от общего — к частному, от центра — к окраинам, оказалась эффективнее. Свою же сентенцию о том, что следует исправить все несовершенства, побочные суду и зависящие от других отраслей управления, Михаил Михайлович позабыл либо проигнорировал. Сперанский как мыслитель в деле судебной реформы проиграл Сперанскому как администратору.

Список литературы:

1. *Крестьянников Е. А.* «Система Сперанского» и эффективность деятельности юстиции Западной Сибири // Журнал российского права. 2015. № 12.
2. *Луковская Д. И., Гречишкин С. С., Морозов В. И.* Михаил Михайлович Сперанский (материалы к биографии). М.; Аугсбург: Im-Werden-Verlag, 2001. 118 с.

²⁰ ПСЗ-1. Т. 38. № 29125.

²¹ *Крестьянников Е. А.* «Система Сперанского» и эффективность деятельности юстиции Западной Сибири // Журнал российского права. 2015. № 12. С. 27–38; *Миннеханова Р. Г.* Результаты судебной реформы М. М. Сперанского в Сибири // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2007. № 4 (13). С. 36–41.

3. *Миннеханова Р.Г.* Результаты судебной реформы М.М.Сперанского в Сибири // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2007. № 4 (13).
4. *Сперанский М.М.* Проекты и записки / под ред. С. Н. Валка. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 245 с.
5. *Нольде А.Э.* М.М.Сперанский. Биография. М.: Московская школа политических исследований, 2004. 304 с.
6. *Томсинов В.А.* Сперанский. М.: Молодая гвардия, 2006. 451 с.
7. Учреждение для управления Сибирских губерний от 22 июля 1822 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т.38. № 29125.

Юдина Марина Игоревна

канд. юрид. наук, доц. Санкт-Петербургского государственного университета,
Россия, Санкт-Петербург

М. М. СПЕРАНСКИЙ О ВЕРХОВЕНСТВЕ «ПРАВИЛЬНОГО» ЗАКОНА

Аннотация: В статье рассматривается деятельность выдающегося российского ученого, реформатора М. М. Сперанского по созданию и развитию в России политико-правовой доктрины верховенства законов на основе принципа законности. Представлен краткий обзор соответствующих работ основателя российской правовой науки.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, возникновение конституционализма, концепция верховенства «правильного» Закона, классификация законов, основные государственные законы Российской империи.

Владыки! вам венец и трон
Дает Закон — а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон.

А. С. Пушкин

Концепция о верховенстве Закона (права) в государстве, как и идеи о «правильных» законах, находящихся в основе государственного порядка и управления, являлись и являются предметом исследования ученых-правоведов на протяжении всей истории развития общественно-политических учений. Они предшествовали теориям правового государства, способствовали закреплению понятия «правового государства» в конституциях развитых государств современности.

И хотя определения правового государства, данные научными школами, известными мыслителями, постоянно дополнялись и изменялись, такие понятия, как «Право» (как и его базовые ценности), «Закон» («правильные» законы), идеи «общего блага» неизменно отождествлялись с такими основополагающими ценностями, как «правда», «справедливость», «правильный», притом на каждом историческом этапе эти представления менялись, приобретая различные смыслы¹.

¹ Начиная с древнерусского мировоззрения под справедливостью понимали «правду» («правильность»), «правда» — это прежде всего морально-правовая категория, ведь Правда — это стремление к справедливости, к добру и совершенству, поэтому понятие «правда» («правильный») не могло быть

Именно поэтому в дошедших до нас источниках христианской мысли, сначала Киевской, а затем — Московской Руси, понятие «естественное право» и «Божественная справедливость», по сути, были тождественными и обозначались термином «правда». Именно поэтому под беззаконием понимали любое безнравственное деяние и приравнивали к нарушению Правды — закона, ведь верховная власть должна править по закону морали, соблюдать «правду во всем» и все разрешать по закону. Именно в «московский период» — период борьбы с еретическими движениями, противостояния стяжателей и нестяжателей, борьбы за первенство между духовной и светской властью (включая церковный раскол в XVII в.), появляются на Руси учения об ограничении верховной власти законом².

С процессом становления абсолютной монархии (вторая половина XVII — начало XVIII вв.) философско-правовые взгляды отечественных мыслителей способствовали формированию в обществе образа «просвещенного правителя», который способен обеспечить «благо» всем подданным³.

чисто юридическим термином, регламентирующим поведение человека. «В системе древнерусского мировоззрения морально-правовые принципы ... которые мы обычно связываем со словом «справедливость», выражались широким спектром слов, объединенных общеславянской корневой морфемой «прав-»: правда, праведный, правило, правильный» (*Печерская Н. В.* Справедливость: между правдой и истиной (История формирования концепта в русской культуре). «Правда»: дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории / под ред. Н. С. Плотникова. М.: Ключ-С, 2011. (Библиотека Института «Справедливый мир»; вып. 22). С. 21.

² См. об этом, напр.: *Юдина М. И., Карамышев О. М.* Идея естественного права как «правды» и «справедливости» в истории русской правовой мысли (XI — начало XIX вв.) // Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт: Сборник трудов международной научной конференции (Воронеж, 11–12 сентября 2020 г.) / редкол.: М. А. Беляев, В. В. Денисенко]. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2020. С. 371–378.

³ Так, развивая идеи «общего блага», идеолог абсолютизма — Феофан Прокопович (в миру Елисей, по другим сведениям — Елеазар Прокопóвич (1681–1736), русский политический и духовный деятель, богослов, писатель, поэт, математик, философ, переводчик, публицист, универсальный ученый), будучи архиепископом, обосновал необходимость абсолютной монархии в России (точнее, «своеобразное восточное самодержавие»), наличие верховной неограниченной власти у императора, стремился связать религиозные догмы и идеи школы естественного права (трактаты: «Слово о власти и чести царской» (1718), «Правда воли монаршей во определении наследника державы своей» (1722) и др.).

В эпоху Просвещенного абсолютизма (1762–1796: период правления императрицы Екатерины II) в России существенно развивается право, широко распространяются идеи служения народу, справедливого общественного и государственного строя.

Большое воздействие на формирование естественно-правовых воззрений в России XVIII — начала XIX веков оказали сочинения западноевропейских мыслителей, особенно деятелей французского Просвещения. Концепция естественного права была по своему духу ограничивающей самодержавие, антиавторитарной и антифеодальной. Очевидно ее влияние на развитие конституционализма в России XVIII–XIX вв., характерными атрибутами которого становятся понятия «стремление к верховенству закона», «установление ограничений на применение политической власти», «концепция ограниченного управления под властью закона»⁴, «истинная», «законная» монархия⁵, используемые просвещенными россиянами в публикуемых трактатах того времени.

Ведь попытки обоснования единообразных, «правильных» законов предпринимались на Руси постоянно⁶.

⁴ *Fellman D. Constitutionalism. In: Dictionary of the history of ideas. Vol. 1. N.Y., 1973, p.485* (Цит. по: *Польской С.В. Дворянский конституционализм в России XVIII — начала XIX в. // Вопросы истории. 2011. № 6. С. 28*).

⁵ Как отмечает С.В.Польской, данное понимание восходит к так называемой концепции «истинной монархии» Ш.Монтескье. «В действительности Монтескье не употреблял словосочетание “истинная монархия” или “законная монархия”, эти термины встречаются у его комментаторов для обозначения отличия монархии от деспотии. Сам Монтескье говорил об умеренной форме правления и применял к монархии эпитет *modérée* или *tempérée* (умеренная, в смысле смягченная законами). Он также считал ее лучшей современной формой правления» (Цит. по: *Польской С.В. Дворянский конституционализм в России XVIII — начала XIX в. С. 31, 41*).

⁶ «Посему-то и у нас мысль о единообразии и правильном составе законов всегда была постоянною мыслию всех российских законодателей. Ни в одном царствовании, ни в кратком, ни в продолжительном, она не была во все оставляема. Понятия о сем составе изменялись, колеблясь между сводом прежних законов и новым их уложением, но главное намерение всегда было одно и то же: состав законов ясный, правильный и единообразный» (Авторство М.М.Сперанского установлено по его письму к князю Д.В.Голицыну от 23 мая 1833 г., опубликованному в журнале «Русская старина» (1898. Том 95. Июль. С. 153–154), где говорится: «К Своду законов, который я имел честь вашему сиятельству доставить, составлено мною на русском языке, напечатанное на сих днях, “Краткое историческое его обозрение”». Авторство Сперанского подтверждено в предисловии к Обозрению исторических сведений о Своде за-

Труды теоретиков французского Просвещения, немецкой исторической школы права, практика английского конституционализма, кодификационные работы начала XIX века (наиболее значимыми из которых были Кодекс Наполеона 1804 г., Всеобщее гражданское уложение Австрии 1812 г.), а главное — воцарение на Руси Александра I, способствовали появлению у образованной и прогрессивной части российского общества «естественно-правовых» настроений, реформаторских воззрений по институциональным преобразованиям в стране, развитию русского конституционализма, сторонником и выразителем которого явился Михаил Михайлович Сперанский — Государственный секретарь и член Государственного совета Российской империи, полный кавалер высших российских орденов, реформатор, основатель российской правовой науки, создатель русской юридической терминологии.

В разносторонней деятельности М. М. Сперанского как ученого и государственного деятеля политико-правовая доктрина формировалась в различные периоды его жизни и проявилась в эпоху царствования трех императоров: Павла I (1796–1801), Александра I (1801–1825) и Николая I (1825–1855), нашла выражение в различных трудах (проектах, записках, докладах, статьях)⁷ мыслителя: «Отрывок о Комиссии Уложения» (1802, ранее 11 сентября), «О коренных законах государства» (1802), «Еще нечто о свободе и рабстве» (1802), «Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» (1803), «Введение к Уложению государственных законов» (1809), «Проект Уложения государственных законов Российской империи» (1809), «Общее обозрение всех преобразований и распределение их по временам» (1809 г.), «Обозрение исторических сведений о Своде законов» (1833), «О законах» (1835–1837)⁸, «Руководство к познанию законов» (1838).

На рубеже XIX в., по поручению императора и самодержца Всероссийского Александра I, опираясь на политические теории античных и современных европейских философов, с учетом русской правовой традиции, М. М. Сперанский разрабатывает общий план

конов (Изд. Одесского юрид. общества в память пятидесятилетия со дня смерти М. М. Сперанского. Одесса: Тип. «Одесского листка», 1889).

⁷ Перечень неполный. Указаны работы М. М. Сперанского, рассматриваемые автором в данной статье.

⁸ Извлечение из «Бесед графа М. М. Сперанского с его императорским величеством государем наследником цесаревичем Александром Николаевичем, с 12 октября 1835 по 10 апреля 1837 года».

преобразования общественно-политического строя России, проповедует новаторские, глубоко передовые для своей эпохи идеи: разделение властей, построение деятельности органов государственной власти на основе принципа законности, торжество «правильных» законов, являющихся основой не только верховной власти в государстве, но и государственного порядка и управления, которым подчинялись бы все государственные структуры (включая императорскую особу)⁹, установление «правильной монархической системы», участие в законотворческой деятельности «избранных из всех состояний людей» (элементы народного представительства)¹⁰.

М. М. Сперанский был не единственным, кто выдвигал концепцию верховенства «правильного» Закона в государстве.

Представители различных политико-правовых взглядов, в частности А. П. Куницын (статья «О конституции» 1818 г., книга «Право естественное» 1818–1820), император Александр I (возрождение политики «просвещенного абсолютизма», укрепление законности в стране), декабристы (П. И. Пестель, А. Н. и Н. М. Муравьевы, князь С. П. Трубецкой и др.), выступали за соблюдение принципа законности и приоритет права, при этом у каждого мыслителя было свое видение существа Закона, свое понимание источников власти¹¹, не-

⁹ «Общий предмет преобразования состоит в том, чтобы правление, доселе самодержавное, постановить и учредить на непременимом законе» (то есть в его основе должны находиться не подвергающиеся изменениям в процессе текущего законодательства коренные законы. — *Прим. авт.*; данная цитата «перекликается» с цитатами из других работ Сперанского М. М., рассматриваемых автором в данной статье: «Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России», «Общее обозрение всех преобразований и распределение их по временам»). Нельзя основать правление на законе, если одна державная власть будет и составлять закон и исполнять его. Отсюда необходимость установлений, действующих в составлении закона и его исполнении» (Цит. по: *Сперанский М. М.* Введение к Уложению // Сперанский М. М. Проекты и записки / подгот. к печ. А. И. Копанев и М. В. Кукушкина; под ред. [и с предисл.] С. Н. Валка; Ин-т истории. Ленингр. отд-е АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР [Ленингр. отд-е], 1961. С. 164).

¹⁰ *Луковская Д. И., Гречишкин С. С., Морозов В. И.* Михаил Михайлович Сперанский (материалы к биографии). Научная библиотека. М.; Аугсбург: Im-Werden-Verlag; «ImWerden»: электронная библиотека Андрея Никитина-Перенского, 2001. С. 28–29. URL: https://imwerden.de/pdf/speransky_biografia.pdf (дата обращения: 09.09.2022).

¹¹ Русский историк В. О. Ключевский (1841–1911) в книге «Исторические портреты (сборник)» деятельность М. М. Сперанского оценивал следующим

обходимых для появления «правильных», справедливых законов, их верховенства.

В 1802 году тридцатилетний реформатор начинает самостоятельную теоретико-государствоведческую деятельность¹² — именно к этому году относятся работы М. М. Сперанского: «Отрывок о Комиссии Уложения», «О коренных законах государства», «Примечания» о Сенате», «Размышление о государственном устройстве империи», «О постепенности усовершенствования общественного», «О силе общего мнения», «Еще нечто о свободе и рабстве»¹³.

К идее верховенства не любых, а определенных «коренных» законов М. М. Сперанский обращается в 1802 году в работе «Отрывок о Комиссии Уложения»¹⁴, вопрошая к «законодателям» Комиссии составления законов 1802 г. (1796–1804) «о полноте и точности» сводных уложений (законов) при составлении Уложения. Утверждая, «что монархическое правление, по разности своих коренных законов, может иметь различные виды и степени, словом, что всякое государство имеет свою конституцию, и Уложение должно быть согласно с сею конституциею», он полагает, что они имеют «общее начертание того государственного постановления, к которому должна быть приведена Россия», ведь «Уложение есть часть государственного постановления или конституции, содержащая в себе общие законы, коими устанавливаются взаимные права граждан в отношении к лицу и имуществу»¹⁵.

В том же 1802 году М. М. Сперанский в работе «О коренных законах государства»¹⁶ размышляет «о образе правления» в государ-

образом: «Сперанский заплатил в своем плане (государственных реформ. — *Прим. авт.*) щедрую дань политическим идеям XVIII в. о воле народа как истинном источнике власти» (Цит. по: *Ключевский В. О.* Исторические портреты (сборник). М. М. Сперанский. М.: Эксмо, 2008. С. 1192).

¹² *Луковская Д. И., Гречишкин С. С., Морозов В. И.* Михаил Михайлович Сперанский (материалы к биографии). С. 28.

¹³ Хронологическая последовательность в перечислении документов 1802 г. несколько нарушена с целью их группировки по содержанию, приводятся в порядке, опубликованном в первом советском издании работ М. М. Сперанского в 1961 г. (См.: *Сперанский М. М.* Проекты и записки).

¹⁴ *Сперанский М. М.* Отрывок о Комиссии Уложения // Там же. С. 17–28.

¹⁵ Там же. С. 19, 21. Текст дается в оригинале. Здесь и далее при цитировании орфография автора сохранена. — *Прим. авт.*

¹⁶ *Сперанский М. М.* О коренных законах государства // Сперанский М. М. Проекты и записки. С. 28–55.

стве, определяя «*коренные государства законы*» как «собрание их есть общее государственное положение, или конституция», делает выводы, что «власть самодержавная» («правительство»), учрежденная «на сем основании» (т. е. конституции), «есть или ограниченная монархия, или умеренная аристократия», «что коренные государства законы должны быть творением народа» и «коренные государства законы полагают пределы самодержавной воле»¹⁷, отмечая при этом, что «ни в каком государстве политические слова не противоречат столько вещам, как в России»¹⁸.

Продолжая изучать в записке «Еще нечто о свободе и рабстве»¹⁹, «кто делает свободу и законы силой» («qui fait la force de la liberté et des loix») и определяя в обществе «два рода свободы»: «*свободу политическую*» («когда классы государственные более или менее участвуют в действии власти законодательной и исполнительной, когда народ управляется законом, общею волею принятым или охраняемым») и «*свободу гражданскую*» («независимость каждого класса от произвола другого в обязанностях личных и вещественных»), будучи уверенным в их взаимосвязи («никакая сила не может родить в государстве свободы гражданской, не установив свободы политической»), Сперанский приходит к следующему заключению: «Великие политические пользы разных классов народа удобно могут

¹⁷ В процессе обсуждения реформы Сената в 1802 г. была составлена анонимная записка «О коренных законах государства», традиционно приписываемая М. М. Сперанскому, хотя ее содержание противоречит идеям, изложенным в последующих проектах этого государственного деятеля. Прежде всего очевидна проаристократическая тенденциозность автора — позиция, всегда чуждая Сперанскому, не говоря уже о своеобразном, непозволительно «вызывающем» тоне, в котором написана записка. Исследователи давно отмечали «странности» так называемых «ранних записок» Сперанского. М. М. Сафонов высказал аргументированную версию о том, что автором этих записок является граф В. А. Зубов, член Непременного совета» (Сафонов М. М. О так называемых ранних записках М. М. Сперанского. ВИД, 1991, Т. 22, С. 101–117) (Цит. по: Польской С. В. Дворянский конституционализм в России XVIII — начала XIX в. С. 37).

¹⁷ Цит. по: Сперанский М. М. О коренных законах государства // Сперанский М. М. Проекты и записки. С. 31.

¹⁸ Там же. С. 43.

¹⁹ Рукописный набросок М. М. Сперанского, датированный 1802 г., впервые был опубликован в работе: Сперанский М. М. Еще нечто о свободе и рабстве // Там же. С. 83–85.

быть определены законами, утверждены силою равновесия или поддержаны действием общего мнения»²⁰.

Вновь обращаясь к теме «в отношении к свободе» в работе «Введение к Уложению государственных законов» 1809 г. (Введение к Уложению государственных законов, Введение к Уложению), М. М. Сперанский выделяет две группы законов²¹: 1) общие нормы публичного и частного права (содержащиеся в законах), принимаемые законодательной властью (законодательным сословием), и 2) нормы, устанавливаемые исполнительной властью (содержащиеся в подзаконных актах).

Вопрос назначения Закона, его «разделение» (с целью определения законов, его составляющих) рассматривается Сперанским и в других работах.

В работе «Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» 1803 г. (Записка об устройстве учреждений в России 1803 г., Записка 1803 г.)²² М. М. Сперанский считает, что законы не должны замедлять деятельность государственной машины, в связи с чем необходимо разграничить «Закон» (законы) и «учреждения (регламенты)» (подзаконные акты). Закон, по мнению правоведа, должен устанавливать общие основные нормы права («Закон имеет предметом отношения постоянные и не прменяемые»²³), в рамках которых действует административная (исполнительная) власть — «управление (администрация)» («организация» которой «должна быть ... сообразна общему государственному закону и учреждениям» и которая «не что другое есть, как исполнение закона») и издаваемые ею подзаконные акты («Учреждения»), принимаемые под контролем законодательной власти и имеющие временный характер, при этом, «лучшее» разделение законов — «на три рода: 1) закон государственный (конституционный); 2) закон граждан-

²⁰ Там же. С. 85.

²¹ *Сперанский М. М.* Введение к Уложению // Сперанский М. М. Проекты и записки. С. 175.

²² *Сперанский М. М.* Записка об устройстве учреждений в России 1803 г. // Сперанский М. М. Проекты и записки. С. 86–139. Данная работа М. М. Сперанского была столь «передовой», что впервые была опубликована в России лишь через 100 лет после создания.

²³ Данная цитата «перекликается» с цитатами из других работ Сперанского М. М., рассматриваемых автором в данной статье: «Введение к Уложению государственных законов», «Общее обозрение всех преобразований и распределение их по временам».

ский; 3) закон уголовный. Два последние закона называются иначе уложение (*Code civil et civil et pénal*)»²⁴.

Классификация законов М.М.Сперанским со временем изменяется и дополняется в зависимости от поставленной задачи, трансформируется.

Так, в 1809 г. М. М. Сперанский, излагая план Государственного уложения (Введение к Уложению), в целях составления «истинного понятия вообще о законах государственных», исходя из предмета (регулируемая). — *Прим. авт.*) законов («отношения людей, в обществе живущих»), решает «поставить главные их разделения» в несколько ином формате («два главные разделения законов»): «*Законы государственные*» (которые «определяют отношения частных лиц к государству») и «*Законы гражданские*» (которые «учреждают отношения лиц между ими»)»²⁵. Данному «разделению» законов Сперанский следует и в более поздней работе «О законах» (1835–1837), где дает и более полное определение государственных законов: «Законы государственные определяют союз государственный, союз власти верховной с подданными государства»²⁶. В работе «Руководство к познанию законов» 1838 года²⁷ М.М.Сперанский делит законы («нравственные законы») уже на: «*естественные*» («всенародные») и «*общежительные*» («*общежительные положительные*»); «*внутренние*» («*законы совести*») и «*внешние*» («*законы верховной власти*»). Общежительные законы устанавливают и охраняют «общежительный» порядок («есть тот же порядок нравственный, т. е. состав прав и обязанностей к себе, к другим и к Богу, примененный в образе его исполнения ко времени, к месту, к степени общежития и к роду населения»), делятся «на законы государственные и гражданские ... Законы государственные определяют права и обязанности, возникающие из союза верховной власти и подданства. В составе этих прав первое место занимает власть законодательная и власть верховного правления. Порядок, коим действует сия власть на подданных ... —

²⁴ Цит. по: *Сперанский М. М.* Записка об устройстве учреждений в России 1803 г. // Сперанский М. М. Проекты и записки. С. 102, 103.

²⁵ Цит. по: *Сперанский М. М.* Введение к Уложению // Там же. С. 144.

²⁶ Цит. по: *Сперанский М. М.* О законах // Михаил Михайлович Сперанский. Избранное / вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. М.: Статут, 2015. С. 253.

²⁷ *Сперанский М. М.* Руководство к познанию законов 1838 г. // Там же. С. 285–331.

законы основные... Основные Законы изображают порядок, коим власть верховная действует в законодательстве и в правлении»²⁸.

Составляя в 1809 г. «истинное понятие» о государственных законах (Введение к Уложению государственных законов) как «суть двух родов: одни суть преходящие» (регламентирующие вопросы государственной экономии, войны и мира и пр., которые требуют внесения изменений по мере изменения обстоятельств государственной жизни), «другие коренные и неподвижные» (то есть неизменяемые, так как «во всяком благоустроенном государстве должны быть начала законодательства положительные, постоянные, непреложные, неподвижные, с коими бы все другие законы могли быть соображаемы»), М. М. Сперанский приходит к выводу, что данные «положительные начала» и есть «суть коренные государственные законы»²⁹, и «естли бог благословит все сии начинания, то к 1811-му году... Россия восприимет новое бытие и совершенно во всех частях преобразуется»³⁰.

Никакой закон, по плану Сперанского, не мог иметь силы, если он не был составлен законодательным собранием («в законодательном сословии»), а подзаконные акты — «во власти правительства» (исполнительной власти). Здесь проявляется стремление М. М. Сперанского отделить закон от подзаконных актов, а также органов власти их принимающих, в связи с чем и несущих ответственность. Каждое «отделение» исполнительной власти несет ответственность, подчеркивает Сперанский, причем двойного рода: «*Первый род ответственности* состоит в том отчете, каким каждое низшее отделение власти исполнительной обязано отделению высшему... *Второй и высший род ответственности* состоит в отчете, коим исполнительная власть обязана законодательной». Данная ответственность «есть первый шаг решительного приближения ... к правильной монархии, ибо, установляя ее, государь самодержавный отступает от безотчетного управления и в лице министров покоряет собственную свою власть закону»³¹.

²⁸ Там же. С. 291, 296–298. М. М. Сперанским были разработаны и другие классификации законов, которые в данной работе не рассматриваются.

²⁹ Цит. по: *Сперанский М. М.* Введение к Уложению // Сперанский М. М. Проекты и записки. С. 145.

³⁰ Цит. по: *Сперанский М. М.* Общее обозрение всех преобразований и распределение их по временам // Сперанский М. М. Проекты и записки. С. 237.

³¹ Цит. по: *Сперанский М. М.* Записка об устройстве учреждений в России 1803 г. // Там же. С. 105, 107, 110.

Исследуя в Записке 1803 г. порядок государственного управления и возможности проведения в самодержавном государстве принципа коренных законов, молодой ученый рассматривает «настоящий образ правления в России и ее конституцию».

В «правильной монархии» «государственный закон» («конституция»³², по терминологии Сперанского) должен соответствовать следующим признакам «доброго управления»: «1) все состояния (т. е. сословия. — *Прим. авт.*) государства, быв свободны, участвуют в известной мере во власти законодательной; 2) власть исполнительная вся принадлежит одному лицу, участвующему и утверждающему всякое законодательное действие; 3) есть общее (т. е. общественное. — *Прим. авт.*) мнение, оберегающее закон в исполнении его; 4) есть независимое сословие народа (т. е. законодательный орган. — *Прим. авт.*), коему исполнители отвечают (т. е. перед которым исполнительная власть ответственна. — *Прим. авт.*); 5) существует система законов гражданских и уголовных, принятая народом; 6) суд не лицом государя отправляется, но избранными от народа и им утвержденными исполнителями, кои сами суду подвержены быть могут; 7) все деяния управления (в числе которых М. М. Сперанский в Записке 1803 г. подразумевает и суд. — *Прим. авт.*) публичны, исключая некоторого числа случаев определенных; 8) существует свобода тиснения (т. е. печати. — *Прим. авт.*) в известных, с точностью определенных границах. То, что называется государственным законом или конституциею, не есть закон писанный, но закон вещественный, не на бумаге, но в действии самом существующий. Он не столько состоит в установлениях государства, сколько в вещественном разделении сил его на все состояния. Он поддерживается не столько видимыми условиями, сколько привычками и духом народным; это есть физическое сложение, темперамент политического тела; 9) существует в народе довольный степень просвещения и обилие во всех способах исполнения законов»³³.

Определяя в Записке об устройстве учреждений в России 1803 г. «первое начало власти в России» («вот в чем состоит на первый взгляд вся конституция сего государства»), как «Государь, соединяющий в особе своей все роды сил, единый законодатель, судия и ис-

³² «Государственный закон принято вместо слова конституция и всегда означает закон, определяющий первоначальные права и отношения всех классов государственных между собою» (Там же. С. 87).

³³ Там же. С. 113, 114.

полнитель своих законов», Сперанский тут же оговаривается о недопустимости такого упрощенного определения. Тем не менее далее он делает вывод: «единое понятие, которое можно сделать о государственном управлении в России, есть следующее. Верховное начало в России есть государь самодержавный, соединяющий в особе своей власть законодательную и исполнительную и располагающий неограниченно всеми силами государства»³⁴, уточняя в 1838 г.: «Верховная власть установлена к защите правды, в содействие совести»³⁵.

В Записке 1803 г. М. М. Сперанский полагает, что «государь благонамеренный» не найдет в ограничении своей власти «препятствий к совершению своих предположений» (для проявления своей деятельности). Напротив, «самодержец, который бы захотел употребить во зло неограниченную» власть, встретил бы в народе «твердую преграду своим насилиям», особенно когда народное мнение и «привычки сии долголетним продолжением доброго царства в сердцах укрепятся», по причине чего, «сие укрепление всегда было признаваемо важнейшим оплотом политической свободы и, может быть, лучшею гарантией закона»³⁶.

Данные взгляды М. М. Сперанского на верховную власть не меняются на протяжении жизни законотворца, что подтверждается его поздними работами. «Двумя словами, весьма многозначительными, выражается в наших законах полнота верховной власти: самодержавием и неограниченностью»³⁷, «Слово *самодержавие* ... означает соединение всех стихий державного права во всей полноте их, без всякого участия и разделения», «Слово *неограниченность власти* означает то, что никакая другая власть на земле ... ни вне, ни внутри Империи, не может положить пределов верховной власти российского самодержца» («Ни в каком случае самодержец не подлежит суду человеческому; но во всех случаях он подлежит, однако

³⁴ Там же. С. 116–118.

³⁵ Цит. по: *Сперанский М. М.* Руководство к познанию законов 1838 г. // Михаил Михайлович Сперанский. Избранное. С. 293.

³⁶ Цит. по: *Сперанский М. М.* Записка об устройстве учреждений в России 1803 г. // Сперанский М. М. Проекты и записки. С. 131.

³⁷ «В сих кратких словах заключается два положения: 1) что империя Российская есть монархия, в коей все стихии державного права соединяются в особе императора; 2) что они соединяются во всей полноте их и пространстве, и следовательно, Империя есть чистая монархия» (Цит. по: *Сперанский М. М.* Руководство к познанию законов 1838 г. // Михаил Михайлович Сперанский. Избранное. С. 299).

же, суду совести и суду Божию»). Пределы власти определяются самим монархом: «извне — государственными договорами, внутри — словом императорским»³⁸.

Положение о неразрывной связи Закона с верховной властью подчеркивается во «Введении к Уложению 1809 г.³⁹: «Российская конституция (подчеркнуто Сперанским. — *Прим. авт.*) одолжена будет бытием своим не воспалению страстей и крайности обстоятельств, но благодетельному вдохновению верховной власти, которая, устроая политическое бытие своего народа, может и имеет все способы дать ему самые правильные формы»⁴⁰.

Конституции был посвящен подготовленный М. М. Сперанским в том же 1809 г. «Проект Уложения государственных законов Российской империи» (Проект Уложения государственных законов, Проект Уложения)⁴¹.

«Сам М. М. Сперанский придавал Проекту уложения государственных законов значение конституции, который по праву, если бы он был утвержден и одобрен императором Александром I, можно было бы считать первым конституционным актом Российской империи. ... Система российского законодательства М. М. Сперанского четко увязывалась с системой правления, существовавшей тогда в России... Помимо этого Проект уложения государственных законов заложил теоретическую базу и методологическую основу для построения системы российского конституционного законодательства»⁴².

³⁸ Там же. С. 299, 301.

³⁹ Здесь М. М. Сперанский, дополняя определение порядка государственного управления, также обосновывает конституционно-правовое ограничение существующей власти — подчинение ее законам (не подлежащим изменению), ее разделение: «Три силы движут и управляют государством: сила законодательная, исполнительная и судная. Начало и источник сих сил в народе: ибо они не что другое суть, как нравственные и физические силы людей в отношении их к общежитию. ... Соединенное действие сил составляет державную власть» (Цит. по: *Сперанский М. М.* Введение к Уложению // Сперанский М. М. Проекты и записки. С. 145, 146).

⁴⁰ Там же. С. 153.

⁴¹ *Сперанский М. М.* Проект Уложения // Сперанский М. М. Проекты и записки. С. 222–225.

⁴² Цит. по: *Ченус А. В.* Идеиные основы политико-правовой доктрины М. М. Сперанского // *История государства и права.* 2010. № 12. С. 33.

Разрабатывая концепцию естественного закона (и создавая Свод законов), М. М. Сперанский, памятуя, что «мысль о единообразии и правильном составе законов всегда была постоянною мыслию всех российских законодателей»⁴³, в работах второй трети XIX в.: «Обозрение исторических сведений о Своде законов» 1833 г. (Обозрение исторических сведений о Своде законов), «Руководство к познанию законов» 1838 г. (Руководство к познанию законов 1838 г.), постоянно обращается к вопросам совершенствования законов, понимания «правды», основополагающего, «правильного» Закона (законов) на Руси.

В Обозрении исторических сведений о Своде законов М. М. Сперанский определяет «основания общего разделения» законов следующим образом: «Вопрос о правильном разделении законов принадлежит к высшей их теории, или к так называемой философии прав, т. е. к такой части законоведения, в коей разум восходит к первоначальным понятиям нравственности деяний, к понятиям долга, правды и справедливости (*aequi et justi*) и пр. Подробное исследование сих начал может найти приличное место в общей истории законодательства; здесь же в общих чертах представляются одни их последствия»⁴⁴.

«Правда» по Сперанскому «называется *aequum*» («справедливость» — *перевод авт.*), «есть образ действия совести» и составляет «высший и всеобщий нравственный и естественный закон (краткое выражение сего закона есть: *храни всегда и во всем союзы общения с самим собою, с другими и с Богом*) ... самое основание нравственного порядка». Именно «правда», по глубокому убеждению Сперанского, должна быть в основе нравственных законов, «существо» которых «состоит в установлении нравственного порядка»⁴⁵.

«Сила всех преобразований», по мнению Сперанского, «состоит в том, чтоб постановить образ правления империи на непременимом⁴⁶ законе, дать внутреннее политическое бытие России», «опре-

⁴³ Цит. по: Сперанский М. М. Обозрение исторических сведений о Своде законов // Михаил Михайлович Сперанский. Избранное. С. 215.

⁴⁴ Там же. С. 230.

⁴⁵ Цит. по: Сперанский М. М. Руководству к познанию законов 1838 г. // Михаил Михайлович Сперанский. Избранное. С. 289–290.

⁴⁶ Данная цитата «перекликается» с цитатами из других работ Сперанского М. М., рассматриваемых автором в данной статье: «Записка об устройстве

делить разум коренных государственных законов, то есть начертать план конституции»⁴⁷.

«Коренные законы всех сих установлений, соединенные с такими же законами: 1) о правах верховной власти, 2) о правах престола, 3) о составе закона и 4) о правах поданных составляют *Государственное уложение*»⁴⁸.

Данная идея верховенства Закона («нравственных законов», «коренных законов», *Государственного уложения*) в государстве, а точнее законов, находящихся в основе государственного порядка и управления, принимаемых (издаваемых) на основе принципа законности («правды») законодательным (представительным) органом — суть политико-правовой доктрины М. М. Сперанского, провозглашенной в начале XIX века.

Доктрина верховенства «правильного» Закона в государстве оказалась созвучной эпохе конституционализма в России, идеям, выдвинутым уже на рубеже XX века в царствование Императора Николая II⁴⁹, нашла свое отражение в «Основных государственных законах Российской империи» в редакции от 23 апреля (6 мая) 1906 г. (Основные Законы)⁵⁰.

судебных и правительственных учреждений в России», «Введение к Уложению государственных законов».

⁴⁷ Цит. по: *Сперанский М. М.* Общее обозрение всех преобразований и распределение их по временам // Сперанский М. М. Проекты и записки. С. 231, 232.

⁴⁸ Там же. С. 232.

⁴⁹ «1905 ... 6-го июня в Петергофе, на приеме депутации земских и городских деятелей, Царь сказал: «Пусть установится, как было встарь, единение между Царем и всею Русью, общение между Мною и земскими людьми, которое ляжет в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам» (Собрание речей Императора Николая II. 1905. Разд. 136. Правительственный Вестник, 1894–1906 // Libra Press. URL: <https://www.librapress.ru/2015/02/Sobranie-rechey-Imperatora-Nikolaja-II.html> (дата обращения: 23.09.2022)). Идея единения царя и народа на основе порядка (Закона), отвечающего самобытным русским началам, многократно провозглашалась в Высочайших манифестах в 1903 (26 февраля), 1904 (11 августа), 1905 (18 февраля, 6 августа, 17 октября, 3 ноября), 1906 (20 февраля, 9 июля), 1913 (21 февраля) гг.

⁵⁰ Основные Государственные Законы // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е. Т. 26 (1906). СПб., 1909. № 27805. С. 456–461.

Так, согласно статье 7 Основных Законов: «Государь Император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным Советом и Госу-

Почти два столетия отделяют нас от основного труда М. М. Сперанского — системообразующего правового акта в развитии российского законодательства — Свода законов Российской империи 1832 г. И хотя идеи предлагавшихся им конституционных преобразований остались реализованными далеко не полностью, Михаил Михайлович Сперанский был и остается исключительным явлением в правовом и историко-культурном наследии нашей страны, ключевой фигурой в истории российского права, личностью, отдавшей свой талант и силы во имя будущего России.

Список литературы:

1. Собрание речей Императора Николая II. Правительственный Вестник, 1894–1906. 1905. Разд. 136 // Libra Press. URL: <https://www.librapress.ru/2015/02/Sobranie-rechej-Imperatora-Nikolaja-II.html> (дата обращения: 23.09.2022).
2. Основные Государственные Законы // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е. Т. 26 (1906). СПб., 1909. № 27805. 1158 с.
3. *Ключевский В. О.* Исторические портреты (сборник). М. М. Сперанский. М.: Эксмо, 2008. 1440 с.
4. *Луковская Д. И., Гречишкин С. С., Морозов В. И.* Михаил Михайлович Сперанский (материалы к биографии). Научная библиотека. М.; Аугсбург: Im-Werden-Verlag; «ImWerden»: электронная библиотека Андрея Никитина-Перенского, 2001. 118 с. URL: https://imwerden.de/pdf/speransky_biografia.pdf (дата обращения: 09.09.2022).
5. *Печерская Н. В.* Справедливость: между правдой и истиной (История формирования концепта в русской культуре). «Правда»: дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории / под ред.

дарственною Думою» (Глава первая. О существе Верховной Самодержавной Власти // Основные Государственные Законы. С. 457).

Статьи 42–44 Основных Законов гласили: «42. Империя Российская управляется на твердых основаниях законов, изданных в установленном порядке. 43. Сила законов равно обязательна для всех без изъятия российских подданных и для иностранцев, в Российском Государстве пребывающих. 44. Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного Совета и Государственной Думы и воспрять силу без утверждения Государя Императора»; согласно статье 52 Основных законов: «Закон не может быть отменен иначе, как только силою закона. Посему, доколе новым законом положительно не отменен закон существующий, он сохраняет свою силу» (Глава третья. О законах // Основные Государственные Законы. С. 459).

- Н.С.Плотникова. М.: Ключ-С, 2011. 368 с. (Библиотека Института «Справедливый мир»; вып. 22).
6. *Польской С.В.* Дворянский конституционализм в России XVIII — начала XIX в. // Вопросы истории. 2011. № 6.
 7. *Сперанский М.М.* Проекты и записки / подгот. к печ. А.И.Копанев и М.В.Кукушкина; под ред. [и с предисл.] С.Н.Валка; Ин-т истории. Ленингр. отд-е АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР [Ленингр. отд-е], 1961. 244 с.
 8. Михаил Михайлович Сперанский. Избранное / Вступ. слово, сост.: П.В.Крашенинников. М.: Статут, 2015. 368 с.
 9. *Чепус А.В.* Идеиные основы политико-правовой доктрины М.М.Сперанского // История государства и права. 2010. № 12.
 10. *Юдина М.И., Карамышев О.М.* Идея естественного права как «правды» и «справедливости» в истории русской правовой мысли (XI — начало XIX вв.) // Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт: Сборник трудов международной научной конференции (Воронеж, 11–12 сентября 2020 г.) / редкол.: М.А.Беляев, В.В.Денисенко. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2020. 492 с.

Varga Csaba

Research Professor emeritus, Institute of Legal Studies, Hungarian Academy of Sciences Professor emeritus, Péter Pázmány Catholic University, Hungary, Budapest

LAW, LOGIC AND STRUCTURATION IN LEGAL SYSTEMATICS

Annotation: Does the legal system have a structure and system or they are taken into it from the outside? Neither principles, nor rules are given in themselves, separated from each other in a way classified in terms of the law's taxonomic systemicity as bearing their own separate meaning. All this can be but the result of a constitutive act. It is not logic itself that labels anything as a structuring or systematising element identified as either principle or rule but we, who ponder the mode of how to construct a sequence of distinction, deduction and justification conclusive enough to convince those controlling the issue we propose in the procedural hierarchy. Therefore, the structuring features in law are construed and construing, constructed and constructing at the same time, for they do not and cannot exist in and by themselves at all.

Keywords: structure, division, legal system, principles and rules, legal doctrine, judicial practice, legal construct(ion).

Варга Чаба

д-р. юрид. наук, Почетный профессор-исследователь Института правовых исследований Венгерской Академии наук, Почетный профессор Католического университета им. Пазмани, Венгрия, Будапешт

ПРАВО, ЛОГИКА И ПРИРОДА ПРАВОВОЙ СИСТЕМАТИКИ

Аннотация: Имеет ли правовая система структуру и систему или они привносятся в нее извне? Ни принципы, ни правила не даны сами по себе, не отделены друг от друга таким образом, чтобы классифицироваться с точки зрения таксономической системности права как несущие свой отдельный смысл. Все это может быть лишь результатом конституирующего акта. Не сама логика маркирует что-либо как структурирующий или систематизирующий элемент, идентифицируемый как принцип или правило, а мы, размышляющие о том, как построить последовательность различий, дедукции и обоснования, достаточно убедительную, чтобы убедить тех, кто контролирует вопрос, который мы предлагаем в процедурной иерархии. Поэтому структурирующие признаки в праве одновременно истолковываются и истолковываются, конструируются и конструируются, ибо они не существуют и не могут существовать сами по себе.

Ключевые слова: структура, деление, правовая система, принципы и правила, правовая доктрина, судебная практика, юридическая конструкция.

1. Theoretical Background

The unquestionable hegemony of the idea of the positivity of law lasted until the final third of the 19th century on the European continent, throughout the age of the exegetic application of statutory instruments and until the dawn of the free-law movement. Although re-codification

was not effected in the second half of the 20th century — with the exception of the direction of development taken by socialist law —and the classical civil codes became gradually reduced from their classical function of defining the law to the increasingly passive role of being used as mere systemic *locus*-providers and *locus*-indicators of the direction and conceptuality taken by judicial law development¹, the legal doctrine has nevertheless successfully reduced the disintegration caused by the free-law movement and maintained a positivistic domination for yet another century on the European continent. Though legal positivism was not shattered by the brief rebirth of natural law that took place after the Second World War (as a post-war German reaction to warmongering), finally, the way questions were posed in legal sociology in Europe (from the 1910s on, launched by Eugen Ehrlich), the American “realist” pragmatism (from the 1930s on, inspired mainly by Roscoe Pound), the transformation of the new English linguistic and logical analysis of law (from the 1960s on, initiated by H. L. A. Hart) into an American-type reconstruction of legal discourses (effective from the 1970s, represented by Ronald Dworkin), and, at last — as a stroke of grace — in Europe itself, the stabilisation of the so-called anti-formalist stand (formulated by Michel Villey and Chaïm Perelman) in the debate on law and logic and its progress into a reconstructive inquiry of legal processes, on the one hand, and the foundation of a continental theory of argumentation, cultivated almost as a substitute for legal dogmatics (mainly introduced by Robert Alexy and Aulis Aarnio), on the other — well, all these challenged the validity of unconditional adherence to legal positivism, even if exclusively in theoretical terms, and made it outdated by the 1980s². In brief, what had seemed, just a few decades ago, to be a demand (guided by wishful thinking) for the “decline” of legal positivism, is now rather anticipated by several visions — instead of as a stigma of decay — as the image of a positive escape

¹ Cf. Varga C. Codification as a Socio-historical Phenomenon [1979/1991]. 2nd [reprint] ed., with an Annex & Postscript. Budapest: Szent István Társulat, 2011. viii + 431 pp. Available at: <http://mek.oszk.hu/14200/14231> (accessed: 20.12.2022). See ch. V, para. 5, especially at p. 121.

² For an overview, cf. Varga C. Theory of the Judicial Process: The Establishment of Facts [1991/1995]. 2nd [reprint] ed., with Postfaces I and II. Budapest: Szent István Társulat, 2011. viii + 308 pp. Available at: <http://mek.oszk.hu/15500/15540> (accessed: 20.12.2022). See ch. I.

forwards, resulting from its transcendence as transformed into something new, in a way, however, accompanied by a reassuring continuity³.

Nevertheless, the theoretical dominance of legal positivism in its era offered two possibilities: accepting the actual definition of the law through positive law in practical legal processes while explaining any kind of eventual difference as only an exceptional deviance, on the one hand, and also taking the formal and official positivation of the law as a theoretically descriptive conceptual criterion of legal phenomena, on the other. While the latter was cut relatively soon as applied to the notion of juridicity itself⁴, moreover, the former was also cut back conclusively (and was mainly replaced by explanation within the framework of the processes within an overall autopoietic system)⁵, paradoxically all this has hardly affected the

³ For the decline, see, e. g., *Willey M. Essor et décadence du volontarisme juridique // Archives de Philosophie du Droit, nouvelle série: Le rôle de la volonté dans le Droit*. Paris: Sirey, 1958, pp. 87–136. As to continuity, it is characteristic that only to take just one telling example—the editor of: *Transformation de la culture juridique québécoise / Dir. Bjarne Melkevik*. Québec: Presses de l'Université Laval, 1998. 246 pp., Avant-propos, p. 7, had to leave his working hypothesis behind as unfounded. Albeit the sub-topic of the debate in question was heralded as „Est-ce la fin de l'hégémonie positiviste?“, it does not feature any longer in the printed collection of the proceedings, as the workshop has proven just the antithesis, namely that „l'hégémonie positiviste ne touche nullement à sa fin au Québec, pas plus qu'en d'autres lieux“.

⁴ As a programme and a realisation, cf. *Varga C. Quelques questions méthodologiques de la formation des concepts en sciences juridiques // Archives de Philosophie du Droit*. Vol. XVIII. Paris: Sirey, 1973, pp. 205–241. Available at: <http://mek.oszk.hu/15300/15333/#> (accessed: 20.12.2022). See para. 4, in particular at pp. 223 et seq.

⁵ Cf., as a philosophy of language reconstruction, *Varga C. The Context of the Judicial Application of Norms // Prescriptive Formality and Normative Rationality in Modern Legal Systems*. Festschrift for Robert S. Summers / Eds W. Krawietz, N. McCormick, G. H. von Wright. Berlin: Duncker & Humblot, 1994, pp. 495–512. Available at: <http://mek.oszk.hu/15300/15333/#> (accessed: 20.12.2022); as a restatement characteristic of the critical legal studies, *Conklin W. A. The Phenomenology of Modern Legal Discourse. The Judicial Production and the Discourse of Suffering*. Aldershot [etc.]: Ashgate, 1998. xii + 258 pp.; and, as an autopoietic process, *Varga C. On Judicial Ascertainment of Facts // Ratio Juris*. 1991. Vol. 4, no. 1, pp. 61–71. [Природа судебного установления фактов / пер. Е. Г. Самохина // Варга Ч. Загадка права и правового мышления. Избранные произведения / сост. и науч. ред. М. В. Антоно. СПб.: Алет-Пресс, 2015. С. 238–254].

⁴ It is to be noted that essays on the turn of the 19th and 20th centuries in Central Europe already explored such arguments for theoretical explanation. Cf., above all, *Wurzel K. G. Das juristische Denken*. Wien: Verlag Moritz Peries, 1904. vi + 102 pp. [Methods of Juridical Thinking / Transl. From German by E. Bruncken // Science of

range of problems raised by the structuration of and systematisation in legal systems.

2. Foundations of Structuration and Systematisation Challenged

In the field of continental Civil Law, it seemed to be a self-evident fact, not questioned by anybody until the recent decades, that the very structure of legal systems consists partly of their visible *external division* (according to the branches of the law and, inside any of them, according to its formal sources) — that is, their division into individual branches of the law, including the relevant provisions of the Constitution, the respective code(s) and law(s), the eventual decrees and orders designed to ensure their implementation, as well as the judicial guiding principles issued by decisions for the uniformity of jurisprudence, and also the individual judgements —, and partly of the *internal (logical) self-division* of any legal (normative) regulation resulting from the axiomatic ideal of modern legislation⁶, that is, the fact that regulation is mostly effected by *general* rules and *particular* dispositions in the *general* as well as the *particular* parts of the law-code in question, on the one hand, and by established *principles*, *main rules* (disposing of the particular area of regulation), *rules* (breaking them further down in concretisation), *exceptions* (allowing concessions from these), as well as *sub-exceptions* (making additional concessions available with regard to their last specification), on the other. All this encountered no problems for a long time, because it was made visible exactly in this way; however, because a number of legal theories (including, of course, that of MARXISM) were also trying to find (through simplifyingly viewing law as the reflection of something else, external to and outside of it, hence having to conform in features, structure, etc. to what it is a reflection of) a kind of correspondence between law and the spheres of (social) reality regulated by it, that is, a kind of responsency not merely

Legal Method. Boston: Boston Book Co., 1917. [The Modern Legal Philosophy Series IX].

⁶ See: Varga C. The Quest for Formalism in Law: Ideals of Systemicity and Axiomatisability between Utopianism and Heuristic Assertion // Acta Juridica Hungarica. 2009. Vol. 50, no. 1, pp. 1–30. Available at: <http://mek.oszk.hu/15400/15409> (accessed: 20.12.2022). [Поиски формализма в праве: Идеи системности и аксиоматичности между утопизмом и эвристическим суждением // Варга Ч. Загадка права. СПб.: Алет-Пресс, 2015].

instrumental and/or functional, but also epistemologically interpretable⁷; as well as because these theories took far too seriously the suggestion of all the positive law's staff on the exclusivity of established juristic methods in legal processes. This was the shift in codification from the casuistry to the axiomatic ideal, the transition from the creative precedential induction (the method of comparing, assimilating and distinguishing those precedents, taking the individual cases as a starting point) to the reproductive, mechanical, and deductive rule-application (starting out from the mass of provisions at various degrees of generality of the code, construed as constituents of one logical system, following the axiomatic ideal)⁸.

The Dworkinian theoretical challenge has made it clear that there are principles in every system that are, as to their nature, not only different from the rules but, in fact, control the very policy of the applicability of rules and, thereby, also their actual practice⁹. Well, it is not by mere chance that, based upon this, it was in the United States of America, the flagship of politicised aspirations and expectations, that the practice known as constitutionalisation (subjecting any issue at will to be reduced to — through being inferred directly from — basic rights or constitutional values)¹⁰ had

⁷ Cf., e. g., *Samu M.* A szocialista jogrendszer tagozódásának alapja [The basis for the structuring of the socialist legal system]. Budapest: Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó, 1964. 268 pp. See ch. 5, para. 3, especially at pp. 123 et seq.

⁸ Cf. *Varga C.* The Paradigms of Legal Thinking [1996], 2nd ed., enlarg. Budapest: Szent István Társulat, 2012. 418 pp. [Philosophiae Iuris]. Available at: <http://mek.oszk.hu/14600/14657> (accessed: 20.12.2022). See ch. 2, para. 1. See also Csaba Varga, as the first critical formulation of its primitive idea, with his proposition to transcend it: *Varga C.* A magatartási szabály és az objektív igazság kérdése [Rule of behaviour and the question of objective truth, 1964] // *Varga C.* Az ellentmondás természete [The nature of contradiction] // *Útkeresés Kísérletek — kéziratban* [The Search for a Path: Early Essays in Manuscript]. Budapest: Szent István Társulat, 2001, pp. 4–18 [Jogfilozófiák]. Available at: <http://mek.oszk.hu/15300/15346> (accessed: 20.12.2022) and, as applied to the paradigm of basis and superstructure in Marxism, *Varga C.* Autonomy and Instrumentality of Law in a Superstructural Perspective // *Acta Juridica Hungarica*. 1999. Vol. 40, no. 3–4, pp. 213–235. Available at: <http://mek.oszk.hu/14800/14861> (accessed: 20.12.2022).

⁹ Since the classical topos by Ronald M. Dworkin's (see: *Dworkin R. M.* The Model of Rules // *University of Chicago Law Review*. 1967. Vol. 35, no. 1, pp. 14–46. Available at: https://openyls.law.yale.edu/bitstream/handle/20.500.13051/3028/The_Model_of_Rules.pdf?sequence=2 (accessed: 20.12.2022)), his entire oeuvre seems to substantiate the underlying idea mostly in a constitutional context.

¹⁰ For a dissent in a similarly politicised mirror, see: *Bork R. H.* Slouching towards Gomorrah. Modern Liberalism and American Decline. New York: Regan Books; Harper-Collins, 1997. xiv + 382 pp. Also cf. *Varga C.* Humanity Elevating

evolved. In parallel with this, as a result of the compromise between the needs of changing life and the technical availabilities offered by the law's codification, after the Second World War the German style of legal dogmatics had, as its own construction developed from a practice based on general clauses, already definitely nourished a conception of law that defined it as a texture made up of principles and rules¹¹.

However, just as facts never got to court by themselves, labelled and prepared for a syllogistic inference from the complex of facts and norms¹² (but only as the result of a creative — both normative¹³ and constructive¹⁴ — act of the judicial forum taking a decision), similarly, neither the principles nor the rules are given in themselves, separated as such from each other in a way classified according to the law's taxonomic systemicity as bearing their own, separate meanings. As is known, all this can only be the result of a creative act. Based upon the doctrinal study of law, which classifies the law's notions by transforming them into constituents of a legal system, it is the judicial forum, exercising its authority while undertaking its exclusive responsibility to decide, that builds different propositions into (or, properly speaking, uses them in its reasoning openly or

Themselves? Dilemmas of Rationalism in our Age // Comparative Legal Cultures on Traditions Classified, their Rapprochement & Transfer, and the Anarchy of Hyper-rationalism. Budapest: Szent István Társulat, 2012. 253 pp. [Philosophiae Iuris]. Available at: <http://mek.oszk.hu/15300/15386> (accessed: 20.12.2022).

¹¹ Cf., above all, *Alexy R.* Theorie der Grundrechte. Baden-Baden: Nomos, 1985. 548 pp. [Studien und Materialien zur Verfassungsgerichtsbarkeit 28], and, as built into a coherent theory, *Pokol B.* The Concept of Law: The Multi-layered Legal System. Budapest: Rejtjel, 2001. 152 pp., particularly ch. VIII, pp. 90–106. For the overall debate, cf. as well *Poplawska E.* Constitutionalization of the Legal Order // Polish Contemporary Law. 1998. No. 1–4, pp. 115–134. Available at: <https://czasopisma.inp.pan.pl/index.php/cceel/article/download/1035/991/1431> (accessed: 20.12.2022).

¹² “For court purposes, what the court thinks about the facts is all that matters. For actual events [...] happened in the past. They do not walk into the court.” (Cit. on: *Frank J.* Courts on Trial: Myth and Reality in American Justice. Princeton: Princeton University Press, 1949. xii + 441 pp., see p. 15)

¹³ See, e. g., most expressedly by *Frank J.* Courts on Trial: Myth and Reality in American Justice. Princeton: Princeton University Press, 1949. xii + 441 pp., see pp. 69–87 and *Israel J.* Stipulations and Construction in the Social Sciences // The Context of Social Psychology: A Critical Assessment / eds J. Israel, H. Tajfel. London; New York: Academic Press, 1972, see pp. 123–211.

¹⁴ See, e. g., most forcefully, *Kelsen H.* Reine Rechtslehre, Einleitung in die rechtswissenschaftliche. Problematik. Leipzig; Wien: Franz Deuticke, 1934. xiv + 236 pp.

implicitly as) either principles or rules, respectively. And, in parallel with this, it is their posterior analytical reconstruction that will also label them, interpreting the immense mass of normative regulations and reasonings, used just as raw materials, as either principles or rules.

3. Is there an Structure or System In-built in the Law ?

Does the legal system itself have a structure or system, or is any of them taken into (or given to) it from the outside? And if it is taken, who is taking it? I think it would be absurd to give any kind of negative answer: how would it be possible to transplant any structure into something thought to be unstructured and a-systemic by itself? Or, for the sake of a reasonable answer, we have to hypothesise the legal system as being structured and systematised in itself. However, the questions “what is it?” and “what does it consist of?”, “how is it divided and into what?” and “what is the meaning of this all and of any of its structured or systemic components?”, as well as “what is the significance of its being structured or systematised?” — well, all these already depend upon the sense given (or, more precisely, attributed) to law.

Formerly, in a somewhat similar context, I already presented the figure of three partially intersecting circles. This was intended to prove, as against the normativist message of legal positivism (claiming that by means of norms alone one can bring about a medium with an own existence, capable of effective operation in social practice), that the criteria for the law set when it has been made positive do not necessarily imply more than mere manifestations of an intention that existed at the time of positivation. Therefore, the concern about what the law was intended to be (i. e., to signify and represent) by its drafter(s) when it was promulgated (e. g., in legislation) is not necessarily identical with the one about what and how the law is being formed into — when re-asserted, adapted or having ceased practically to exist — in either its official “application” (e. g., in judicial practice) or its actual community practice respecting the unofficial and spontaneous, popular ways of customary proceeding as if for legal effect¹⁵.

¹⁵ Cf. *Varga C. Anthropological Jurisprudence? Leopold Pospíšil and the Comparative Study of Legal Cultures // Law in East and West. Tokyo: Institute of Comparative Law of the Waseda University, 1988, pp. 265–285, 271–272. Available at: <http://mek.oszk.hu/15300/15333/#> (accessed: 20.12.2022). [«Право» или «нечто более или менее правовое» (антропологические рассуждение о том, то есть право) / пер. Е. Г. Самохина // Варга Ч. Загадка права. СПб.: Алет-Пресс, 2015. С. 185–194].*

Well, we can apply again the aforementioned figure (implying the practice of hermeneutical communities, giving and exchanging meanings) as reflected by the issue of the internal structuring of the legal system itself, by placing the intersecting circles into a circle partly closed (Figure).

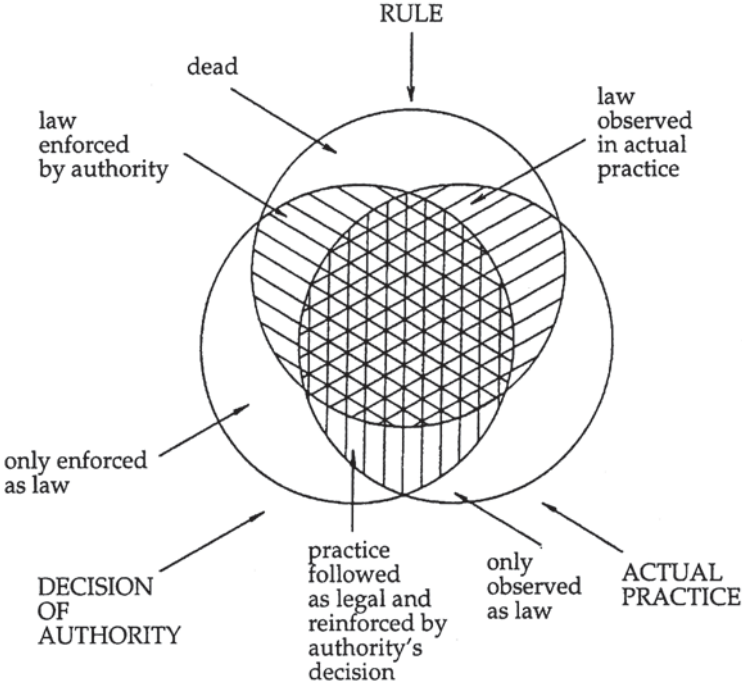

Fig. Three partially intersecting circles (rule, actual practice, decision of authority)

This is because the legislature may influence the decision to be taken by the legal and/or social community as to what is what amongst the possible structuring or systematising components of the legal system and also as to what kind of one-sided or symmetrical connection is being implied by each of these in what type of horizontal or vertical context. However, we also have to bear in mind that, according to the nature of things, any creature of the legislature can exclusively become productive in the hands and through the understanding of its addressees as clients — as operated by its professional official administrator and/or the practice of non-professionals — through their standardising pattern which, as conventionalisingly re-asserted, may become organised as integrated into social tradition. There is one considerable difference from the instance

invoked above, relating to the theoretical understanding of facts, notwithstanding. That is, the entirety of the processes and interactions in question is mediated through and within the bounds of a legal doctrine, that is, by the conceptual sets and contexts of its prevailing dogmatics, constantly refined by both practitioners and scholars of the law, i. e., by dogmatics that albeit mostly lacks officially established and formal qualities, yet exerts, by means of professional socialisation, a nearly exclusive impact upon how the law, as explored and solidified in its internal system, is actually understood and practised. And there is no need to say that the more the legal processes (legislation and administration of justice) are practised and controlled by the legal profession, the more the doctrinal representation and mediation of the law prevails.

4. Structuration and Systematisation as a Meta — construct

In consequence, it is not logic itself that labels anything as a structuring element identified either as a principle or as a rule, but just we, who ponder, as the only possibility, always based upon the more or less successful comprehension of such a doctrine, projected through its re-consideration and reconstructive re-interpretation onto our given question, the mode of constructing a sequence of distinguishing, deduction and justification, which seems to be utilisable and conclusive enough to convince those who control the issue we propose, in the procedural hierarchy. In so doing, we start from a nearly optional formulation of normative language and reasoning (or from any expressions or even fragments of these), and within the boundaries of the internal “rules of the [legal] game” (of how to proceed in identification, argumentation and induction/deduction, etc.) as established and re-confirmed by the legal profession in practice.

Of course, in practice all this appears as dynamism, and not as chaos; as openness to new issues, but by no means unforeseeability lacking any perspective. This assumes creative and constructive co-operation with normative force on behalf of all actors and, at the same time, a community game processualised in formal sequences, as controlled in multiple ways many times; a game in which, although equal chances are granted to everyone in principle and anyone may innovate or deviate from earlier rules, anybody doing so not only has to give motives and justification for this, but also to derive this as inevitably resulting (even if not perceived and not practised by anybody else so far) from the normative order that is continuously claimed to have remained untouched as a whole, and there-

by again re-established and re-asserted (that is, re-conventionalised) in its overall arrangement¹⁶.

As a final conclusion, notwithstanding, in the long run and in their practical continuity, both the structuration and systematisation of the legal system and the considerable stability of the way it is made up can be taken as granted. As opposed to the obvious architectural analogy in this case, our edifice is not built into one single construction by assembling components originating from different sources and made up of different elements — in architecture, bricks, mortar and plaster. On the contrary, we build and live the lawyer's profession using the only material at our disposal, language, in which words are selected to refer to concepts so that a suitable series of intellectual (logical) operations can be performed¹⁷. Well, the question of which word stands in the place of what (the role it will be used in and what it will refer to in the given hermeneutical situation) depends, in addition to the language use socialised and conventionalised¹⁸, in a direct sense exclusively on those who perform the intellectual (logical) operation in question. And the person concerned is involved as a hermeneutical actor in the given circles of communication, on the one

¹⁶ All this recalls the obvious parallel with the challenge of Euclid's geometry by Bolyai and Lobachevsky. "From an external point of view [...] the creation of 'another new world' is manifest in the choice between equally eligible incidentalities and the presentation of the selected variant as perfect and logically necessary. [...] This concerns conceptualisation, namely the fact that conceptual systems, be they as perfect as possible from an internal point of view or had they the most convincing explanatory force when describing the external world, can merely be regarded as mental experiments. They are nothing but games, which we make use of *faute de mieux*." (Cit. on: Varga C. *Lectures on the Paradigms of Legal Thinking*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1999. vii + 279 pp. [Philosophiae Iuris], see p. 38)

It is to be noted, however, that legal systems that have achieved a mature and balanced state are characterised exactly by the conscious institutionalisation of the ability to challenge the system from within the system (as their own judicial solution on account of gaps in the law unfillable otherwise, pursuant to, e. g., overruling precedents in England or § 1 (2) of the Swiss *Zivilgesetzbuch*); however, due to the self-disciplining force of the system, this does not proliferate in practice, being resorted to as a corrective measure only as a last resort.

¹⁷ For the stand of logic and conceptuality in human thinking, cf. Varga C. *Az ellentmondás természete* [The nature of contradiction] // *Útkeresés Kísérletek — kéziratban* [The Search for a Path: Early Essays in Manuscript]. Budapest: Szent István Társulat, 2001, see pp. 138–139.

¹⁸ Cf., e. g., *Ost F. Le code et le dictionnaire: Acceptabilité linguistique et validité juridique* // *Sociologie et sociétés*. 1986. Vol. XVIII, no. 1, pp. 59–75.

hand, and, at the same time, is also an actor in some sociological situation, on the other, who, in average cases, will act in the way he is expected to, not exceeding the justifiable boundaries of his/her professional socialisation(s).

It can be established, therefore, that in our human world one acts amongst and as confronted with a huge number of various *donnés* — that is, given components — crystallised in conventionalised (and continuously re-conventionalising) tradition, that is, *donnés* that never stand by themselves as they are never freed from their human-given meaning. Time after time *construits* — that is, composite structures that have been constructed — are being generated out of these, for and to the benefit of a man performing an action, which will be transmitted to his fellows and to the posterity, only to become a tradition that, in its turn, will be further handed down again merely in its quality as a *donné*¹⁹. Well, if we inquire, in an ontological sense, about the continuity and practicality of these and the safety of their meaningful transmission, we can confirm that, throughout the historical process of conventionalisations, a kind of “tendential unity”²⁰ can always be safely recognised — both in the sense of the actuality of their functional correspondence to the overall social practice and of the reliability of their materialisation through speech acts.

All in all, my contribution to the conference on “Systematization in Law: The ‘Magic Glass’ of the Codifier” in tribute for the 250th anniversary of the birth of Mikhail Mikhailovich Speransky (*Михаил Михайлович Сперанский*) has intended to present, as a basis, the elementary component of the idea underlying the questions set forth above, namely, the apparent paradox traceable in it, according to which structuring and systematising in law are, in their massive incidence, construed/constructed and construing/constructing at the same time, for they do not and cannot exist in and by themselves at all.

References:

1. Alexy R. *Theorie der Grundrechte*. Baden-Baden: Nomos, 1985. 548 pp. [Studien und Materialien zur Verfassungsgerichtsbarkeit 28].

¹⁹ Expression of François Géný; cf. https://fr.wikipedia.org/wiki/François_Gény (accessed: 20.12.2022).

²⁰ Expression of George Lukács; cf. Varga C. *The Place of Law in Lukács’ World Concept* [1981/1985]. 3rd [reprint] ed., with Postface. Budapest: Szent István Társulat, 2012. 218 pp. Available at: <http://mek.oszk.hu/14200/14249> (accessed: 20.12.2022).

2. *Bork R. H.* Slouching towards Gomorrah. Modern Liberalism and American Decline. New York: Regan Books; Harper-Collins, 1997. xiv + 382 pp.
3. *Conklin W. A.* The Phenomenology of Modern Legal Discourse. The Judicial Production and the Discourse of Suffering. Aldershot [etc.]: Ashgate, 1998. xii + 258 pp.
4. *Dworkin R. M.* The Model of Rules // University of Chicago Law Review. 1967. Vol. 35, no. 1, pp. 14–46. Available at: https://openyls.law.yale.edu/bitstream/handle/20.500.13051/3028/The_Model_of_Rules.pdf?sequence=2 (accessed: 20.12.2022).
5. *Frank J.* Courts on Trial: Myth and Reality in American Justice. Princeton: Princeton University Press, 1949. xii + 441 pp.
6. *Israel J.* Is a Non-normative Social Science Possible? // Acta Sociologica. 1972. Vol. 15, no. 1.
7. *Israel J.* Stipulations and Construction in the Social Sciences // The Context of Social Psychology: A Critical Assessment / eds J. Israel, H. Tajfel. London; New York: Academic Press, 1972.
8. *Kelsen H.* Reine Rechtslehre, Einleitung in die rechtswissenschaftliche Problematik. Leipzig; Wien: Franz Deuticke, 1934. xiv + 236 pp.
9. *Ost F.* Le code et le dictionnaire: Acceptabilité linguistique et validité juridique // Sociologie et sociétés. 1986. Vol. XVIII, no. 1.
10. *Pokol B.* The Concept of Law: The Multi-layered Legal System. Budapest: Rejtjel, 2001. 152 p.
11. *Poplawska E.* Constitutionalization of the Legal Order // Polish Contemporary Law. 1998. No. 1–4, pp. 115–134. Available at: <https://czasopisma.inp.pan.pl/index.php/cceel/article/download/1035/991/1431> (accessed: 20.12.2022).
12. *Samu M.* A szocialista jogrendszer tagozódásának alapja [The basis for the structuring of the socialist legal system]. Budapest: Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó, 1964. 268 p.
13. Transformation de la culture juridique québécoise / Dir. Bjarne Melkevik. Québec: Presses de l'Université Laval, 1998. 246 p.
14. *Varga C.* Quelques questions méthodologiques de la formation des concepts en sciences juridiques // Archives de Philosophie du Droit. Vol. XVIII. Paris: Sirey, 1973, pp. 205–241. Available at: <http://mek.oszk.hu/15300/15333/#> (accessed: 20.12.2022).
15. *Varga C.* Anthropological Jurisprudence? Leopold Pospíšil and the Comparative Study of Legal Cultures // Law in East and West. Tokyo: Institute of Comparative Law of the Waseda University, 1988, pp. 265–285, 271–272. Available at: <http://mek.oszk.hu/15300/15333/#> (accessed: 20.12.2022). [«Право» или «нечто более или менее правовое» (антропологические рассуждение о том, то есть право) / пер. Е. Г. Самохина // Варпа Ч. Загадка права. СПб.: Алф-Пресс, 2015. С. 185–194]

16. *Varga C.* On Judicial Ascertainment of Facts // *Ratio Juris*. 1991. Vol. 4, no. 1, pp. 61–71. [Природа судебного установления фактов / Пер. Е. Г. Самохина // *Varga Ч.* Загадка права и правового мышления. Избранные произведения / сост. и науч. ред. М. В. Антоно. СПб.: Алф-Пресс, 2015. С. 238–254]
17. *Varga C.* The Context of the Judicial Application of Norms // *Prescriptive Formality and Normative Rationality in Modern Legal Systems. Festschrift for Robert S. Summers / eds W. Krawietz, N. MacCormick, G. H. von Wright*. Berlin: Duncker & Humblot, 1994, pp. 495–512. Available at: <http://mek.oszk.hu/15300/15333/#> (accessed: 20.12.2022).
18. *Varga C.* Lectures on the Paradigms of Legal Thinking. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1999. vii + 279 pp. [*Philosophiae Iuris*]
19. *Varga C.* Autonomy and Instrumentality of Law in a Superstructural Perspective // *Acta Juridica Hungarica*. 1999. Vol. 40, no. 3–4, pp. 213–235. Available at: <http://mek.oszk.hu/14800/14861> (accessed: 20.12.2022).
20. *Varga C.* A magatartási szabály és az objektív igazság kérdése [Rule of behaviour and the question of objective truth, 1964] // *Varga C.* Az ellentmondás természete [The nature of contradiction] // *Útkeresés Kísérletek — kéziratban* [The Search for a Path: Early Essays in Manuscript]. Budapest: Szent István Társulat, 2001, pp. 4–18 [*Jogfilozófiák*]. Available at: <http://mek.oszk.hu/15300/15346> (accessed: 20.12.2022).
21. *Varga C.* The Quest for Formalism in Law: Ideals of Systemicity and Axiomatisability between Utopianism and Heuristic Assertion // *Acta Juridica Hungarica*. 2009. Vol. 50, no. 1, pp. 1–30. Available at: <http://mek.oszk.hu/15400/15409> (accessed: 20.12.2022). [*Поиски формализма в праве: Идеи системности и аксиоматичности между утопизмом и эвристическим суждением // Варга Ч. Загадка права. СПб.: Алф-Пресс, 2015*]
22. *Varga C.* Codification as a Socio-historical Phenomenon [1979/1991]. 2nd [reprint] ed., with an Annex & Postscript. Budapest: Szent István Társulat, 2011. viii + 431 p. Available at: <http://mek.oszk.hu/14200/14231> (accessed: 20.12.2022).
23. *Varga C.* Theory of the Judicial Process The Establishment of Facts [1991/1995]. 2nd [reprint] ed., with Postfaces I and II. Budapest: Szent István Társulat, 2011. viii + 308 p. Available at: <http://mek.oszk.hu/15500/15540> (accessed: 20.12.2022).
24. *Varga C.* The Paradigms of Legal Thinking [1996]. 2nd ed., enlarg. Budapest: Szent István Társulat, 2012. 418 p. [*Philosophiae Iuris*]. Available at: <http://mek.oszk.hu/14600/14657> (accessed: 20.12.2022).
25. *Varga C.* The Place of Law in Lukács' World Concept [1981/1985]. 3rd [reprint] ed., with Postface. Budapest: Szent István Társulat, 2012. 218 p. Available at: <http://mek.oszk.hu/14200/14249> (accessed: 20.12.2022).

26. *Varga C.* Humanity Elevating Themselves? Dilemmas of Rationalism in our Age // Comparative Legal Cultures on Traditions Classified, their Rapprochement & Transfer, and the Anarchy of Hyper-rationalism. Budapest: Szent István Társulat, 2012. 253 p. [Philosophiae Iuris]. Available at: <http://mek.oszk.hu/15300/15386> (accessed: 20.12.2022).
27. *Villey M.* Essor et décadence du volontarisme juridique // Archives de Philosophie du Droit, nouvelle série: Le rôle de la volonté dans le Droit. Paris: Sirey, 1958.
28. *Wurzel K. G.* Das juristische Denken. Wien: Verlag Moritz Peries, 1904. vi + 102 p. [Methods of Juridical Thinking / Transl. from German by E. Bruncken // *Science of Legal Method*. Boston: Boston Book Co., 1917. [The Modern Legal Philosophy Series IX]

CONSTITUTIONAL IDENTITY OF RUSSIAN FEDERATION

Abstract: Constitutional identity is a creation of a more recent date around whose definition there is still no universal agreement. Originally created as a theoretical concept, thanks to the practice of some constitutional courts, the issue of constitutional identity is increasingly gaining practical application but not yet a generally accepted definition. This article consist of five sections. In the first section the author describes different definitions and meanings of constitutional identity. After analyzing the leading views on constitutional identity as well as the practice that influenced the shaping of this concept, the author sets his own definition on the basis of which he determines the key values that make up the constitutional identity of the Russian Federation. Second, third and fourth section of this paper are reserved for the analysis of three key values of Russian constitutional identity — multiculturalism, institutional stability and national dignity. The final section of this article draws some conclusions.

Keywords: Constitution of Russia, constitutional amendments, constitutional identity, constitutional values, multiculturalism, institutional stability, national dignity.

Николич Алекса

преп. юридического факультета Белградского университета, Сербия, Белград

КОНСТИТУЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: Конституционная идентичность — это относительно новое понятие, по поводу определения которого до сих пор нет единого мнения. Вопрос о конституционной идентичности, первоначально возникший как теоретическое понятие, благодаря практике отдельных конституционных судов получает все большее практическое применение, но еще не стал общепринятым определением в доктрине. Настоящая статья состоит из пяти разделов. В первом разделе автор описывает различные определения и значения конституционной идентичности. Проанализировав взгляды ведущих исследователей на конституционную идентичность, а также практику, повлиявшую на формирование этого понятия, автор дает собственное понятие, на основе которого определяет ключевые ценности, составляющие конституционную идентичность Российской Федерации. Второй, третий и четвертый разделы статьи отведены для анализа трех ключевых ценностей российской конституционной идентичности — мультикультурализма, институциональной стабильности и национального достоинства. В заключительном разделе этой статьи сделаны некоторые выводы.

Ключевые слова: Конституция России, конституционные поправки, конституционная идентичность, конституционные ценности, мультикультурализм, институциональная стабильность, национальное достоинство.

1. What is constitutional identity. A brief analysis

Recently, during his presentation on the topic of “National Constitutional Identities in face of the EU” at the international scientific conference “Re-evaluating reformative power of the EU in the Western Balkans — legal and political aspects”, held in Belgrade on May 26–27, 2022,

Bertrand Mathieu commenced a debate on the matter of constitutional identity and the modes of its perception. After remarking that the main element of Greek constitutional identity is probably Orthodox Christianity, Mathieu received a question from the audience: “What do you perceive as the main element of Serbian constitutional identity?”, to which he responded: “Kosovo, probably... Or, perhaps, the European Union (EU)? You estimate..., after all, that’s why you have a referendum...”.

It seems that the question of constitutional identity is far more complex and multilayered, as is Mathieu’s answer. It certainly cannot be seen as one-dimensional, but many various factors and indicators should be taken into consideration — not only legal, but also historical, cultural, political, and sociological. Such kind of approach, in scientific literature occasionally labeled as too broad and subjective, is the only one capable of unraveling what is hidden “behind the constitution” and what forces influence its creator, and therefore the constitution itself.

Many renown constitutional scholars attempted to define constitutional identity, however none of them reached the same conclusion as their approach and methodology were significantly different. For Michael Rosenfeld, “conceptions of constitutional identity range from focus on the actual features and provisions of a constitution — for example, does it establish a presidential or parliamentary system, a unitary or federal state — to the relation between the constitution and the culture in which it operates, and to the relation between the identity of the constitution and other relevant identities, such as national, religious, or ideological identity”¹. Jacobsohn thinks similarly and adds one important element — history. For him, constitutional identity of a country consists of its past and present which can determine its future, if perfectly balanced². Taliya Khabrieva (*Талия Хабриева*) offers a different definition. She ties constitutional identity to the highest values of a society: “The importance of the phenomenon of national constitutional identity and a developed constitutional culture for society lies in the fact that, as it grows, society forms a stable and consistent system of fundamental legal principles based on the

¹ *Rosenfeld M. Constitutional Identity // The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law / eds M. Rosenfeld, A. Sajó. Oxford: Oxford University Press, 2012, p. 756.*

² *Jacobsohn G.J. Constitutional Identity. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2022, pp. 10–22.* However, Rosenfeld also constructed models of constitutional identity in relation to actual historical experience. See: *Rosenfeld M. Constitutional Identity, p. 763.*

values recognized by society”³. Therefore, in her opinion, the essence of the constitutional identity lies within the constitutional principles which differ from state to state.

Finally, it is important to mention that some Serbian authors also made attempts to define constitutional identity. The first to do so is Ratko Marković who notices that constitutional identity consists of basic constitutional principles and values, and that it can be discovered through the analysis of the old, historical constitutions, as certain legal norms remained in effect despite not being tied to a written constitution⁴. Tanasije Marinković addresses the topic of constitutional identity through a historical dimension by analyzing the constitutional identity of Kingdom of Yugoslavia⁵. More detailed are Vladan Petrov and Miodrag Jovanović. According to Petrov, constitutional identity comprises common and special constitutional principles, as well as the constitutional values⁶, while Jovanović scrutinizes Rosenfeld’s concept of constitutional identity and states that it is not comprehensive enough and is based too much on the liberal democratic core⁷.

Despite seeming like a simple doctrinal matter, defining constitutional identity has undoubtedly had a great practical value, especially during the last ten years when the court practice of certain constitutional courts has been established. The Federal Constitutional Court of Germany (German: *Bundesverfassungsgericht*) imposed itself as the protector of the constitutional identity of Germany through its judgments which prevented the transfer of jurisdiction (normative authority) to the institutions of

³ *Khabrieva T.* Constitutional Reform in Russia: Searching for National Identity // Herald of Russian Academy of Sciences. 2020. Vol. 3, p. 274.

⁴ *Marković R.* Sa ustavne osmatračnice. Beograd: Službeni glasnik, 2017, p. 55.

⁵ *Marinković T.* Ustavni identitet vidovdanske Jugoslavije // Sto godina od ujedinjena — Formiranje države i prava / Ur. B. Begović, Z. Mirković. Beograd: Pravni fakultet Univerziteta u Beogradu, 2021, pp. 110–113.

⁶ General principles apply to the entire constitutional order or to most of it, while special principles apply only to a part of the constitutional order. See: *Petrov V.* O nekim ‘antiidentitetskim’ mestima u srpskom ustavu // Srpska politička misao — posebno izdanje. 2017, pp. 16–17; *Petrov V.* Ustav i ustavni identitet // Pečat. 2012. Available at: <https://www.pecat.co.rs/2017/07/ustav-i-ustavni-identitet/20/06/2022> (accessed: 20.12.2022).

⁷ *Jovanović M.* O ustavnom identitetu — slučaj Srbije // Ustav i demokratija u procesu transformacije / Ur. M. Podunavac. Beograd: Fakultet političkih nauka Univerziteta u Beogradu, 2011, pp. 9–26.

the EU⁸. In other words, “Constitutional Court of Germany confirmed the obligation to oppose EU acts implementing a constitutional identity or exceeding powers, and thus affirmed the inapplicability of the CJEU’s decision“. The Constitutional Council in France also shaped the French constitutional identity with one of its judgments that also concerned relations with EU law and the transfer of certain EU competencies. Russia’s Constitutional Court (Russian: *Конституционный Суд Российской Федерации*) has also addressed this issue. “It (N. B. — constitutional identity) was mentioned (along with term ‘constitutional values’ and ‘constitutional protected values’ in Decree No. 21-P of the Constitutional Court of Russian Federation of July 14, 2015, adopted at the request of a group of a State Duma deputies regarding the execution of resolution of the European Court of Human Rights (ECtHR)”.

To conclude, it seems that the constitutional identity consists of the highest values set in front of each individual creator of the constitution. Those values lie within the constitution, differ from state to state, and are present in their constitutional history. Or, put differently, constitutional identity is made up of those highest values which can be found within the constitution, but also beside it. As the topic of this research is the constitutional identity of the Russian Federation, the focus of this paper will be on what we perceive as its key values: multiculturalism, institutional stability, and state dignity.

2. Multiculturalism

Multiculturalism is a term around which there is no universal agreement. This psychological and sociological phenomenon represents a reaction to the unfairness and ineffectiveness of the assimilation model. It enables the preservation of the ethnocultural identity of national minorities and other collectivities, while providing them with the opportunity for integration into the state apparatus. In other words, multiculturalism implies respect for the identity of different communities within a state, just as it implies their loyalty and acceptance of a common identity. Of course, multiculturalism must be guaranteed by the constitution⁹.

⁸ See: *Wendel M.* The Fog of Identity and Judicial Contestation: Preventive and Defensive Constitutional Identity Review in Germany // *European Public Law*. 2021. Vol. 3, pp. 465–470.

⁹ Thomas Fleiner and Lidija Basta Fleiner enumerate the whole list of constitutional principles (14) for a multicultural state. Those are: a serious understanding of cultural diversity, homeland for minorities, composite nation, double and multiple

Today, the Russian Federation is the largest country in the world with an area of 17,100,000 km². This quantitative indicator is a good introduction to the note that Russia has a population of just over 144 million, of which Russians make up almost 80 % of the population, followed by Tatars, Ukrainians, Bashkirs, Chuvash and Chechens. Andrey Starodubtsev refers that “Russia is inhabited by 200 ethnic groups”¹⁰. In addition, it is important to note that another 17 ethnic groups have a population exceeding 400,000.

Russian Constitution in Art. 3. para 1. refers that “the bearer of sovereignty and the only source of power in the Russian Federation shall be its multinational people”. Art. 26. Of the Russian Constitution provides for the right to determine and declare one’s ethnicity, which is of specific importance in a multi-ethnic state, such as Russia, says Popović¹¹. Also, in Art. 68. para. 3. “The Russian Federation shall guarantee all of its people the right to preserve their native language and to create conditions for its study and development”. In that way, the creator of the constitution wanted to clearly point out that the integral factor of the Russian Federation is every citizen, regardless of his ethnic, linguistic, religious or any other orientation. Another words, “the constitution-maker wanted to connect the public consciousness with the general value system, trying to move as far away from the national-ethnic factor as possible”, notes Suren Avakyan (*Сурён Адібэкович Авакьян*)¹².

However, not only legal norms are enough to ensure multiculturalism. Russia, as a heterogeneous society, managed, after an unsuccessful wave of secessionist tendencies, to reconcile the legitimate aspirations of

loyalties, individual and collective equality, collective rights, liberty and peace, participation of minority cultural groups in constitution making, power sharing of cultural communities, autonomy, fostering diversity, self-determination of individuals as a democratic aim, value of compromise as an alternative to the “winner takes all” democracy and conflict management. For more details see: *Fleiner Th., Fleiner L.B. Constitutional Democracy in a Multicultural and Globalised World*. Berlin; Heidelberg: Springer, 2009, pp. 646–650.

¹⁰ *Starodubtsev A. Russia (Russian Federation). Autonomy for a Very Few Constituent Units // The Forum of Federations. Handbook of Federal Countries 2020 / eds A. Griffiths, R. Chattopadhyay, J. Light, C. Stieren. Cham: Palgrave Macmillan, 2020, p. 292.*

¹¹ *Popović D. Comparative Government. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2019, p. 184.*

¹² *Avakyan S. A. Constitutional law of Russia. Moscow: Norma Publ.; Infra-M Publ., 2021. (In Russian)*

the majority Russian population and minority ethnocultural collectives. This is especially evident if we take into account the good relations that Chechens and Tatars have with the federal authorities, thanks to the inclusion of the mentioned ethnic groups in the federal state bodies. In that way, Russia managed to create elementary loyalty to the state, which is reflected in the common coexistence of all, which is a crucial moment in the creation of Russia as a multicultural community.

3. Institutional Stability

Centuries ago, from the time of the Russian tsars to the present day, the people of Russia have always been receptive to strong leadership. The personalization of executive power represents a factual situation that has lasted for almost 200 years, with one short exception — the period of Boris Yeltsin's rule (*Борис Николаевич Ельцин*). He took advantage of the opportunity to develop a new Russian Constitution outside the control of the Parliament, which had been dissolved previously, to suppress the influence of the republican elites and negate the negative effects of his previous measures aimed at gaining the loyalty of the republics¹³. This led to a confrontation not only of the legislative and executive authorities in Russia, but also of instability at the vertical level — in the relationship between the federation and federal units. After the March 2000 presidential elections, Putin (*Владимир Владимирович Путин*) became President. After Putin's election, the nature of the Russian federation changed radically. It took less than five years for the federal government to restore complete political control over the regions, even those which had been among the leaders of the campaign for greater autonomy and sovereignty¹⁴. Finally, after the constitutional reforms in 2020, the Russian Federation has formally positioned itself as a stable system.

The Constitution of Russia, regulated the legislative branch of power as the two chamber parliament — the Federal Assembly (*Федеральное Собрание*), where the State Duma and Federation Council are the two chambers. The State Duma (*Государственная дума*) is formatted as a result of elections and represents the whole nation, whereas the Federation Council (*Совет Федерации*), is formatted by two representatives from each subject of the Federation and represents the interests of the subjects.

¹³ Starodubtsev A. Russia (Russian Federation). *Autonomy for a Very Few Constituent Units*, p. 290.

¹⁴ *Ibid.* P. 291.

The specific characteristic of the executive power in Russia is its dualism which appears in the division of this power between the President and the Prime Minister. It should be mentioned, however, that the Russian President does not formally belong to any branch of power, including executive power. As provided in the Constitution the President is the Head of State but not the head of the Government¹⁵. At the same time, the Constitution provides that the President shall adopt measures to ensure the coordinated functioning and interaction of all bodies of state power, including executive power. It is quite obvious that the President plays a significant role in all spheres and branches¹⁶. Although the Prime Minister is considered to be the head of the Government there are several federal ministries, agencies and services which are under the direct subordination of the President. In addition, he chooses the prime minister, (Art. 83. para. 1.a, Art. 111. para. 1.), he shall have the right to chair meetings of the Government of the Russian Federation (Art. 83. para. 1.b.) he has a greater number of powers to dissolve the State Duma (Art. 109. para. 1.), he appoints 30 members of the Federation Council (Art. 95. para. 2.) and has the right of effective legislative veto (Art. 107.). In other words, strengthening the powers of the president of the republic aims to theoretically reduce to a minimum what has already happened in history in the era of Boris Yeltsin — the conflict between the State Duma and the position of Russian President. Miloš Stanić therefore concludes that the strengthening of the institution of the president of the republic in the constitutional amendments from 2020 is aimed at the post-Putin era¹⁷. The constitutional amendments really ensured constitutional stability, even at the cost of the fact that the form of government in Russia today cannot be determined in a unique way — for some authors Russia has a presidential system or presidentialism, for others the form of government is semi-presidential, while for some it is an authoritarian system¹⁸. It seems that a strong semi-presidential system is formally and factually present in the Constitution, but that the constitutional norms have left a danger that in the future some strong person based on the letter of the Constitution will really turn the system of government into an authoritarian one, bearing in mind the reduced role of the legislative body.

¹⁵ *Kremyanskaya E. A., Kuznetsova T. O., Rakitskaya I. A.* Russian Constitutional Law. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, Cambridge, 2014, p. 151.

¹⁶ See: *Avakyan S. A.* Constitutional law of Russia, pp. 354–367. (In Russian)

¹⁷ *Stanić M.* Pravna analiza najnovijih ustavnih amandmana u Ruskoj Federaciji // Srpska politička misao. 2020. Vol. 3, p. 99.

¹⁸ For this debate see: *Popović D.* Comparative Government, p. 194.

4. National dignity

National dignity as an important element of the constitutional identity of the Russian Federation derives from its reputation both internally (in the eyes of citizens) and externally (in relation to other states).

Centuries ago, Russia was one of the most important players on the international scene. Extensive and rich in natural resources, Russia imposed itself as one of the world's leading powers during the 18th century, given the importance of its support for other countries, the creation of joint alliances with other countries and the growing influence on international law and international relations that culminated after the World War II, when the USSR, as a victorious power, managed to impose its own order on one part of the world, thus creating a bloc division. The Cold War between the Soviet Union and the United States ended in the 1990s, when socialism and the USSR collapsed. After the defeat and the economic crisis, as well as the emergence of separatist tendencies, at the beginning of the new millennium began a period of stabilization and economic progress that reawakened the “sleeping giant”, that is, led to the “reset” of the Russian Federation on the world map. In other words, the reinforcing state sovereignty has also led to the strengthening of national dignity¹⁹.

5. Conclusion

As we mentioned at the beginning of the paper that there is no universal definition of constitutional identity, we were obliged to offer a “working definition” that will be able to include the key elements of the constitutional identity of the Russian Federation. With the help of our definition, we were able to see that building our own identity is only possible if we find universal values in our own heritage. Despite the fact that the constitutionality of Russia is characterized by numerous constitutional texts, as well as forms of government, different ideologies and types of state organization, for all of them, as today, the basic values were multiculturalism, institutional stability and national dignity²⁰. They are at the same

¹⁹ *Smirnova M., Thornhill Ch. Living Constitutionalism in Russia // Russian Discourses on International Law. Sociological and Philosophical Phenomenon / ed. by P.S. Morris. New York; London: Routledge, 2019, p. 94.*

²⁰ In another words, “the domestic legal doctrine, which, by the will of history, has absorbed the values of both prerevolutionary and Soviet jurisprudence, is quite capable of not only providing ideological support for the corresponding strategy of legal — state development but also contributing to the preservation of the immunity

time the basic ingredients of the constitutional identity of Russia, because the constitution maker managed to include them in the valid constitutional text, a little indirectly and a little directly.

References:

1. *Avakyan S. A.* Constitutional law of Russia. Moscow: Norma Publ.; Infra-M Publ., 2021. 543 p. (In Russian)
2. *Fleiner Th., Fleiner L. B.* Constitutional Democracy in a Multicultural and Globalised World. Berlin; Heidelberg: Springer, 2009. 670 p.
3. *Jacobsohn G. J.* Constitutional Identity. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2022. 388 p.
4. *Jovanović M.* O ustavnom identitetu — slučaj Srbije // Ustav i demokratija u procesu transformacije / Ur. M. Podunavac. Beograd: Fakultet političkih nauka Univerziteta u Beogradu, 2011, pp. 9–26.
5. *Khabrieva T.* Constitutional Reform in Russia: Searching for National Identity // Herald of Russian Academy of Sciences. 2020. Vol. 3, pp. 273–282.
6. *Kremyanskaya E. A., Kuznetsova T. O., Rakitskaya I. A.* Russian Constitutional Law. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2014. 230 p.
7. *Marinković T.* Ustavni identitet vidovdanske Jugoslavije // Sto godina od ujedinjena — Formiranje države i prava / Ur. B. Begović, Z. Mirković. Beograd: Pravni fakultet Univerziteta u Beogradu, 2021, pp. 110–113.
8. *Marković R.* Sa ustavne osmatračnice. Beograd: Službeni glasnik, 2017. 384 p.
9. *Petrov V.* O nekim ‘antiidentitetskim’ mestima u srpskom ustavu // Srpska politička misao — posebno izdanje, 2017, pp. 18–20.
10. *Petrov V.* Ustav i ustavni identitet // Pečat. 2012. Available at: <https://www.pecat.co.rs/2017/07/ustav-i-ustavni-identitet/20/06/2022> (accessed: 20.12.2022).
11. *Popović D.* Comparative Government. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2019. 320 p.
12. *Rosenfeld M.* Constitutional Identity // The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law / eds M. Rosenfeld, A. Sajó. Oxford: Oxford University Press, 2012, pp. 756–776.
13. *Smirnova M., Thornhill Ch.* Living Constitutionalism in Russia // Russian Discourses on International Law. Sociological and Philosophical

of public consciousness to concepts and ideologies provoking radical changes in the value — based legal — state organization of Russian society” (see: *Khabrieva T.* Constitutional Reform in Russia: Searching for National Identity, p. 281).

- Phenomenon / ed. by P.S.Morris. New York; London: Routledge, 2019, pp.69–99.
14. *Stanić M.* Pravna analiza najnovijih ustavnih amandmana u Ruskoj Federaciji // Srpska politička misao. 2020. Vol. 3, pp. 83–104.
 15. *Starodubtsev A.* Russia (Russian Federation). Authonomy for a Very Few Constituent Units // The Forum of Federations. Handbook of Federal Countries 2020 / eds A.Griffiths, R.Chattopadhyay, J.Light, C.Stieren. Cham: Palgrave Macmillan, 2020, pp.287–300.
 16. *Wendel M.* The Fog of Identity and Judicial Contestation: Preventive and Defensive Constitutional Identity Review in Germany // European Public Law. 2021. Vol.3, pp.465–470.

Марковић Ђорђе Драгослав

LL. M., assistant, Faculty of Law, University of Belgrade, Serbia, Belgrade

JUDICIAL APPOINTMENTS IN RUSSIA AND SERBIA THROUGH THE PRISM OF THE STANDARDS OF THE COUNCIL OF EUROPE AND THE VENICE COMMISSION*

Annotation: Over the past thirty years, the Council of Europe and its special body, the Venice Commission, have published several documents with recommendations on how judges should be elected in order to preserve the independence and impartiality of the judiciary. The article presents the current state of these European standards, as well as the state of constitutional and legal documents in Russia and Serbia on this issue, and the historical aspect of the research. Particular attention is paid to whether and to what extent these standards are met in these countries. The author pointed out that both countries have good regulatory foundations for judicial independence, but existing solutions need further improvement.

Keywords: Council of Europe, Venice Commission, independence of judges, method of appointment of judges, Russia, Serbia.

Маркович Георгий Драгослав

магистр права, ассистент юридического факультета Белградского университета, Сербия, Белград

ВЫБОРЫ СУДЕЙ В РОССИИ И В СЕРБИИ В ЗЕРКАЛЕ СТАНДАРТОВ СОВЕТА ЕВРОПЫ И ВЕНЕЦИАНСКОЙ КОМИССИИ

Аннотация: За последние тридцать лет Совет Европы и его специальный орган — Венецианская комиссия, опубликовали несколько документов с рекомендациями о том, как следует избирать судей, чтобы сохранить независимость и беспристрастность судебной власти. В статье представлены как современное состояние этих европейских стандартов, а также состояние конституционно-правовых документов в России и Сербии по данному вопросу, так и исторический аспект исследования. Особое внимание уделяется тому, соблюдаются ли эти стандарты в этих странах и в какой степени. Автор указал, что в обеих странах заложены хорошие нормативные основы судебной независимости, но существующие решения нуждаются в дальнейшем совершенствовании.

Ключевые слова: Совет Европы, Венецианская комиссия, независимость судей, способ назначения судей, Россия, Сербия.

* The article was created as a result of work on the scientific research project “Constitutionalism and the Rule of Law in the Construction of the National State — the Case of Serbia”, no. 47026 [„Конституционализм и владавина права у изградњи националне државе — случај Србије”, бр: 47026].

1. Introduction

Independent judiciary represents the cornerstone of modern democratic society. In this case, independence implies resistance to unwanted and forbidden political pressure and influences. Therefore, courts and judges are to be connected to the society and political milieu in which they live and work, yet isolated from corruption. Achieving such an ultimate aim might be compared to squaring the circle in geometry. Nevertheless, the Council of Europe and the Venice Commission have made several attempts to provide helpful and explicit guidelines for member countries for the adherence of independent judiciary. In this paper, we will endeavor to pinpoint the crucial proposals of the afore-mentioned advisory bodies and to perceive whether or to which extent Russia and Serbia have succeeded in the implementation of the suggested standards in their respective legislations. Both countries are part of the post-socialist bloc, so that we can expect certain similarities, one of them being an independent body which decides on the selection of judges — the Higher Qualification Board. Naturally, there are differences both in the formation and functioning and in the very process of the selection of judges as well. The details are as follows.

2. The Council of Europe and the Venice Commission — fundamental standards concerning the judicial independence and judicial appointments

The foundation stone concerning the independence of judges is the *Recommendation No. R(94)12* of the Committee of Ministers of the Council of Europe. This document emphasizes that “[...] the selection and career of judges should be based on merit, having regard to qualifications, integrity, ability and efficiency. The authority taking the decision on the selection and career of judges should be independent of the government and the administration. In order to safeguard its independence, rules should ensure that, for instance, its members are selected by the judiciary and that the authority decides itself on its procedural rules. However, where the constitutional or legal provisions and traditions allow judges to be appointed by the government, there should be guarantees to ensure that the procedures to appoint judges are transparent and independent in

practice and that the decisions will not be influenced by any reasons other than those related to the objective criteria mentioned above”¹.

In 2007, in its *Report* about judicial appointments, the Venice Commission made a distinction between “old” and “new” democracies. As for the former, it is acceptable that “the executive power has a strong influence on judicial appointments” because the independence of judiciary is ensured for the reason “the executive is restrained by legal culture and traditions, which have grown over a long time”. As for the latter, “in new democracies explicit constitutional provisions are needed as a safeguard to prevent political abuse by other state powers in the appointment of judges”².

Three years later, the Committee of Ministers of the Council of Europe in its *Recommendation* made a further specification: “The authority taking decisions on the selection and career of judges should be independent of the executive and legislative powers.” There are two mechanisms to ensure the afore-mentioned. Firstly, the members of the authority should be the judges chosen by their peers (at least half of them), and secondly, if one of the political branches in power are in charge (namely, the head of state, the government or the legislative power) the appointment of judges should follow the “recommendations or express opinions” made by “an independent and competent authority” — Councils for the judiciary³. In other words, the most important question is the extent to which the head of state or the other, political organs are “free in deciding on the appoint-

¹ Recommendation No. R(94)12 to Member States on the Independence, Efficiency and Role of Judges (1994) // Council of Europe. Available at: [https://www.barobirlik.org.tr/dosyalar/duyurular/hsykkanteklifi/recR\(94\)12e.pdf](https://www.barobirlik.org.tr/dosyalar/duyurular/hsykkanteklifi/recR(94)12e.pdf) (accessed: 20.12.2022), see p. 2.

² Judicial Appointments, CDL-AD(2007)028. Report adopted by the Venice Commission at its 70th Plenary Session (Venice, 16–17 March 2007) // Venice Commission. See Para. 5 and 6.

³ Recommendation CM/Rec(2010)12 adopted by the Committee of Ministers of the Council of Europe on 17 November 2010 and explanatory memorandum // Council of Europe. Available at: <https://rm.coe.int/cmrec-2010-12-on-independence-efficiency-responsibilites-of-judges/16809f007d> (accessed: 20.12.2022), see Para. 46 and 47. See also: Para. 26 and 27: “Councils for the judiciary are independent bodies, established by law or under the constitution, that seek to safeguard the independence of the judiciary and of individual judges and thereby to promote the efficient functioning of the judicial system. Not less than half the members of such councils should be judges chosen by their peers from all levels of the judiciary and with respect for pluralism inside the judiciary”.

ment”. The Venice Commission argues that “the main role in the process” should be given to the above-mentioned independent body — the judicial council⁴.

In 2010, the Venice Commission underlined that there was no single model applicable to all countries due to the “the richness of legal culture in Europe, which is precious and should be safeguarded [...]”⁵ However, “[...] the Venice Commission recommends that the states which have not yet done so consider the establishment of an independent judicial council or similar body. In all cases the council should have a pluralistic composition with a substantial part, if not the majority, of members being judges. With the exception of ex-officio members these judges should be elected or appointed by their peers”⁶.

3. Judicial appointments in Russia — constitutional and legal background

According to the Constitution of the Russian Federation, the judges of the highest federal courts (the Constitution Court, the Supreme Court and the Higher Arbitration Court) shall be appointed by the Council of the Federation upon the proposals by the President of the Russian Federation, while the judges of other federal courts shall be appointed by the President of the Russian Federation [Art. 128 Para. 1 and 2]⁷.

In effect, the most important role in this process has the relevant qualification board of judges, because the selection of the candidates is carried out on a competitive basis in a long and thoroughly regulated process⁸. The positive opinion of the relevant qualification board is *sine qua non* for the judges’ appointments — the recommendation of a

⁴ Judicial Appointments, CDL-AD(2007)028. Report adopted by the Venice Commission at its 70th Plenary Session (Venice, 16–17 March 2007), see Para. 14.

⁵ Report on the Independence of the Judicial System Part I: The Independence of Judges, CDL-AD(2010)004 // Venice Commission. See Para. 32.

⁶ Ibid.

⁷ Constitution of the Russian Federation // ConsultantPlus. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=l5ike6206i448721100 (accessed: 20.12.2022). (In Russian)

⁸ Law of the Russian Federation of June 26, 1992 N 3132-1 (as amended on March 18, 2023) “On the Status of Judges in the Russian Federation” // Consultant. Plus. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/bf-89037c79789d4e5d3fad961ebdbb1b3b78c925 (accessed: 20.12.2022). (In Russian). See Art. 5.

candidate for the position of a judge is sent to the president of the relevant court, who in turn sends his proposal to the President of the Supreme Court of the Russian Federation⁹.

There are two types of qualification boards of judges, the first one being at the federal level — The Higher Qualification Board of Judges of the Russian Federation, and the second one being at the level of the constituent entities — qualification boards of judges of the constituent entities of the Russian Federation. The Higher Qualification Board of Judges of the Russian Federation is in charge of the officials and judges of the Supreme Court of the Russian Federation, and for the officials and judges of the other federal courts (with the exception of district courts) [Art. 17 Para 2]¹⁰. The Board has 29 members, eighteen of whom are the judges. Thirteen members are the judges elected by the federal judges and five members are the judges elected by their peers of the constituent subjects of the Russian Federation. Ten members are representatives of the public and they are appointed by the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. Being appointed by the President of the Russian Federation, one member of the board is the representative of the head of the Russian Federation [Art. 11 Para 2]¹¹.

Depending on the size of the courts in the constituent entities of the Russian Federation, the number of the judges of the qualification board may range from 11 to 21 members. In the first case, eight members are the judges, two members represent the public, and one is a representative of the President of the Russian Federation. In the second case, thirteen members are the judges, seven members are representatives of the public and one member represents the President of the Russian Federation [Art. 11 Para. 4]¹².

The federal law stipulates that “the Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation and his deputies may not be elected to the High-

⁹ Concerning the judges of the Supreme Court, the relevant qualification board sends recommendations directly to the President of the Supreme Court, who sends their proposals to the President of the Republic (Ibid. See Art. 5 Para. 9 and Art. 6 Para. 1, 2, 3, and 6).

¹⁰ Federal Law No. 30-FZ of March 14, 2002 (as amended on December 8, 2020) “On Bodies of the Judicial Community in the Russian Federation” // ConsultantPlus. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35868/0531b0ef56cd57b7fdfa6cf6565ad468c3b55f95 (accessed: 20.12.2022). (In Russian). See Art. 15 and 17.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

er Qualification Board of Judges of the Russian Federation”, yet it does not specify anything about the presidents and their deputies in other federal courts. The same prohibition is issued for the courts’ officials of the constituent entities of the Russian Federation [Art. 11 Para 7]. There is no possibility of re-election of the position of chairman or otherwise his deputy of the qualification board of judges of constituent entities, yet this prohibition does not pertain to the president of the Higher Qualification Board of Judges of the Russian Federation [Art. 11 Para 7]¹³.

4. Judicial appointments in Serbia — constitutional and legal background

In January 2022, Serbia adopted constitutional amendments concerning the judiciary. With the assistance of the Venice Commission, the whole process lasted for several years. In 2018, constitutional amendments were prepared, but they were not adopted. The Venice Commission issued two opinions regarding the amendments, in October and November of 2021. In the latter, the Commission underlined “that most of its key recommendations from the October opinion have been met”¹⁴. We will present herein the main constitutional provisions regarding the election of the judges.

The High Judicial Council (hereinafter: HJC) is the main and only state body in charge of the judges’ election. According to the Art. 150 of the Constitution of the Republic of Serbia the HJC is “an independent state body that ensures and guarantees the independence of courts, judges, court presidents and lay judges”¹⁵. The HJC elects judges, lay judges, Presidents of courts and decides on the termination of their office solely. The President of the Supreme Court, however, is elected by the HJC according to the obtained opinion of the general session of the Supreme Court (Art. 149 and 150).¹⁶

In comparison to the old provisions, new ones represent a big step forward in the judiciary system of the Republic of Serbia. The old con-

¹³ Ibid.

¹⁴ Serbia Urgent Opinion on the Revised Draft Constitutional Amendments on the Judiciary, CDL-AD(2021)048 // Venice Commission. See Para. 52.

¹⁵ Ustav Republike Srbije: 98/2006-3, 115/2021-3, 16/2022-3 // Legal Information System of the Republic of Serbia. Available at: <https://www.pravno-informacioni-sistem.rs/SlGlasnikPortal/eli/rep/sgrs/skupstina/ustav/2006/98/1/reg> (accessed: 20.12.2022). (In Serbian)

¹⁶ Ibid.

stitutional provisions stipulated probatory mandates lasting for three years — judges were elected by the National Assembly on proposal of the HJC, after which they were elected permanently by the HJC. Presidents of the Supreme Court were elected by the National Assembly, upon the proposal of the HJC and obtained opinion of the general session of the Supreme Court and competent committee of the National Assembly. Court presidents were also elected by the National Assembly, upon the proposal of the HJC and obtained opinion of the general session of the all the judges of the respective court.

The biggest novelties in new constitutional provisions are about the composition of the HJC. According to the Art. 151, the HJC consists of 11 members: six judges elected by their peers, four prominent lawyers elected by the National Assembly and the President of the Supreme Court, by their function. The four prominent lawyers are supposed to be elected by the National Assembly among lawyers “with at least ten years of experience in the legal profession, from eight candidates proposed by the competent committee of the National Assembly, after public competition, by the votes of two thirds of all deputies” [Art. 151 Para. 4]. Nevertheless, if the National Assembly does not elect all four members within the set deadline, the anti-deadlock mechanism is activated. The remaining members of the HJC are to be elected among all the candidates who meet the conditions for the election by a commission consisting of the President of the National Assembly, President of the Constitutional Court, President of the Supreme Court, Supreme Public Prosecutor and Protector of Citizens (i. e. Serbian version of ombudsman), by a majority vote [Art. 151 Para. 5]¹⁷.

There is a special restriction for the all potential members of the HJC: the court presidents cannot be elected to this body. Likewise, there are special restrictions for the members elected by the National Assembly: they must be worthy of that office and they must not be members of any political party [Art. 151 Para. 6, 7 and 8]. The term of office of the President of the Supreme Court, the President of the HJC and HJC members is five years without the possibility of re-election. The term of office of the presidents of other courts is the same, yet the Constitution is not specific about the possibility of re-election [Art. 149 and 152]¹⁸. All other conditions for the election of the HJC members, i. e. the judges and the

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid.

prominent lawyers, shall be regulated by law, which will be a huge issue in Serbian society in the upcoming months.

In contrast, the old constitutional provisions were significantly different. HJC members (by function) comprised of the president of the Supreme Court, the minister of justice and the president of the competent parliamentary board. Furthermore, the members who were elected by the National Assembly were six judges and two prominent lawyers.

5. Compliance with the European standards

5.1. Russia

At first glance, the process of the appointment of judges in Russia, from the perspective of the European standards and recommendations may seem problematic — the executive and legislative branches of power are involved in the whole process. The Venice Commission states that the “Appointments of ordinary judges [...] are not an appropriate subject for a vote by Parliament because the danger that political considerations prevail over the objective merits of a candidate cannot be excluded” and the Commission argues similarly when it comes to the appointments by the president of the republic in semi-presidential systems¹⁹. Thus, the VC underlines that what “matters most is the extent to which the head of state is free in deciding on the appointment”. If the “main role in the process is given to an independent body”, e.g. the judicial council, whose proposals “[...] may be rejected only exceptionally, and the President would not be allowed to appoint a candidate not included on the list submitted by it”, the President’s role in the process is not supposed to be/is not troublesome. In other words, it is crucial that the President be “bound by a proposal made by an independent judicial council”²⁰. As we previously presented, in Russia it is the Higher Qualification Board which has the main role in the process as far as the federal judges are concerned. Namely, the Higher Qualification Board chooses the judges taking their competences into consideration. Consequently, a fundamental dilemma is arisen — whose power is stronger: the one exercised by those who are proposing or the one coming from those who are approving the proposal? We dare to say that the former, i.e. the power of those who are proposing, is actually decision-making. For that reason, it appears unjust to assert that the

¹⁹ Compilation of Venice Commission Opinions and Reports Concerning Courts and Judges, CDL-PI(2019)008 // Venice Commission. See p. 15.

²⁰ Ibid.

President of the Russian Federation (or the Council of the Federation) has “wide, final and unaccountable refusal power in the judicial appointment process”²¹. We made this conclusion on the basis of the constitutional and law texts, since we have no data available on how often the president refuses the proposal for the judges’ appointments in practice. Yet, what we perceive as being unnecessarily complicated in the process of judges’ appointments is the “proposal chain”. After the Higher Qualification Board’s positive decision has been made, another two persons take part in the process — the President of the Supreme Court as well as the president of the relevant court. We believe that it seems to be enough that the Higher Qualification Board proposes candidates directly to the President of the Republic, or to either the president of the relevant court or to the President of the Supreme Court, as the intermediary between this body and the President of the Republic. Be that as it may, the “proposal chain” appears to be robust and unnecessarily long.

Nevertheless, what is for sure in compliance with the European standards is the number of the judges in the Russian qualification boards — their number is higher than half of all the members. Likewise, the presence of the representatives of the public is understandable, providing a democratic moment in a strictly guild body. On the other hand, what seems to be a concerning issue is the presence of the representative of the President of the Russian Federation, which could be a serious weak point and an open spot for undesirable political influences. For instance, before the 2022 constitutional reform, the Serbian High Judicial Council had two representatives of both executive and legislative branches of power (namely, the minister of justice and the president of the relevant parliamentary committee). Not only was it a highly criticized constitutional provision in the Serbian public, but it was also disapproved of by the Venice Commission itself²². Hence, we are of the opinion that Russian constitution makers should strive to improve this provision.

5.2. *Serbia*

The Venice Commission presented its assessment that the newly adopted amendments to the Serbian Constitution “meet the parameters set

²¹ Russian Federation: Appointment and promotion of judges; Security of tenure // International Commission of Jurists. Available at: <https://www.icj.org/cijl-countryprofiles/russian-federation/russian-federation-judges/russian-federation-appointment-and-promotion-of-judges-security-of-tenure/> (accessed: 20.12.2022).

²² Opinion on the Constitution of Serbia, CDL-AD (2007)004, see Para. 70.

out in Recommendation CM/Rec(2010)12” especially the one concerning the necessity that at least half of the members of judicial councils should be judges chosen by their peers²³. Moreover, the Commission stressed that “the revised constitutional amendments, [...] have the potential to bring about significant positive change in the Serbian judiciary”²⁴. However, the “the full implementation of the constitutional amendments” will depend on how quickly and effectively the corresponding legislation will be drafted in the upcoming period. The crucial precondition for the implementation and for the enforcement of new constitutional and (future) legal provisions will depend on the “political will” of the main political factors in the country²⁵.

One of the biggest dilemma, despite various procedural issues, will be a legal clarification of the legal standard of so-called “prominent lawyers”. This notion has been introduced in the Serbian system with the 2006 Constitution and it has been the subject of a heated public debate ever since then, with an abundance of various perspectives of how it should be defined (or rather if it should be defined)²⁶. The final word is going to be given by the Serbian legislator in the upcoming months.

From our point of view, the adopted version of the constitutional text is surely a step forward in comparison with the previous one, yet there is still room for change. For example, in one of the versions of the amendments’ text, the HJC consisted of six judges and five prominent lawyers, without the President of the Supreme Court. The presence of the President of the highest court in the country can be a burden when making a decision and possibly a source of disagreements. Peculiar as it may seem, the reputation of the President of the Supreme Court is diminished because they cannot become presidents of the HJC²⁷. In other words, the President of the highest court is a member of the judicial body whose

²³ Serbia Urgent Opinion on the Revised Draft Constitutional Amendments on the Judiciary, CDL-AD(2021)048, see Para. 22.

²⁴ Ibid. Para. 46.

²⁵ Ibid. Para. 47 and 48.

²⁶ *Petrov V.* How to get real prominent lawyers in the judicial council? // Archive for Legal and Social Sciences. 2022. Vol. 2, pp. 25–45. <https://doi.org/10.22182/apdn.22022.2> (In Serbian)

²⁷ Amendment XIV Para.3 or Art.152 of revised text of the Constitution of the Republic of Serbia: Ustav Republike Srbije: 98/2006-3, 115/2021-3, 16/2022-3 // Legal Information System of the Republic of Serbia. Available at: <https://www.pravno-informacioni-sistem.rs/SlGlasnikPortal/eli/rep/sgrs/skupstina/ustav/2006/98/1/reg> (accessed: ???).

president is a judge lower in the status, which might be a somewhat absurd and unpleasant situation.

6. Conclusion

Generally speaking, both Russian and Serbian legal provisions regarding the judiciary comply with the European standards and recommendations. Some of the provisions unambiguously conform to the standards, but some still do not reach them. Given the fact that Serbia has recently changed the part of its Constitution concerning the judiciary, we maintain that it is Serbia which is somewhat closer to achieving the goal of the independent and professional judiciary. As far as Russia is concerned, we draw attention to its solid legal foundations, bringing to the fore that certain significant improvements should be done in the foreseeable future.

References:

1. Recommendation No. R(94)12 to Member States on the Independence, Efficiency and Role of Judges (1994) // Council of Europe. Available at: [https://www.barobirlik.org.tr/dosyalar/duyurular/hsykkanunteklifi/recR\(94\)12e.pdf](https://www.barobirlik.org.tr/dosyalar/duyurular/hsykkanunteklifi/recR(94)12e.pdf) (accessed: 20.12.2022).
2. Recommendation CM/Rec(2010)12 adopted by the Committee of Ministers of the Council of Europe on 17 November 2010 and explanatory memorandum // Council of Europe. Available at: <https://rm.coe.int/cmrec-2010-12-on-independence-efficiency-responsibilites-of-judges/16809f007d> (accessed: 20.12.2022).
3. *Petrov V. Zašto sudija ustavnog suda (ne) mora biti istaknuti pravnik? // Ko bira sudije ustavnog suda?: regionalni bilans teorije i prakse: BiH, Srbija, Hrvatska i Makedonija / Ur. E. Šarčević. Sarajevo: Fondacija Centar za javno pravo, 2012. 286 p.*
4. Russian Federation: Appointment and promotion of judges; Security of tenure // International Commission of Jurists. Available at: <https://www.icj.org/cijlcountryprofiles/russian-federation/russian-federation-judges/russian-federation-appointment-and-promotion-of-judges-security-of-tenure/> (accessed: 20.12.2022).
5. Judicial Appointments, CDL-AD(2007)028. Report adopted by the Venice Commission at its 70th Plenary Session (Venice, 16–17 March 2007) // Venice Commission.
6. Report on the Independence of the Judicial System Part I: The Independence of Judges, CDL-AD(2010)004 // Venice Commission.

7. Serbia Urgent Opinion on the Revised Draft Constitutional Amendments on the Judiciary, CDL-AD(2021)048 // Venice Commission.
8. Compilation of Venice Commission Opinions and Reports Concerning Courts and Judges, CDL-PI(2019)008 // Venice Commission.
9. Opinion on the Constitution of Serbia, CDL-AD(2007)004 // Venice Commission.
10. Law of the Russian Federation of June 26, 1992 N 3132-1 (as amended on March 18, 2023) "On the Status of Judges in the Russian Federation" // Consultant.Plus. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/bf89037c79789d4e5d3fad961ebdbb1b3b78c925 (accessed: 20.12.2022). (In Russian)
11. Constitution of the Russian Federation // ConsultantPlus. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=15ike6206i448721100 (accessed: 20.12.2022). (In Russian)
12. *Petrov V.* How to get real prominent lawyers in the judicial council? // Archive for Legal and Social Sciences. 2022. Vol. 2, pp. 37–53. <https://doi.org/10.22182/apdn.22022.2> (In Serbian)
13. Ustav Republike Srbije: 98/2006-3, 115/2021-3, 16/2022-3 // Legal Information System of the Republic of Serbia. Available at: <https://www.pravno-informacioni-sistem.rs/SlGlasnikPortal/eli/rep/sgrs/skupstina/ustav/2006/98/1/reg> (accessed: 20.12.2022). (In Serbian)
14. Federal Law No. 30-FZ of March 14, 2002 (as amended on December 8, 2020) "On Bodies of the Judicial Community in the Russian Federation" // ConsultantPlus. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35868/0531b0ef56cd57b7fdfa6cf6565ad468c3b55f95 (accessed: 20.12.2022). (In Russian)